ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ДО ЗАКЛЮЧЕНІЯ БЕРЛИНСКАГО ДОГОВОРА

1855—1878

Вычеркни изъ исторіи изученіе причинъ, средствъ и цѣлей людскихъ предпріятій,—что же отъ нея останется? Литературное упражненіе, игра словъ, пріятная для слуха, но безплодная для будущности.

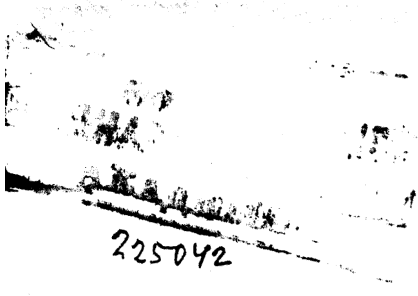
Полибій.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Перемѣны въ государственномъ устройствѣ и управленіи

Выпускъ 1-й: ПРОГРЕССЪ

ПРАГА
РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ
1880

225042

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Общій взглядъ на преобразованія Александра II.

Le temps grandit ce qu'il ne tue pas.
Guizot.

Весною 1866 года конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, тогда только что окончившихъ великую междуусобную войну изъ-за свободы негровъ, единогласно постановилъ принести поздравленіе императору Александру II по случаю избавленія его отъ опасности, которая 4 апрѣля того года грозила со стороны Каракозова. Особое торжественное посольство было отправлено изъ Вашингтона въ Петербургъ, и глава его, Фоксъ, произнесъ передъ императоромъ блестящую рѣчь, въ которой выразилъ удивленіе своихъ согражданъ-республиканцевъ къ великому подвигу освобожденія

русскихъ крестьянъ самодержцемъ. Этотъ подвигъ представлялся американскимъ аболиціонистамъ причиною каракозовскаго покушенія, и они, вслѣдствіе подобнаго же покушенія незадолго предъ тѣмъ лишившіеся Линкольна, больше чѣмъ кто нибудь могли принимать къ сердцу заслугу государя - освободителя 22.000.000 душъ. Князь Горчаковъ поправилъ ошибку Фокса, сказавъ, что Каракозовъ вышелъ изъ рядовъ совсѣмъ не той партіи, къ которой причисляли его американцы; но на поправку эту никто не обратилъ большаго вниманія, и торжества по случаю пріѣзда заатлантическихъ друзей были, можно сказать, апотеозомъ императора Александра, хотя они справлялись уже послѣ рескрипта кн. Гагарину, который мы помѣстили въ I томѣ и съ котораго началась открытая реакція.

Прошли годы, многіе годы, и кто же изъ самыхъ искреннихъ почитателей императора Александра II, а въ глубинѣ души, можетъ быть, и онъ самъ,—не скажетъ теперь: жаль, что жизнь его не кончилась въ тѣ торжественныя минуты или даже 4 апрѣля 1866 г. Чистъ, почти безупреченъ, окруженный ореоломъ великихъ воспоминаній и сочувствіемъ, на которое имѣетъ права всякая благородная жертва, являлся бы образъ его потомству. Тѣ немногіе упреки, которые могли дѣлать ему враги народа русскаго, изчезли бы въ

общемъ громкомъ хвалебномъ гимнѣ, а всѣ ошибки, сдѣланныя незадолго до 1866 года, были бы отнесены на счетъ исполнителей, работавшихъ послѣ его кончины. Все зло, совершенное послѣ 1866 года, не существовало бы и совсѣмъ на страницахъ исторіи...

Безусловные защитники императора, если они въ настоящее время еще есть,—скажутъ, что въ виду такихъ важныхъ, коренныхъ реформъ, какъ освобожденіе 22.000.000 крестьянъ, введеніе гласныхъ судовъ, основаніе земскаго самоуправленія, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній и пр., многіе промахи позднѣйшаго времени должны быть сложены со счетовъ и отнесены къ разряду золъ временныхъ, преходящихъ и даже независимыхъ отъ воли императора, котораго сердце всегда будто бы оставалось полнымъ самыхъ лучшихъ желаній относительно русской націи. Не будемъ оспаривать ихъ и даже признаемъ долю справедливости въ ихъ замѣчаніяхъ; но наукѣ нѣтъ дѣла до *намѣреній*, ничѣмъ не осуществившихся. Для нея l'enfer pavé de meilleures intentions все-таки остается адомъ, и она имѣетъ дѣло съ одними реальными фактами, а въ ряду послѣднихъ мы находимъ напримѣръ слѣдующіе:

Систематическое противодѣйствіе экономическому преуспѣянію народныхъ массъ обремененіемъ ихъ непосильными налогами и не-

только поддержкою, а даже умноженіемъ неравенства въ отправленіи государственныхъ тягостей разными классами общества, при чемъ бѣдные люди приносились въ жертву богатымъ.

Крайне вредное размноженіе бюрократіи съ возведеніемъ полицейскаго и даже военно-полицейскаго произвола на степень неслыханную въ исторіи народовъ образованныхъ, такъ что полицейская власть фактически стала выше закона.

Глубоко-безнравственное размноженіе шпіонства и, соотвѣтственно этому, безжалостное преслѣдованіе всего, что есть нравственно самостоятельнаго и честнаго въ образованномъ обществѣ.

Такое развитіе казней и системы арестовъ, ссылокъ безъ суда, что царствованія Николая и Павла блѣднѣютъ въ этомъ отношеніи передъ царствованіемъ Александра II.

Гоненія на людей, служившихъ интересамъ точнаго знанія, и упорное стремленіе задержать умственное развитіе народныхъ массъ.

Систематическая порча, въ реакціонномъ смыслѣ, вновь созданныхъ учрежденій судебныхъ и земскихъ.

Много и другихъ золъ, исходившихъ отъ верховной власти божіею милостіею соверши-

лось въ Россіи съ 1855 г. и особенно съ 1866 г. по 1878. Имъ мы посвящаемъ вторую половину этого тома; здѣсь же займемся тѣми реформами, которыхъ идеи сочувственны всякому образованному и благородному человѣку. Въ главѣ ихъ, конечно, стоитъ освобожденіе крѣпостныхъ.

Освобожденіе крестьянъ.

Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу.

Александръ II.

Помѣщичьи крестьяне, какъ извѣстно, лишены были права перехода отъ одного владѣльца къ другому царемъ Борисомъ Годуновымъ и закрѣплены окончательно за помѣщиками первою народною переписью, произведенною Петромъ Великимъ. Въ теченіе XVIII столѣтія сфера крѣпостнаго права очень расширилась, благодаря раздачѣ разными императрицами населенныхъ имѣній любовникамъ въ родѣ Шуваловыхъ, Орловыхъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ, и т. п. Екатерина II была особенно щедра на такіе подарки, и при ней господство крѣпостнаго права распространилось даже на Малороссію, гдѣ оно прежде не было извѣстно. Павелъ, во всемъ прочемъ несогласный съ своею матерью, продолжалъ однако ея традицію

по отношенію къ „мужикамъ“ и въ день своей коронаціи роздалъ нѣсколько тысячъ крестьянъ своимъ „вельможамъ“ изъ гатчинцовъ. Александръ I, воспитанный подъ вліяніемъ либеральныхъ идей XVIII столѣтія, прекратилъ раздачу населенныхъ имѣній въ собственность дворянъ; онъ запретилъ продавать крестьянъ на базарахъ какъ скотъ; но и при немъ еще, а равно и при Николаѣ, свободныя крестьянскія деревни давались въ аренду разнымъ отличившимся генераламъ. Николай роздалъ много казенныхъ и конфискованныхъ польскихъ имѣній въ майораты подобнымъ генераламъ, особенно изъ балтійскихъ нѣмцевъ. Онъ притомъ жестоко каралъ крестьянъ за всякія попытки не только вырваться изъ крѣпостной зависимости, но и оградить себя отъ прямаго варварства помѣщиковъ. Кровавыя усмиренія „крестьянскихъ бунтовъ“ не прерывались во все его царствованіе, и для ознакомленія съ ними достаточно прочитать любопытную книжку объ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи за время съ 1836 по 1856 годъ, изданную въ 1873 г. въ Берлинѣ.

Однако и Николай понималъ, что „владѣніе душами“ неприлично въ государствѣ, причисляющемъ себя къ сонму образованныхъ націй. Онъ видѣлъ, сколько зла совершалось помѣщиками, и не побоялся въ 1848 году сказать дворянамъ въ глаза, что на 50 человѣкъ изъ

нихъ онъ только 15 считаетъ людьми хорошими, а 25—посредственными и 10—негодными. Соотвѣтственно такому взгляду императора, имъ было открыто въ разное время цѣлыхъ шесть комитетовъ для обсужденія вопроса объ освобожденіи крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, объ улучшеніи ихъ участи. Но какъ „незабвенный“ самодержецъ вообще охотнѣе затягивалъ узлы свободы, чѣмъ распускалъ ихъ; то всѣ эти бумажныя попытки такъ и остались бумажными. Робкое приглашеніе помѣщиковъ перечислять крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ „обязанные поселяне“, сдѣланное указомъ 1842 года, нашло отголосокъ только въ графѣ Воронцовѣ и еще *двухъ* дворянахъ, которые и уволили въ общемъ итогѣ 26.000 душъ. И только въ Польшѣ и въ югозападномъ краѣ, гдѣ дворянство состояло преимущественно изъ поляковъ, у Николая достало мужества принять нѣкоторыя рѣшительныя мѣры, если не къ личному освобожденію крестьянъ изъ неволи, то къ точному опредѣленію ихъ повинностей передъ помѣщиками. Это были: указъ 1846 года о составленіи престаціонныхъ табелей въ царствѣ Польскомъ и инвентарныя правила Бибикова, утвержденныя въ 1848 г. императоромъ для кіевскаго генералъ-губернаторства.

Такимъ образомъ императоръ Александръ при вступленіи своемъ на престолъ нашелъ

крестьянскій вопросъ почти нетронутымъ. Мы видѣли въ I томѣ, какую рѣчь произнесъ онъ 30 марта 1856 г. передъ предводителями московскаго дворянства, приглашая ихъ начать великое дѣло. Эта рѣчь всецѣло, и по мысли, и по изложенію, принадлежитъ ему самому. Приписывать идею ея вліянію Луи-Наполеона, который будто бы требовалъ прекращенія рабства въ Россіи во время парижскихъ переговоровъ объ окончаніи восточной войны, —нѣтъ никакихъ основаній. Да и самая настойчивость Александра Николаевича при проведеніи крестьянской реформы, когда ему приходилось бороться со множествомъ реакціонныхъ вліяній, ясно доказываетъ, что основная мысль была его собственною, потому что чужія внушенія никогда бы не приводились въ исполненіе съ такою энергіею.

И такъ, 30 марта 1856 г. въ существѣ было рѣшено покончить съ рабствомъ крестьянъ. Во время коронаціи, въ августѣ того же года, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Левшинъ, по порученію свыше, переговаривался уже съ губернскими предводителями дворянства, съѣхавшимися въ Москву, на счетъ возможности уничтоженія крѣпостнаго права. 3 января 1857 года государь лично открылъ засѣданія особаго комитета по крестьянскому дѣлу, въ который имъ были назначены важнѣйшіе сановники госу-

дарства, начиная съ князя Орлова. Можно сказать, что если бы многолѣтній деспотизмъ не воспиталъ изъ русскихъ дворянъ эгоистическихъ, бездушныхъ, недальновидныхъ, чуждыхъ всякой иниціативы мелкихъ тирановъ; то уже тогда должны были найдтись люди, способные откликнуться на императорскій призывъ 30 марта, хотя онъ и не былъ, по непонятной причинѣ, опубликованъ въ печати. Но въ дѣйствительности нужны были слишкомъ полтора года времени и бюрократическая хитрость, чтобы двинуть наконецъ крестьянское дѣло. Хитрость эта состояла въ томъ, что въ 1857 г. литовскіе дворяне, которымъ не мало непріятности доставляли вводившіяся въ Литвѣ бибиковскія инвентарныя правила, вздумали отдѣлаться отъ нихъ, переставивъ вопросъ на другую почву и явились съ неопредѣленнымъ, уклончивымъ ходатайствомъ „объ улучшеніи быта ихъ крестьянъ“; а правительство, поймавъ этихъ дворянъ на словѣ, заявило, къ немалому ихъ удивленію, что оно принимаетъ съ сочувствіетъ ихъ ходатайство и готово покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Отсюда знаменитый рескриптъ литовскому генералъ-губернатору Назимову, отъ 20 ноября 1857 года, гдѣ говорилось слѣдующее:

Въ губерніяхъ ковенской, виленской и гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводите-

лей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ этими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній.

Одобряя вполнѣ намѣренія этихъ представителей дворянства ковенской, виленской и гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проэктовъ, на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Для сего повелѣваю:

Открыть теперь же.... и пр. (слѣдуютъ правила объ организаціи трехъ губернскихъ комитетовъ и одной общей коммиссіи въ Вильнѣ).

Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проэкта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за ко-

торое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе этихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты эти, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проэктъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе этого важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ трехъ губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать какъ губернскимъ комитетамъ этихъ губерній, такъ и общей коммиссіи нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи этой обязанности. Составленный общею коммиссіею проэктъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію

ковенской, гродненской и виленской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое этому сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло это будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали ни какимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Послѣднія слова рескрипта ясно показываютъ, что правительство опасалось волненій между крестьянами, которымъ напр. могла не понравиться статья „общихъ основаній“, предоставляющая помѣщикамъ вотчинную полицію. По счастью никакихъ волненій не было и, съ теченіемъ времени, само правительство отказалось отъ мысли облечь крупныхъ землевладѣльцевъ полицейскою властью надъ мелкими.—Ходъ реформы представлялъ затѣмъ слѣдующее:

Въ теченіе конца ноября и начала декабря 1857 г. петербургское дворянство, состоящее почти сплошь на государственной или придворной службѣ, подъ давленіемъ правительства, volens—nolens, сдѣлало заявленіе въ томъ же родѣ, какъ и литовское. Ему въ отвѣтъ данъ былъ, 5 декабря, рескриптъ на имя

петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева, составлявшій отчасти простое повтореніе, отчасти развитіе рескрипта Назимову. При этомъ запрещено было перечисленіе крестьянъ во дворовые люди, на которое было расчитывали помѣщики-крѣпостники.

Въ то же время по всѣмъ губерніямъ разосланъ былъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго къ губернаторамъ, обращавшій ихъ вниманіе на ходатайство литовскихъ дворянъ „объ освобожденіи ихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ и извѣщавшій, что „государь императоръ узналъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ намѣреніи“. Нижегородскій губернаторъ, А. Муравьевъ, старый масонъ и либералъ, другъ Ланскаго, первый успѣлъ воспользоваться этимъ открытымъ заявленіемъ видовъ правительства и, созвавъ мѣстное дворянство, убѣдилъ его подать адресъ государю съ изложеніемъ желанія покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Это былъ первый адресъ отъ собственно русскихъ губерній, и затѣмъ послѣдовательно стали являться такіе же изъ прочихъ провинцій. Правительство отвѣчало такими же распоряженіями объ открытіи губернскихъ комитетовъ, какъ и въ Литвѣ, постепенно развивая свои мысли о задачахъ, которые комитеты призваны рѣшить, но, по правдѣ сказать, не имѣя само ясныхъ предста-

вленій ни о ходѣ, ни тѣмъ болѣе объ исходѣ задуманнаго преобразованія.

Московское дворянство, то, на которое привыкли взирать какъ на образецъ дворяне всѣхъ русскихъ губерній, долгое время уклонялось отъ заявленія своего „желанія *улучшить* состояніе крестьянъ". Мѣстный генералъ-губернаторъ Закревскій, самъ помѣщикъ 20.000 душъ и ярый крѣпостникъ, поддерживалъ эту пассивную оппозицію; наконецъ 7 января 1858 года и въ Москвѣ адресъ былъ подписанъ. Только дворяне просили о разрѣшеніи имъ „открыть комитетъ для составленія проэкта правилъ, которыя будутъ признаны общеполезными и *удобными для мѣстности московской губерніи*". На это имъ 16 января отвѣчено, чтобы комитетъ ихъ работалъ „на *тѣхъ же главныхъ основаніяхъ*, которые указаны дворянству прочихъ губерній."

Такъ какъ открытіе комитетовъ было первымъ не бумажнымъ, а дѣйствительнымъ актомъ по дѣлу освобожденія крестьянъ, то приведемъ здѣсь списокъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ открытій, а не въ алфавитномъ губерній, какъ сдѣлано въ большей части оффиціальныхъ источниковъ, быть можетъ для того, чтобы обезцвѣтить значеніе того увлеченія, съ которымъ по крайней мѣрѣ лучшая часть дворянства откликнулась на призывъ правительства:

Губерніи.	Комитетъ открытъ.	Проэктъ представ.
С.-Петербургская.	14 января 1858.	3 ноябр. 1858.
Нижегородская.	19 февраля „	25 октябр. „
Виленская.	19 „ „	8 декабр. „
Гродненская.	26 „ „	14 ноября. „
Ковенская.	6 марта „	15 „ „
Московская.	26 апрѣля „	8 февр. 1859.
Кіевская.	24 іюня „	3 апрѣл. „
Симбирская.	25 „ „	1 января „
Витебская.	1 іюля „	9 февр. „
Костромская.	1 „ „	24 января „
Подольская.	2 „ „	24 дек. 1858.
Волынская.	8 „ „	30 марта 1859.
Харьковская.	8 „ „	10 апрѣл. „
Воронежская.	13 „ „	16 „ „
Черниговская.	22 „ „	15 марта „
Екатеринославская.	27 „ „	2 іюня „
Тверская.	7 август. „	16 февраль „
Могилевская.	16 „ „	25 мая „
Рязанская.	26 „ „	15 „ „
Пензенская.	2 сентяб. „	31 „ „
Саратовская.	2 „ „	9 „ „
Тамбовская.	2 „ „	6 „ „
Астраханская.	4 „ „	1 апрѣля „
Тульская.	5 „ „	25 августа „
Смоленская.	6 „ „	9 мая „
Казанская.	11 „ „	23 „ „
Псковская.	14 „ „	11 апрѣля „
Новгородская.	16 „ „	2 мая „
Земля войска донск.	21 „ „	въ іюнѣ „
Владимірская.	24 „ „	27 апрѣля „
Самарская.	25 „ „	11 августа „
Таврическая.	29 „ „	2 іюня „
Ярославская.	1 октябр. „	12 мая „
Орловская.	3 „ „	5 іюня „
Полтавская.	9 „ „	26 апрѣля „

Губерніи.	Комитетъ открытъ.	Проэктъ представ.
Херсонская.	14 октябр. 1858.	22 іюля 1859.
Вологодская.	21 „ „	18 мая „
Курская.	1 ноября „	4 сентяб. „
Бессарабская.	4 декабря „	14 августа „
Калужская.	6 „ „	14 „ „
Оренбургская.	11 „ „	11 „ „
Ставропольская.	15 января 1859.	въ январ. 1860.
Вятская.	15 „ „	14 апр. 1859.
Пермская.	31 „ „	4 сент. „
Олонецкая.	22 феврал. „	13 іюня „

21 апрѣля 1858 г. губернскіе комитеты получили отъ главнаго комитета въ руководство при своихъ занятіяхъ программы какъ послѣдовательнаго хода ихъ трудовъ, такъ и тѣхъ проэктовъ, которые должны были выработаться при этомъ. Въ послѣдней программѣ уже намѣчались главныя основы будущаго закона объ освобожденіи крѣпостныхъ, а потому мы приведемъ ея содержаніе. Каждый проэктъ долженъ былъ состоять изъ десяти главъ: 1. о переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные; 2. о сущности срочно-обязаннаго положенія; 3. о поземельныхъ правахъ помѣщиковъ; 4. объ усадебномъ устройствѣ крестьянъ; 5. о надѣлѣ крестьянъ землею; 6. о повинностяхъ крестьянъ; 7. объ устройствѣ дворовыхъ людей; 8. объ образованіи сельскихъ обществъ; 9. о правахъ и отношеніяхъ помѣщиковъ; 10. о порядкѣ и способахъ исполненія новаго за-

кона. Программа указывала наприм. въ 1-ой главѣ „прекращеніе личнаго крѣпостнаго права на дѣлѣ и въ актахъ; дарованіе крѣпостнымъ всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ“; во 2-ой главѣ: „дозволеніе перехода въ другія сословія, впрочемъ не цѣлыми обществами“; въ 4-ой главѣ; „выкупъ усадьбъ по утвержденной оцѣнкѣ“; въ 5-ой главѣ: „наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ“; въ 6-ой главѣ: „круговую поруку сельскаго общества за внесеніе податей“; въ 8-ой главѣ: „распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами новыхъ сельскихъ обществъ по ихъ усмотрѣнію; такую же разверстку казенныхъ и господскихъ повинностей“; въ 10-ой главѣ: „составленіе помѣщикомъ письменнаго акта, опредѣляющаго подробности выхода крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія“, и проч. Все это были отрадныя указанія на серьезность и ширину задуманной реформы; и хотя въ главѣ 3-й еще говорилось о „неприкосновенности правъ собственности помѣщика на всю землю“, а въ главѣ 9-ой „помѣщику присваивалось званіе начальника крестьянскаго общества“; но это были или фикціи для утѣшенія помѣщиковъ-крѣпостниковъ, или недомолвки самого главнаго комитета, который еще въ то время не уяснилъ себѣ плана реформы, не смотря на то, что въ

него уже съ августа 1857 г. былъ назначенъ членомъ великій князь Константинъ Николаевичъ, который съ благороднымъ увлеченіемъ молодости отдался весь великому дѣлу и энергически приводилъ въ движеніе косное тѣло тяжеловѣснаго комитета, въ которомъ князь Орловъ оффиціально былъ первымъ лицомъ.

Въ составъ губернскихъ комитетовъ поступила если не лучшая, то способнѣйшая часть провинціальнаго дворянства. Вопреки принятому обыкновенію называть по именамъ дѣятелей, способствовавшихъ обновленію Россіи, мы должны пройдти молчаніемъ составъ этихъ комитетовъ по самой его многочисленности; но замѣтимъ, что онъ указанъ въ сочиненіи Скребицкаго. Губернскіе комитеты работали вообще очень усердно; многіе кончили свои труды менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, назначенныхъ правительствомъ. Это было лучшее время въ исторіи современной Россіи, когда повѣявшій на нее здоровый воздухъ глубоко проникалъ въ легкія не только людей отъ природы гуманныхъ и дотолѣ лишь по неволѣ бездѣйствовавшихъ подъ эгидою деспотизма, но и грубыхъ плантаторовъ, которымъ пришлось наконецъ стыдиться своихъ крѣпостническихъ взглядовъ или, по крайней мѣрѣ, скрывать ихъ передъ обществомъ. Всѣ работали болѣе или менѣе усердно. Правительство, съ отличавшею его въ то время просвѣщенною

терпимостью, дозволило комитетамъ представлять проэкты освобожденія крестьянъ не только отъ имени большинства членовъ, но и отъ меньшинства, если таковое было и желало довести до свѣдѣнія верховной власти свои мнѣнія и предположенія. Если когда-нибудь нужно бы было приводить доказательства способности русскаго общества къ плодотворной законодательной дѣятельности, — въ чемъ нынѣ отказываетъ ему петербургская бюрократія, — то работы губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу могли бы смѣло приводиться, какъ примѣръ убѣдительный. Въ нихъ много несовершеннаго, ошибочнаго, иногда наивнаго; но всѣ онѣ ясно свидѣтельствуютъ о здоровой, честной дѣятельности пробужденнаго отъ застоя общества.

Императору Александру лично принадлежитъ важная заслуга въ этомъ дѣлѣ пробужденія Россіи и въ частности губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, разработывавшихъ основанія закона, которому не было примѣра во всемірной исторіи. Лѣтомъ 1858 г. онъ отправился въ путешествіе по своей странѣ съ прямою цѣлью увидѣть, какое впечатлѣніе производятъ на націю слухи о задуманныхъ имъ нововведеніяхъ, и что именно дѣлаетъ дворянство. Во всѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ онъ останавливался, были произносимы имъ, — вопреки обычаю самодержцевъ, — не-

большія рѣчи, въ которыхъ высказывалось то приглашеніе къ участію въ великомъ готовившемся подвигѣ, то поощреніе за начатую уже дѣятельность, то совѣты, какъ избѣжать тѣхъ или другихъ трудностей, то смѣлыя укоризны за несочувственное отношеніе къ благородному его начинанію. Въ Твери, напр. онъ сказалъ дворянамъ: „Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться важнымъ дѣломъ; обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ; устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобы было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которые указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу: надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ.... Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитета поступитъ, черезъ министерство, на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойдтись нельзя: наша цѣль одна, общая—польза Россіи“... Въ Костромѣ императоръ напомнилъ дворянамъ, что его семья

родомъ изъ ихъ среды, что губернію ихъ онъ считаетъ родною; слѣдовательно... Въ Нижнемъ-Новгородѣ присутствіе его совпадало со временемъ ярмарки, сопровождавшейся, разумѣется, огромнымъ стеченіемъ народа, который непрерывно выражалъ восторгъ „отъ благой вѣсти,“ которой виновника видѣлъ въ своей средѣ. Дворянству высказана была самая теплая благодарность. „Я радъ, господа, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество его призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступили добросовѣстно: ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ опять благодарю васъ за то, что вы же первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ, генерала Шереметьева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете мою цѣль, общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общею пользою. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль: устраните ихъ. Я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что ихъ

болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что многое уже сдѣлано нами; идите впередъ“....

Вся Россія съ жадностью прислушивалась къ этимъ рѣчамъ, въ которыхъ за мягкими, гуманными, хотя не всегда чисто ораторскими формами, за дружескимъ тономъ, слышалась твердая рѣшимость довести великое дѣло освобожденія до скораго конца. Но особенное впечатлѣніе произвела рѣчь сказанная въ Москвѣ, такъ какъ ею всякаго рода реакціонерамъ былъ данъ серьезный урокъ. Послѣ ряда празднествъ по случаю годовщины коронаціи и имянинъ императора, 31 августа 1858 г. московскіе дворяне были приняты во дворцѣ, и тутъ Александръ II въ горькихъ словахъ, почти съ гнѣвомъ на лицѣ выразилъ имъ свое неудовольствіе за поздній отзывъ его на царскій призывъ и за не вполнѣ доброжелательное отношеніе къ начатой реформѣ. „Мнѣ пріятно, — сказалъ государь, — когда я имѣю возможность благодарить дворянство; но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ отмѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели

снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ много думалъ и, помолясь богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній были даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отозвется; но отозвалось нижегородское, а московская губернія — не первая, не вторая, даже не третья! Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю и теперь, какъ родную... Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь были повторены главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первою опорою престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для своей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ, что могу; дайте же мнѣ возможность стоять за васъ! (Слова эти были произнесены тономъ упрека, почти съ угрозой, при чемъ императоръ ударилъ кулакомъ по столу). Понимаете ли, господа?... Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченіе изъ его занятій, многое мнѣ кажется хорошо; одно я замѣ-

тилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность."

Эта твердая, мужественная, истинно царская рѣчь нашла громкій отголосокъ повсюду. Члены губернскихъ комитетовъ изъ плантаторской партіи пріуныли. Особенно важно было напоминаніе императора, что подъ усадебною осѣдлостью онъ разумѣетъ не одну избу и дворъ,—какъ того хотѣли крѣпостники въ родѣ князя С. Голицына, автора брошюры подъ заглавіемъ „Печатная Правда," — а и поземельный надѣлъ. — Изъ Москвы императоръ отправился на западъ и въ Смоленскѣ опять сказалъ нѣсколько словъ дворянству въ дружескомъ, привѣтливомъ тонѣ. Ему отвѣчали крикомъ: ура! Наконецъ 6 сентября была имъ произнесена послѣдняя рѣчь по крестьянскому дѣлу, передъ виленскими дворянами. Онъ благодарилъ ихъ „за участіе, принятое въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ," напомнилъ, что „они первые показали собою примѣръ, и вся имперія послѣдовала за ними;" выразилъ увѣренность, что они „отвѣтятъ ожиданіямъ правительства и будутъ всегда и во всемъ помогать" ему, императору... Конечно, тутъ было сдѣлано нѣкоторое отступленіе

отъ той „правды,“ которую императоръ гордо объявлялъ въ Москвѣ неизмѣнною принадлежностью своихъ словъ. Литовское дворянство и знало, въ чемъ была фальшь, да знали и многіе другіе; но все же искренности царской признательности за рѣшимость дворянъ освободить ихъ крестьянъ, хотя бы по внушенію свыше, не вѣрить нельзя, а польза отъ рѣчи была несомнѣнная.

Къ лѣту и началу осени 1858 года, т. е. ко времени произнесенія всѣхъ упомянутыхъ здѣсь рѣчей, относится еще одно путешествіе, не оставшееся безъ послѣдствій для крестьянскаго дѣла. Путешествіе это было сдѣлано лицомъ, въ то время очень близкимъ къ императору Александру, генераломъ Ростовцовымъ. Начальникъ военно-учебныхъ заведеній въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ конечно вовсе не былъ подготовленъ къ тому, чтобы стать компетентнымъ дѣятелемъ по рѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ; но у него было мягкое отъ природы сердце, довольно изворотливый русскій умъ и, главное, огромное честолюбіе, которое заставляло его искать дѣятельности внѣ тѣснаго круга кадетскихъ корпусовъ и скучныхъ засѣданій государственнаго совѣта. Быть можетъ и желаніе смыть позорное пятно доносчика по 14 дек. 1825 года дѣятельнымъ участіемъ въ великомъ, *честномъ* дѣлѣ, побудило его заняться кресть-

янскимъ вопросомъ въ смыслѣ ознакомленія съ тѣми явленіями, которыми сопровождалось освобожденіе крестьянъ въ западной Европѣ. Отсюда возникли четыре письма его къ императору Александру изъ-за границы, въ которыхъ, безъ большаго правительственнаго таланта, но съ надеждою на успѣхъ дѣла въ Россіи, онъ развилъ нѣсколько своихъ соображеній о наилучшемъ, по его мнѣнію, ходѣ и исходѣ крестьянской реформы. Письма эти понравились государю; изъ нихъ было сдѣлано печатное извлеченіе и сообщено главному комитету въ засѣданіи 18 октября. Содержаніе его очень непонравилось кн. Орлову, Муравьеву (вѣшателю) и другимъ столпамъ реакціи въ комитетѣ; но оно было поддержано императоромъ, и это дало ему вѣсъ. Мало-помалу созрѣла, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, мысль объ обработкѣ будущаго общаго закона объ освобожденіи крестьянъ подъ ближайшимъ руководствомъ Ростовцева, и вотъ во второй половинѣ зимы 1858-59 года состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи его предсѣдателемъ знаменитыхъ потомъ редакціонныхъ коммиссій для выработки, изъ губернскихъ проэктовъ, общаго положенія. Учрежденіе этихъ коммиссій составило важный фазисъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла, и потому здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ ихъ предсѣдателѣ и членахъ,

которые имѣютъ заслуженное право на мѣсто въ русской исторіи.

Я. И. Ростовцевъ былъ сынъ директора одной изъ петербургскихъ гимназій, человѣка, въ свою очередь, родившагося отъ слесаря. Онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и началъ службу въ гвардейскомъ егерскомъ полку, гдѣ конечно никогда не составилъ бы себѣ особенно блистательной карьеры. Доносъ, сдѣланный имъ императору Николаю на декабристовъ, выдвинулъ его изъ рядовъ товарищей; но какъ Николай никогда не могъ забыть, что „молодой, пламенный патріотъ“ отказался назвать ему имена заговорщиковъ, но и подвигался онъ по службѣ безъ особой быстроты, больше обязанный повышеніями своимъ личнымъ качествамъ, чѣмъ протекціи императора или его брата, Михаила, при которомъ былъ назначенъ адъютантомъ. Воспитаніе его, разумѣется, было поверхностное; но онъ умѣлъ нравиться, хотя бы даже легкимъ шутовствомъ, и это поддерживало его на довольно видной дорогѣ, такъ что уже съ конца 1830-хъ годовъ онъ сдѣланъ былъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, которыми тогда командовалъ Михаилъ Павловичъ. Затѣмъ мы видимъ его въ теченіе почти 20 лѣтъ погруженнымъ въ мелочи военно-педагогическаго міра, то авторомъ реакціонныхъ инструкцій 1849 г., то покрови-

телемъ либеральныхъ преподавателей, въ родѣ Ир. Введенскаго. Долгое сидѣніе на мѣстѣ, гдѣ все окружающее волею-неволею покорялось ему, развило въ немъ обычную нервную болѣзнь генераловъ, деспотизмъ, и онъ, проливая иногда романтическія слезы, не только сѣкъ по временамъ кадетъ публично, предъ ихъ товарищами, но и не отличался вѣжливостью передъ подчиненными офицерами и даже генералами. Когда въ 1849 г. умеръ Михаилъ Павловичъ и начальникомъ кадетскихъ корпусовъ былъ назначенъ наслѣдникъ, т. е. будущій императоръ Александръ II, тогда честолюбивому начальнику его штаба открылась вѣроятность болѣе широкой дороги, и дѣйствительно, вскорѣ послѣ 19 февраля 1825 года, мы видимъ Ростовцева членомъ государственнаго совѣта. Письма, о которыхъ упомянули мы выше, открыли ему доступъ на поприще историческое, съ котораго онъ и сошелъ въ могилу, не успѣвъ довести дѣла до конца, но давъ ему прочное направленіе.

Участіе Ростовцова въ трудахъ редакціонной коммиссіи не ограничивалось однимъ предсѣдательствомъ, т. е. направленіемъ преній по установленной программѣ, но выражалось личными его трудами: составленіемъ письменныхъ предположеній, наблюденіемъ за изданіемъ трудовъ коммиссіи, которое хотя не поступали въ продажу, но разсылались по Россіи въ

числѣ 3.500 экземпляровъ, непрерывными сношеніями съ государемъ и важнѣйшими членами главнаго комитета. Но впрочемъ главная доля творческаго труда коммиссіи принадлежитъ не ему, а членамъ, между которыми первыя мѣста занимали Н. Милютинъ, князь Черкасскій, Ю. Самаринъ и, отчасти, Я. Соловьевъ. Н. Милютинъ, конечно, лучшій изъ русскихъ государственныхъ людей нашего времени, былъ тѣмъ средоточіемъ, около котораго собирались члены коммиссіи, поборники реформы, и въ кабинетѣ котораго предварительно осуждались и принимались рѣшенія, которыя потомъ усердно отстаивались въ засѣданіяхъ коммиссіи. Мы скажемъ о немъ подробнѣе, когда коснемся крестьянскаго дѣла и другихъ реформъ въ Польшѣ. Почти на одной съ нимъ высотѣ по услугамъ освобожденію русскихъ крестьянъ стоитъ Ю. Самаринъ, одинъ изъ лучшихъ гражданъ русской земли, честный, твердый въ убѣжденіяхъ, отличный діалектикъ и хорошій знатокъ народнаго быта, которому еще Гакстгаузенъ былъ обязанъ важнѣйшими данными его труда о русской сельской общинѣ. Самаринъ явился было въ коммиссію съ своимъ готовымъ проэктомъ реформы; но, узнавъ ближе обстоятельства, великодушно отказался отъ него, чтобы вмѣсто идеальнаго совершить возможное. И онъ стоялъ при этомъ стражемъ лучшихъ идей, проникавшихъ въ

коммиссію. Какъ человѣкъ неслужившій, богатый, онъ могъ высказывать и дѣйствительно высказывалъ свои мнѣнія съ полною независимостью и, благодаря своему ораторскому искусству, покорялъ умы. Князь Черкасскій такъ-сказать дополнялъ Самарина. То же отличный діалектикъ, онъ обладалъ даромъ соглашать противоположныя мнѣнія, находить ту равнодѣйствующую силу, которая одна могла быть приложена къ дѣйствительности, и потому его труды были особенно важны при окончательной отдѣлкѣ проэктовъ коммиссіи. Можно сказать, что имъ редактировано почти все „Положеніе“ 19 февраля 1861 года. Но отдавая полную справедливость его умственнымъ дарованіямъ, мы должны сказать, что по своимъ нравственнымъ качествамъ онъ оставлялъ желать многаго. Ратуя за интересы крестьянства, онъ своихъ собственныхъ крестьянъ успѣлъ своевременно отпустить на волю почти безъ земли. За это-то, при либеральныхъ разглагольствованіяхъ въ Тулѣ, онъ былъ почти вытолканъ изъ тульскаго дворянскаго собранія. Кромѣ того, еще до поступленія въ составъ реакціонныхъ коммиссій онъ сдѣлался извѣстенъ цѣлой Россіи своимъ деспотическимъ предложеніемъ сохранить за помѣщиками столько личной власти надъ крестьянами, чтобы они могли ихъ наказывать 18-ю ударами розогъ. Эти 18 розогъ, такъ-сказать,

приросли съ того времени къ имени Черкасскаго и, вмѣстѣ съ позднѣйшимъ поведеніемъ его въ Болгаріи, поведеніемъ чисто деспотическимъ, набрасываютъ на него нелестную тѣнь.—Соловьевъ, чиновникъ нетолько 84, но 92 пробы, былъ полезнымъ членомъ коммиссій по своему знакомству съ сельскимъ хозяйствомъ средней Россіи и по рѣдкому трудолюбію. Природа отказала ему въ высшихъ дарованіяхъ, въ способности къ умственному почину; но за то надѣлила настойчивостью въ достиженіи разъ указанной и принятой имъ цѣли. Это была полезнѣйшая планета въ солнечной системѣ, которой центръ составлялъ Милютинъ. Планета эта продолжала вертѣться по установленному эллипсису даже и тогда, когда солнце угасло; но собственнымъ свѣтомъ, хотя бы даже слабо-фосфорическимъ, она никогда не свѣтила. Это былъ человѣкъ честный, но ограниченный, влюбленный больше всего въ бумаги, номера, регистратуру и чиновничье чинопочитаніе. Такимъ мы встрѣтимъ его потомъ и въ Польшѣ, гдѣ онъ занималъ въ 1864—68 годахъ важный постъ члена завѣдывавшаго дѣлами Учредительнаго комитета.

Не имѣя затѣмъ возможности распространяться о личныхъ качествахъ прочихъ членовъ коммиссій, переименуемъ ихъ просто въ алфавитномъ порядкѣ именъ и лицъ съ тѣми отмѣтками, которыя находимъ въ „Матеріалахъ

для исторіи упраздненія крѣпостнаго права", изданныхъ въ 1860-62 г. въ Берлинѣ, или же которыя въ состояніи сдѣлать на основаніи собственнаго знанія нѣкоторыхъ лицъ. Вотъ этотъ списокъ:

Апраксинъ — орловскій губернскій предводитель, сторонникъ освобожденія крестьянъ безъ земли.

Арапетовъ — человѣкъ умный и горячій либералъ; чиновникъ мин. удѣловъ.

Булгаковъ — статсъ-секретарь, генералъ-провіантмейстеръ и бывшій губернаторъ двухъ губерній, гдѣ справедливо былъ ненавидимъ; человѣкъ умный, но наглый и низкой души.

Булыгинъ — большая ничтожность; членъ совѣта мин. гос. имуществъ.

Бунге — профессоръ-финансистъ и, въ послѣдствіи, директоръ банка.

Галаганъ — умный, умѣренный либералъ, богатый покровитель просвѣщенія, основавшій потомъ въ Кіевѣ коллегію.

Гагемейстеръ — хорошій статистикъ и финансистъ-теоретикъ, человѣкъ честный.

Гечевичъ — генералъ изъ образованныхъ; Грабянка — помѣщикъ; Гирсъ — усердный и толковый чиновникъ.

Князья Голицыны: Борисъ, флигель-адъютантъ, ничтожность, и Сергѣй — тотъ самый, что хотѣлъ подъ словомъ крестьянская усадьба разумѣть одинъ дворъ.

Домонтовичъ и Заблоцкій-Десятовскій—чиновники изъ государственной канцеляріи, умѣренные либералы.

Жуковскій—тоже изъ государственной канцеляріи, человѣкъ почтенный, долгое время управлявшій потомъ дѣлами главнаго комитета по устройству сельскаго населенія, гдѣ всегда отстаивалъ интересы крестьянъ.

Желтухинъ — помѣщикъ, издававшій консервативный „Журналъ Землевладѣльцевъ“.

Желѣзновъ, Татариновъ, Шишковъ—русскіе помѣщики; Залѣсскій и Ярошинскій—польскіе паны.

Кристофари и Рейтернъ—финансовые чиновники, изъ которыхъ послѣдній былъ потомъ министромъ.

Калачовъ — юристъ-архиваріусъ, хорошо знакомый съ русскою стариною и старымъ бытомъ русскихъ крестьянъ.

Ламанскій — финансистъ-доктринеръ, ставшій потомъ отъявленнымъ практикомъ по части денежныхъ спекуляцій.

Любощинскій и Семеновъ—оберъ-прокуроры сената, угодники Панина.

Павловъ и Поповъ—чиновники.

Позенъ — перекрестъ изъ жидовъ, бывшій правитель канцеляріи воен. мин. Чернышева, отставной статсъ-секретарь, взяточникъ, интриганъ и вообще негодяй, котораго Ростов-

цевъ сначала покровительствовалъ, а потомъ хотѣлъ выслать съ жандармами.

Тарновскій—богатый, либеральный черниговскій помѣщикъ.

Графъ П. Шуваловъ — петербургскій губ. пред. дв., сторонникъ обезземеленія крестьянъ.

П. Семеновъ—нравственный слизнякъ, поклонникъ успѣха и силы, но родственникъ Ростовцева, — былъ секретаремъ коммиссіи, безъ всякаго впрочемъ вліянія на дѣла, такъ что когда, двадцать лѣтъ спустя, вздумалъ публично напомнить о своемъ участіи въ крестьянской реформѣ, то ему въ печати же была приведена на память басня „Муха и дорожные“ или слова мухи же изъ другой басни: „мы пахали“.

Засѣданія редакціонныхъ коммиссій начались 4 марта 1859 года и съ того времени до самаго ихъ закрытія осенью 1860 года взоры всей Россіи были обращены на нихъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ, что относительно происходившаго въ засѣданіяхъ была допущена лишь полугласность, состоявшая въ разсылкѣ трудовъ коммиссій по ихъ отпечатаніи, т. е. когда вопросы, подлежавшія рѣшенію, считались уже рѣшенными. Особый интересъ работы коммиссій получили тогда, когда начали прибывать въ Петербургъ депутаты губернскихъ комитетовъ, вызванные въ силу обѣщанія, даннаго государемъ дворянству.

Эти представители дворянскихъ интересовъ думали, что они должны составить контрольную инстанцію надъ редакціонными коммиссіями, а тѣ ихъ признавали лишь за экспертовъ, вызванныхъ для наведенія справокъ объ особенностяхъ той или другой мѣстности и подлежавшихъ увольненію по домамъ, какъ только коммиссіи не видѣли въ нихъ надобности. Возгорѣлась борьба, въ которой положеніе императора Александра было очень нелегко. Съ одной стороны онъ самъ обѣщалъ дворянству выслушать его голосъ въ послѣднюю минуту, а съ другой не могъ же онъ пожертвовать интересамъ одного сословія тѣмъ, что уже было выработано въ интересахъ общаго дѣла. Онъ старался выйдти изъ этихъ затрудненій помощью любезнаго вниманія къ представителямъ дворянства и, до нѣкоторой степени, достигъ этого, особенно же когда умеръ Ростовцевъ,—что случилось 6 февраля 1860 года,—и, въ угоду помѣщичьей партіи, на мѣсто его назначенъ былъ графъ Панинъ, упорный консерваторъ и самъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Россіи. Эту послѣднюю уступку пришлось сдѣлать конечно потому, что осенью 1859 г. раздраженіе дворянства противъ коммиссій достигло высочайшей степени. Съ обычною деспотическимъ правительствамъ безтактностью въ то время было, вопреки законамъ, запрещено дворянамъ на ихъ

губернскихъ съѣздахъ по случаю выборовъ совѣщаться по крестьянскому дѣлу. Одинъ изъ лучшихъ губернскихъ предводителей, тверской, Уньковскій, за отступленіе отъ этого предписанія, былъ сосланъ въ глухой уголъ сѣверовосточной Россіи. Это переполнило чашу терпѣнія дворянъ. Волненія возникли во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ были дворянскіе съѣзды, рязанской, орловской, владимірской и пр. Всюду стали слышаться рѣчи, что пора положить предѣлъ произволу деспотической власти, которая, даже стремясь къ хорошей цѣли, не умѣетъ обходиться безъ гнусныхъ средствъ. Слово *конституція* облетѣло впервые всю Россію. Владимірское дворянство, большинствомъ 186 голосовъ противъ 34, вотивовало слѣдующій адресъ государю, предложенный Безобразовымъ и Протоповымъ и немедленно по подписаніи отправленный въ Петербургъ:

Всемилостивѣйшій государь! благоволите выслушать вашихъ вѣрноподданныхъ:

Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ государствѣ сословія, отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя притомъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безотвѣтственности

должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности пещись и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши, обязанные производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а поэтому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

Все это приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ большею частію отъ личнаго произвола.

До сихъ поръ порядокъ этотъ могъ существовать, ибо страна, въ которой допускалось крѣпостное право на людей, не могла имѣть правильнаго понятія о законности; но съ уничтоженіемъ этого права разумныя и единодушныя содѣйствія мѣстныхъ обществъ правительственнымъ цѣлямъ и строгое исполненіе законовъ необходимы не только для успѣшнаго хода самой реформы, но и для осуществленія собственныхъ благотворныхъ цѣлей в. и. величества, потому что освобожденные крестьяне, лишенные защиты помѣщика, при отсутствіи правосудія и отвѣтственности должностныхъ лицъ, подвергнутся еще большей и невыносимой зависимости отъ произвола чиновниковъ и чрезъ то могутъ совсѣмъ потерять уваженіе къ дѣйствительной законности.

Всемилостивѣйшій государь! Дворянство считаетъ своею священнѣйшею обязанностью повергнуть на всемилостивое воззрѣніе в. и. в—ва, что для мирнаго и благополучнаго исхода предстоящей реформы и осуществленія вашихъ благодѣтельныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо слѣдующее:

1. Строгое раздѣленіе властей административной, судебной и политической.

2. Управленіе, общее для всѣхъ сословій.

3. Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

4. Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5. Руководимое только закономъ гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

6. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

7. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8. Учрежденіе новыхъ, прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.

На этихъ основаніяхъ владимірское дворянство осмѣливается всеподданнѣйше и спросить предполагаемыя измѣненія, для всѣхъ сословій необходимыя при новой жизни русскаго народа.

Всемилостивый государь! Вы первые пробудили въ народѣ русскомъ эту жизнь; при величіи души вашей вы поймете чувства вашихъ вѣрноподданныхъ.

Адресъ этотъ, разумѣется, очень непонравился въ Петербургѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, предлагалъ принять мѣры строгости противу дворянъ; но государь, понимая, что дворянство *теперь* раздражать не слѣдуетъ, потому что безъ его участія ничего не сдѣлаешь, и имѣя въ виду адресы изъ другихъ губерній, орловской, петербургской и пр., ограничился приказаніемъ сдѣлать замѣчаніе губернскому предводителю. Существовало ли при этомъ затаенное желаніе проучить дворянъ *въ послѣдствіи*, когда они лишатся значительной части имущества и вліянія и станутъ въ совершенную зависимость отъ бюрократіи, мы не знаемъ; но что въ дѣйствительности это было потомъ такъ—о томъ свидѣтельствуютъ цѣлые 20 лѣтъ пережитые Россіею съ 1859 года.

Какъ бы то ни было, назначеніе Панина вмѣсто Ростовцева безъ сомнѣнія было уступкой встревоженному дворянству. Реакціонеры возлагали на новаго предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій большія надежды, но ошиблись въ расчетѣ. Не только главныя начала, но и многія подробности будущаго „Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“, были уже выработаны коммиссіями и заранѣе одобрены государемъ. Послѣдній, назначая графа Панина, обязалъ его вести дѣло въ прежнемъ духѣ и даже преду-

предилъ, что не допуститъ промедленій, которыми бюрократія такъ нерѣдко убиваетъ лучшія начинанія. Панинъ пробовалъ употреблять другія бюрократическія продѣлки, чтобы разстроить согласіе, царствовавшее въ большинствѣ коммиссіи, пытался даже подсовывать ей къ подписанію журналы ея засѣданій, имъ самимъ составленныя и редактированныя въ крѣпостническомъ духѣ; но всюду терпѣлъ пораженія. Надежды его, что либеральные проэкты коммиссіи разобьются о доводы дворянскихъ депутатовъ втораго приглашенія, въ февралѣ 1860 г. какъ-разъ съѣхавшихся въ Петербургъ, не только не осуществились, но и встрѣтились съ фактомъ совершенно противоположнаго характера. Между депутатами и членами коммиссій мало-по-малу послѣдовало сближеніе и наконецъ 14 мая однимъ изъ первыхъ, херсонскимъ предводителемъ Касиновымъ, былъ данъ въ честь послѣднихъ обѣдъ, на которомъ хозяинъ и его товарищи пили за здоровье членовъ, а члены за здоровье депутатовъ. Обѣдъ этотъ можно считать довольно важнымъ историческимъ явленіемъ, потому что даже въ существенно консервативныхъ разрядахъ русскаго общества стало въ 1859-60 годахъ общимъ желаніе поскорѣе окончить либеральное преобразованіе, долженствовавшее послужить основою для цѣлаго ряда другихъ подобныхъ. Правда, на этомъ обѣдѣ одинъ

ретроградъ-дворянинъ, да еще членъ редакціонныхъ коммиссій, Булгаковъ, предлагалъ, въ полголоса, тостъ „за перваго освободителя крестьянъ, Пугачева“, желая тѣмъ уронить великое дѣло, которому самъ же служилъ изъ за чиновъ, крестовъ и денегъ,—но этотъ скандалъ такъ и остался скандаломъ, позорнымъ для негодяя статсъ-секретаря, его учинившаго, но безвреднымъ для хода крестьянскаго дѣла. Съ конца 1860 г., послѣ отъѣзда изъ Петербурга помѣщичьихъ депутатовъ, началась сводка выработанныхъ коммиссіею положеній, а въ сентябрѣ приступлено было къ окончательной кодификаціи, которая возложена была на Милютина, Самарина, Черкасскаго, Соловьева, Семенова и Попова. Въ это же время и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ серьезно занялись изученіемъ вопроса о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ казною, который сначала казался такою опасною мѣрою, что навлекъ серьезныя непріятности Кавелину, впервые его предложившему въ печати. Рѣшено было, что выкупъ состоится, что доставило истинное удовольствіе императору Александру, опасавшемуся, что его великое начинаніе разобьется о финансовыя трудности дѣла. 10 октября 1860 года редакціонныя коммиссіи окончили свою достопамятную дѣятельность и были закрыты, при чемъ графъ Панинъ не упустилъ случая сдѣлать имъ непріятность, не явившись

самъ на заключительное собраніе, а поручивъ закрытіе засѣданій тому самому Булгакову, который былъ позоромъ коммиссіи и если не былъ выгнанъ изъ нея да и вообще со службы, то лишь потому, что покровитель его, Сухозанетъ, умолялъ о томъ императора на колѣняхъ.

1 ноября 1860 года государь пожелалъ видѣть бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, чтобы лично благодарить ихъ за труды. Онъ громко призналъ, что работа ихъ была громадная. „Конечно, прибавилъ онъ, всякій человѣческій трудъ имѣетъ свои несовершенства. Вы сами это знаете; это очень хорошо знаю и я. Придется, можетъ быть, сдѣлать измѣненія; но во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія вамъ будетъ благодарна. Поэтому я желалъ отъ души благодарить васъ, господа. Я надѣюсь, что потомъ каждый изъ васъ, въ своемъ кругѣ, будетъ содѣйствовать общему намъ дѣлу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу; я увѣренъ, что оно также близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души. Графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто Якова Ивановича, не разъ говорилъ мнѣ о вашихъ добросовѣстныхъ занятіяхъ. Я и васъ благодарю, графъ. Богъ поможетъ намъ кончить дѣло“.

Немедленно по окончаніи занятій редакціонныхъ коммиссій возобновилась дѣятельность

главнаго комитета подъ предсѣдательствомъ, на этотъ разъ уже не князя Орлова, а Константина Николаевича, тогда еще человѣка молодаго (32 л.), полнаго силъ и наилучшихъ стремленій. Мы въ другомъ мѣстѣ говорили о его заслугахъ по преобразованію морской администраціи; мы не умолчали и о важныхъ его недостаткахъ—деспотическомъ характерѣ и корыстолюбіи; но пока живетъ память о величайшемъ событіи нашего времени, освобожденіи крестьянъ, нельзя забыть, что однимъ изъ усердныхъ поборниковъ его былъ вел. кн. Константинъ. Чувствуя свою неопытность въ дѣлѣ, онъ окружилъ себя лучшими людьми изъ состава редакціонныхъ коммиссій, Милютинымъ, Самаринымъ и Черкасскимъ, которыхъ не забылъ потомъ и при рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, но которые почему-то были оставлены въ сторонѣ самимъ правительствомъ, когда коммиссіи закрылись. Укрѣпляемый этими передовыми людьми въ крестьянскомъ дѣлѣ, Константинъ Николаевичъ ловко направлялъ его въ главномъ комитетѣ, гдѣ по большей части засѣдали ретрограды, какъ Муравьевъ, Чевкинъ, Панинъ и пр. До чего комитетъ былъ мало подготовленъ къ серьезному занятію крестьянскимъ вопросомъ, видно изъ того, что засѣданіе 20 октября было по большей части посвящено спорамъ по самому простому вопросу: „крестьяне дол-

жны ли быть собственниками земли или нѣтъ?“ — какъ будто это уже не было предрѣшено всѣми заявленіями самого правительства въ теченіе трехъ лѣтъ. Муравьевъ и кн. Гагаринъ говорили противъ крестьянской поземельной собственности, Блудовъ и Чевкинъ защищали ее. Гр. Панинъ сознался, что сначала и онъ былъ противъ собственности, но что редакціонныя коммиссіи убѣдили его въ ея необходимости. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ кн. Долгорукій, шефъ жандармовъ, и Муравьевъ, вѣшатель, представили письменныя мнѣнія о томъ, чтобы опредѣленіе крестьянскихъ надѣловъ было предоставлено усмотрѣнію и распоряженію мѣстныхъ учрежденій, отбросивъ тѣ данныя, которыя на этотъ счетъ были выработаны редакціонными коммиссіями; но это предложеніе не было принято, потому что коммиссіи опредѣлили надѣлы на основаніи проэктовъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Князь Гагаринъ, тотъ самый, что игралъ такую незавидную роль въ дѣлѣ петрашевцевъ въ 1849 г., предложилъ предоставить опредѣленіе поземельнаго надѣла крестьянъ *добровольнымъ* ихъ соглашеніямъ съ помѣщиками, при чемъ добивался усиленія помѣщичьей власти. Онъ очевидно хотѣлъ произвести безконечный рядъ смутъ, въ которыхъ бы помѣщики могли „ловить рыбу въ мутной водѣ“, и отъ которыхъ бы правительство утомилось

на столько, чтобы отказаться отъ лучшихъ сторонъ реформы. Графъ В. Адлербергъ не нашелъ ничего лучше сказать по поводу проэкта положенія, выработаннаго коммиссіями, какъ то, что онъ лживъ, потому что съ перваго параграфа увѣряетъ, что „крѣпостное состояніе уничтожается согласно желанію дворянства.“ Этотъ упрекъ въ лживости комитетъ устранилъ самымъ простымъ образомъ: онъ вычеркнулъ слова: „по желанію дворянства,“ конечно не замѣчая, что это послужитъ къ вѣчному стыду послѣдняго. Такой успѣхъ въ оппозиціи не помѣшалъ однако Адлербургу подписать опредѣленія комитета, согласныя съ желаніями императора, т. е. съ мнѣніями редакціонныхъ коммиссій.—За то къ реакціонному меньшинству неожиданно присталъ мин. фин. Княжевичъ, прежде державшійся большинства. Это дало поводъ Чевкину, который только что передъ тѣмъ сдѣлалъ перебѣжку въ противномъ смыслѣ, спросить министра: „въ своемъ ли онъ умѣ? знаетъ ли онъ, противу кого идетъ? противъ него, Чевкина“— дерзость и наглость, которая понятна только потому, что Чевкинъ еще при дворѣ Николая привыкъ играть роль Эзопа, на котораго походилъ горбомъ, довольно злымъ языкомъ и твердою памятью, что онъ не больше, какъ рабъ. По отношенію къ Княжевичу дерзость его была двойною, потому что всѣмъ присут-

ствовавшимъ было извѣстно, что послѣдній состоялъ подъ его опекою, для предваренія финансовыхъ промаховъ министра. Княжевичъ не нашелъ ничего лучше отвѣтить, какъ то, что онъ боится шефа жандармовъ! Чтобы дополнить эту жалкую, чтобъ не сказать гнусную картину первостепенныхъ русскихъ сановниковъ, оставленныхъ Николаемъ его сыну и, къ сожалѣнію, неудаленныхъ послѣднимъ съ первыхъ же дней царствованія, прибавимъ, что самъ предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій, гр. Панинъ, который бы долженъ былъ защищать ихъ проэктъ, какъ подписанный имъ же, не нашелъ ничего лучше, какъ возстать противу него, требуя уменьшенія цифры наибольшихъ надѣловъ. Это ему и удалось; но за то Константинъ Николаевичъ отмстилъ ему насмѣшкою. Замѣтивъ, что при подписаніи журнала комитета Бутковъ пропустилъ Панина, онъ шутя сказалъ первому: „слона то и не примѣтилъ“, разумѣя конечно не первенствующее значеніе Панина въ дѣлѣ, а просто его огромный ростъ.

Пока интриганы главнаго комитета ухищрялись, на сколько можно, разшатать проэкты коммиссій, правительство приступило къ практическому осуществленію самыхъ проэктовъ. Именно, 7 декабря 1860 г. министръ внут. дѣлъ, по повелѣнію государя, предписалъ губернаторамъ открыть особыя присутствія для

приготовленія всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ введенію ожидавшагося закона въ дѣйствіе. Присутствіе должно было состоять изъ губ. предв. дворянства, управляющаго гос. имущ., 4-хъ помѣщиковъ—двухъ по назначенію отъ правительства и двухъ по выбору уѣздныхъ предводителей, преимущественно изъ бывшихъ членами губернскихъ комитетовъ,— и наконецъ изъ губернскаго прокурора. Присутствію вмѣнялось въ обязанность безотлагательно собрать свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, о лицахъ, могущихъ поступить въ *мировые* посредники, о *войскахъ*, имѣющихся въ уѣздахъ и долженствовавшихъ водворять новую свободу тамъ, гдѣ она не водворилась бы мирными средствами, и проч. Члены отъ правительства и дворянства должны были назначаться преимущественно такіе, которые бы сочувствовали видамъ правительства, и т. д. Вѣроятно недоумѣвая, что разумѣть подъ видами правительства, петербургскій губернаторъ Смирновъ, поспѣшилъ назначить въ губернское присутствіе отъявленныхъ крѣпостниковъ, Депа, Врангеля, Пейкера и Платонова, изъ которыхъ особенно послѣдній былъ извѣстенъ по всей Россіи своими плантаторскими стремленіями! И генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, которому ужь конечно виды правительства были хорошо извѣстны, не нашелъ ничего лучше, какъ ото-

зваться о всѣхъ избранныхъ съ хорошей стороны, особенно же о Платоновѣ.

Видя, какъ дѣйствуютъ вѣтхія опоры престола, завѣщанныя отцомъ, императоръ Александръ справедливо негодовалъ на нихъ и рѣшился наконецъ поступить съ ними почти такъ, какъ римскіе „августы“ поступали съ сенатомъ. 14 января 1861 г. главный комитетъ былъ закрытъ, а на 28-е января назначено исполненіе послѣдней легальной формальности — разсмотрѣніе проэкта положенія въ государственномъ совѣтѣ, при чемъ самъ императоръ долженъ былъ предсѣдательствовать. Составленіе проэкта манифеста, долженствовавшаго сопровождать новый законъ, поручено Н. Милютину, на котораго ретроградная партія была особенно зла, и только для успокоенія совѣсти политическихъ старовѣровъ и для придачи документу большей торжественности, окончательная редакція его ввѣрена московскому митрополиту Филарету. 28 января, т. е. всего за три недѣли до дня, назначеннаго для обнародованія „свободы“, состоялось наконецъ пресловутое засѣданіе государственнаго совѣта, котораго протоколъ долженъ былъ оставаться величайшею государственною тайною, но о которомъ изданные въ Берлинѣ „Матеріалы“ даютъ слѣдующія достопамятныя подробности.

„Государь открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой весьма ясно и тономъ весьма рѣши-

тельнымъ изложилъ историческій ходъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ съ царствованія Павла къ устройству помѣщичьихъ крестьянъ. [1]) Онъ изъяснилъ, что отецъ его (Николай) и дядя (Александръ I) преимущественно стремились къ вызову добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, но что мѣры, съ этою цѣлью принятыя въ разное время, не имѣли успѣха, не потому собственно, какъ часто старались объяснить, что формы сихъ отношеній были многосложны, но потому болѣе, что въ самыя правила оныхъ вкрались, по вліянію людей противившихся освобожденію крестьянъ, разныя затрудненія и стѣсненія, чего нынѣ государь ни подъ какимъ видомъ не допуститъ. „Самодержавіе, прибавилъ императоръ, установило крѣпостное право, самодержавіе должно оное и прекратить“. За симъ государь повторилъ почти то же, что говорилъ въ засѣданіи совѣта министровъ и главнаго комитета, [2]) и снова выразилъ непремѣнную

[1]) Извѣстно, что Павелъ первый установилъ, что барщина не можетъ быть болѣе 3-хъ дней въ недѣлю.

[2]) Это засѣданіе происходило за день, т. е. 26 января. Въ немъ государь хвалилъ проэктъ положенія, составленный редакціонными коммиссіями и нѣсколько разъ поцѣловалъ Константина Николаевича. Затѣмъ весьма рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что допустивъ въ семъ дѣлѣ для всѣхъ и каждаго полную свободу(?) выражать свое мнѣніе, что будетъ допущено и въ государственномъ совѣтѣ, онъ затѣмъ уже не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ, и тре-

волю, чтобы все дѣло было кончено къ 15 февраля. „Вы можете кой-что измѣнить, но главныя основанія должны оставаться неприкосновенными“. Великаго князя Константина Николаевича государь снова благодарилъ и цѣловалъ за оказанное ему содѣйствіе. Послѣ чего приступлено было, въ присутствіи государя, къ сужденію по 19 параграфамъ введенія къ Положенію, въ которыхъ заключаются главныя, коренныя начала реформы, и всѣ они пройдены къ 6 часамъ по полудни.

бустъ, чтобы дѣло было кончено непремѣнно къ 15 февраля. Государь заключилъ словами: «этого я желаю, требую, повелѣваю», — сказанными почти съ угрозою. Еще императоръ, обращаясь преимущественно къ министрамъ, сказалъ, что доселѣ они между собою враждовали по крестьянскому вопросу и нѣкоторые даже противились его видамъ, и что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу; но что теперь, когда его воля будетъ окончательно выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго между собою согласія, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній и утвержденнаго имъ Положенія, «ибо, прибавилъ онъ, вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть».—Къ Муравьеву, который пытался затянуть дѣло, подъ предлогомъ необходимости ближе изучить одинъ прочитанный въ совѣтѣ документъ относительно соединенія всѣхъ крестьянъ въ одно сословіе, государь отнесся съ сухимъ замѣчаніемъ, что изучать тутъ больше нечего, а слѣдуетъ исполнять, такъ что будущій «вѣшатель», а тогда еще только «трехпрогонный министръ», повѣсилъ было свою бульдожью голову и сказалъ Буткову: «ну, видно мнѣ приходится подавать въ отставку».

Государь все время выказывалъ большое спокойствіе и терпѣніе и извѣстное умѣніе вести и направлять пренія. Первый заговорилъ гр. С. Строгоновъ и обратился къ государю съ вопросомъ: какъ должно разумѣть и въ какомъ размѣрѣ принять слово государя: „вы можете измѣнить кое-что“? Государь отвѣчалъ весьма сухо: „кажется, вы придираетесь къ моимъ словамъ, они очень ясны“. Затѣмъ государь объяснилъ значеніе этихъ словъ. Послѣ Строганова говорилъ Блудовъ, за „Положеніе“, по обыкновенію много и распущено. Изъ другихъ ораторовъ отличились слѣдующіе. Князь Горчаковъ, министръ иностран. дѣлъ, говорилъ долго, но непонятно; по крайней государь наконецъ прервалъ его вопросомъ: да вы чего хотите? „Добровольныхъ соглашеній“, отвѣчалъ князь. Замѣчанія свои Горчаковъ относилъ къ редакціонной коммиссіи, обвиняя ее въ какомъ то демократическомъ направленіи, вредномъ для государства. Государь замѣтилъ ему, что редакціонной коммиссіи болѣе нѣтъ, а разсматривается проэктъ главнаго комитета. Консервативная партія чрезвычайно выхваляла рѣчь князя Горчакова, а онъ самъ выразился, что министръ, который бы не говорилъ въ это засѣданіе, заслуживалъ бы, чтобы ему на лбу написали нуль! — Муравьевъ настаивалъ на необходимости цифры надѣла повѣрить еще разъ на мѣстѣ и объ оказавшемся представить

въ Петербургъ снова, на что онъ считалъ достаточными шесть мѣсяцевъ. На это предложеніе, имѣвшее очевидною цѣлью оттянуть дѣло, Ланской, выступивъ изъ обычнаго молчанія, весьма рѣзко отвѣтилъ, что на предложенную повѣрку нужно не 6 мѣсяцевъ, а 6 лѣтъ. Этимъ и ограничилось краснорѣчіе министра внутр. дѣлъ, которое однакоже въ этомъ случаѣ произвело на собраніе сильное впечатлѣніе. Графъ Панинъ прибавилъ къ этому, что и 6 лѣтъ мало, а требуется гораздо болѣе времени. Вообще же гр. Панинъ говорилъ въ защиту „Положенія“, съ обычнымъ многословіемъ. Вел. кн. Константинъ и новообращенный либералъ Чевкинъ, который незадолго предъ тѣмъ говорилъ одному изъ членовъ редакціонной коммиссіи, что имена ихъ скоро будутъ считаться во святыхъ, тоже говорили въ пользу проэкта. Князь Меньшиковъ, который забылъ умереть подъ Альмою или на Инкерманѣ, былъ молчаливъ въ совѣтѣ, хотя внѣ его охотно бранилъ нововведеніе. Гр. Строгановъ ограничился вышеприведеннымъ вопросомъ и былъ постоянно противъ проэкта „Положенія“; но вдругъ послѣ засѣданія объявилъ письменно, что переходитъ на сторону большинства, потому будто бы, что главный комитетъ совершенно измѣнилъ проэктъ редакціонной коммиссіи, что совершенно ложно. Кн. Гагаринъ, разумѣется, говорилъ въ пользу

своего мнѣнія о добровольномъ соглашеніи. Графъ Рибопьеръ, который въ салонахъ очень бойко ораторствовалъ противу „Положенія“, въ совѣтѣ молчалъ. Но всѣхъ лучше отличился Игнатьевъ, который и здѣсь не упустилъ случая доказать свои вѣрноподданническія чувства къ государю. Онъ замѣтилъ, что редакціонная коммиссія многое пропустила или не дочитала въ доставленныхъ ей съ разныхъ сторонъ замѣчаніяхъ. Въ доказательство онъ представилъ свои замѣчанія, въ которыхъ редак. ком. пропустила важное по его мнѣнію указаніе, а именно необходимость царскіе праздники присоединить къ церковнымъ, въ которые крестьяне не работаютъ!... Государь посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и сказалъ, что это вовсе къ дѣлу не относится.—Графъ Клейнмихель, послѣ нѣсколькихъ сладкихъ фразъ о своемъ вѣрноподданичествѣ и слѣпой готовности всегда повиноваться священной волѣ государя, спросилъ: совѣщаніе совѣта будетъ ли дѣйствительно, или лишь одна формальность?—Получивъ на этотъ дерзкій вопросъ (за который, будь онъ предложенъ ему самому кѣмъ-нибудь изъ его подчиненныхъ, онъ „согнулъ бы виновнаго въ бараній рогъ“) успокоительный отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что въ рескриптѣ 20 ноября 1857 года сказано о землѣ, что она остается въ полной собственности помѣщиковъ, а въ Положеніи выходитъ

противное.—Норовъ утверждалъ, что надѣлъ крестьянъ землею погубитъ ихъ нравственность, пріучивъ ихъ къ безпечности и лѣни. Онъ совершенно не предвидѣлъ, что черезъ 16 лѣтъ членъ его же, т. е. ученаго сословія, докажетъ, что крестьяне при данныхъ имъ надѣлахъ не будутъ имѣть чѣмъ питаться. Гр. Сумароковъ, которому графство досталось за усыновленіе незаконнаго сына Николая, Эльстона, говорилъ, что обѣщаніе сохранить за помѣщиками вотчинныя права надъ крестьянами также не исполнено въ проэктѣ. На эту тему говорили и другіе члены плантаторской партіи.... Наконецъ приступили къ собранію голосовъ. По главному вопросу, о землѣ, оказалось только 15 за добровольныя соглашенія, 13 требовали, вмѣстѣ съ Муравьевымъ, мѣстной повѣрки цифръ надѣла, остальные 17 объявили себя безусловно за проэктъ „Положенія“. И какъ изъ первой категоріи 7 готовы были, въ случаѣ неутвержденія ихъ мысли государемъ, перейдти къ мнѣнію объ оставленіи существующихъ надѣловъ, то въ сущности за Положеніе было 24 голоса, а присоединивъ къ нимъ, съ нѣкоторою конечно натяжкою, 13 муравьевцевъ, наружно желавшивъ только замедленія въ осуществленіи закона, получимъ полное число голосовъ, принявшихъ Положеніе, въ 37 противу меньшинства въ 8. Императоръ Александръ былъ очень

радъ такому результату, съ удовольствіемъ разсказывалъ о своей побѣдѣ въ кругу своего семейства и оставилъ побѣжденныхъ старцевъ столковываться о мелочахъ подъ предсѣдательствомъ Блудова. При этомъ имъ на каждый день задавался урокъ и они не могли расходиться. Засѣданія иногда бывали довольно бурны, напр. однажды Строгановъ обратился къ Блудову съ вопросомъ, не думаетъ ли онъ ввести въ Россіи терроръ? — но вообще все шло довольно мирно къ концу, котораго очевидно старцы, послѣ императорскихъ словъ, измѣнить не могли. Они урѣзали только наибольшіе надѣлы на $^1/_3$ и предоставили помѣщикамъ развязываться отъ всякихъ обязательствъ къ крестьянамъ помощью даровой уступки имъ $^1/_4$ такого высшаго надѣла. Государь, вѣроятно изъ желанія незадерживать долѣе исхода дѣла, утвердилъ эти мѣры, очень невыгодныя для крестьянъ, и наконецъ 16 февраля засѣданія совѣта по крестьянскому дѣлу были закрыты, а 19-го, въ годовщину своего вступленія на престолъ, Александръ II подписалъ манифестъ, указъ сенату о введеніи въ дѣйствіе новыхъ законовъ и рескриптъ Константину Николаевичу съ выраженіемъ благодарности ему и главному комитету (но не редакціонной коммиссіи) за успѣшное окончаніе дѣла.

Теперь, изобразивъ въ главныхъ чертахъ подготовку крестьянской реформы на бумагѣ, посмотримъ, какъ она осуществлялась на дѣлѣ. Мы уже упоминали, что въ свое время было сдѣлано распоряженіе о недозволеніи помѣщикамъ переводить своихъ крѣпостныхъ изъ крестьянъ-землепашцевъ въ дворовые. Мы знаемъ, что все дѣло въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ коммиссіяхъ велось достаточно гласно для того, чтобы крестьяне знали, что въ ихъ пользу приготовляется серьезная мѣра. Отъ того они вели себя съ замѣчательной выдержанностью. О волненіяхъ не было слуховъ. Помѣщики были гораздо менѣе хладнокровны. Особенно ихъ пугала участь въ первое время по объявленіи крестьянамъ свободы остаться не только безъ даровыхъ рабочихъ, но и безъ средствъ найдти наемныхъ и воздѣлывать оставшіяся за ними земли помощью собственныхъ орудій и свободныхъ рукъ. Они бросались во всѣ стороны, какъ люди, невидѣвшіе исхода изъ отчаяннаго положенія, и дѣйствительно послѣднее было трудно. Денежныхъ капиталовъ, съ которыми бы можно было пережить кризисъ, ни у кого почти не было; достать ихъ было негдѣ, потому что опекунскимъ совѣтамъ запрещено было принимать помѣщичьи земли въ залогъ, а купцы-капиталисты не имѣли по закону права покупать дворянскія имѣнія. Послѣдніе

чуяли только, что рано или поздно этимъ имѣніямъ не миновать купеческихъ рукъ; но это было еще впереди. Большинство горожанъ и государственные крестьяне оставались спокойными, хотя и довольно нетерпѣливыми зрителями совершавшихся событій и грядущаго преобразованія, о сущности которыхъ они большею частію ничего не знали.

Правительство, вооруженное вездѣсущею полиціею и жандармами, должно бы было хорошо знать это состояніе умовъ и вещей; но оно повидимому не знало и, по мѣрѣ приближенія роковаго дня обнародованія Положенія, обуревалось страхомъ. Мы уже видѣли, какъ оно заботилось о заблаговременной разстановкѣ войскъ по уѣздамъ. Въ Петербургѣ его страхи достигли высшей степени. Въ то время, когда императоръ готовился подписать манифестъ о „волѣ“ на 19 февраля 1861, генералъ-губернаторъ Игнатьевъ вывѣшивалъ печатныя объявленія, что 19 февраля ничего не будетъ. Дворникамъ и полиціи давались строжайшія инструкціи, а во дворцѣ усердный дежурный генералъ-адъютантъ Огаревъ расположился спать поперегъ дверей, ведущихъ въ спальню государя, громко говоря, что въ случаѣ бунта мятежники должны будутъ перешагнуть черезъ его трупъ, чтобы достигнуть до императора. Это былъ тотъ самый Огаревъ, который въ 1851 году со-

бирался взять порядъ на смазку колесъ у вагоновъ московской желѣзной дороги, а въ 1865 г. затрѣлился, чтобы не быть судиму за расхищеніе соли въ Нижнемъ-Новгородѣ. Разумѣется, у всѣхъ подобныхъ крѣпостниковъ-хищниковъ былъ свой разсчетъ пугать государя. Дѣйствительное обнародованіе манифеста послѣдовало внезапно, 5 марта, въ послѣдній день масляницы, т. е. наканунѣ великаго поста; да и тутъ раздавали только Манифестъ и Положеніе о дворовыхъ людяхъ, а не о крестьянахъ. Болѣе унизить великую реформу, на первомъ же шагу, было нельзя. Освободитель отъ вѣковаго рабства являлся народу „яко тать въ нощи“, говоря словами евангелія. Слово его, слово освобожденія, держалось подъ спудомъ цѣлыя двѣ недѣли. И секретничали нетолько передъ массами простолюдиновъ, которыхъ боялись, но и отъ сената, которому однако же было внушено изготовить вѣрноподданическій адресъ съ изъявленіемъ поздравленія государю-освободителю... *) Первымъ впечатлѣніемъ для людей, видѣвшихъ обнародованіе новаго закона, была, конечно, радость, но вторымъ — недовѣріе и сомнѣніе. Обнявъ своего слугу, поздравивъ

*) Мы не приводимъ подробностей объ этомъ адресѣ, какъ и о томъ, что 12 марта былъ поднесенъ толпою простолюдиновъ, собравшеюся около дворца: оба были административнаго происхожденія, а потому не стоютъ вниманія.

его съ волею и передавъ ему Положеніе о дворовыхъ людяхъ, одинъ юноша-идеалистъ, въ Петербургѣ, съ недоумѣніемъ прибавилъ: „ну, а о твоихъ отцѣ и матери я ничего не знаю: квартальный говоритъ, что законъ о нихъ будетъ продаваться лишь завтра“. И это чувство неполной радости, недоумѣнія, недовѣрія было почти всеобщимъ.

Скоро оно нашло громкое оправданіе. Изъ всѣхъ почти губерній стали получаться донесенія, что „освобожденные“ крестьяне не понимаютъ закона объ ихъ оовобожденіи, что смыслъ этого указа нужно вбивать розгами, а мѣстами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. 12 апрѣля флигель-адъютантъ Апраксинъ далъ четыре залпа по крестьянамъ села Бездны, въ казанской губерніи, и уложилъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Въ шереметевскомъ селѣ Поимѣ, пензенской губерніи, свиты генералъ Дренякинъ водилъ на крестьянъ казанскій пѣхотный полкъ и потомъ въ самый день пасхи доносилъ по телеграфу о кровавой побѣдѣ, говоря, что „казанцы дѣйствовали молодцами“. Въ строгановскомъ имѣніи Кудымкоръ, пермской губерніи, командиръ гарнизоннаго батальона Тальбергъ также стрѣлялъ по безоружнымъ крестьянамъ, убилъ двухъ и ранилъ восьмерыхъ. Объ избіеніяхъ крестьянъ розгами помощью военныхъ командъ мы и неговоримъ: положительно можно

утверждать, что никогда эти „экзекуціи“ не были такъ многочисленны, какъ въ минуту „освобожденія“.

Отъ чего это было такъ? — Отвѣтъ нетрудно найдти въ самыхъ Положеніи и Манифестѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что находилъ крестьянинъ въ послѣднемъ документѣ, единственномъ, ему доступномъ по объему и прямо обращенномъ къ народу отъ имени самаго императора:

Въ силу новыхъ Положеній крѣпостные люди получатъ *въ свое время* (?) полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, *сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли*, представляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей ихъ предъ правительствомъ опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, *крестьяне* за сіе *обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ* опредѣленныя въ Положеніяхъ *повинности*. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются *временно обязанными*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ достается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а *съ согласія помѣщиковъ* они *могутъ* пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли крестьяне освободятся (въ неизвѣстно-далекомъ будущемъ) отъ обя-

занностей къ помѣщикамъ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Дабы сохранить обычный порядокъ (?) тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды (!), мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то *въ теченіе сего времени*, въ отвращеніе замѣшательства и для соблюденія общественной и частной пользы, *существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ* (крѣпостное право?) *долженъ быть сохраненъ* дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ."

До истеченія двухлѣтняго срока, назначеннаго для составленія и введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, которыми опредѣляется надѣлы и повинности крестьянъ, послѣднимъ и дворовымъ людямъ должно пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности."

Такова была сущность императорскихъ словъ, обращенныхъ къ народу съ высоты церковныхъ амвоновъ. Спрашивается: гдѣ же тутъ та *воля*, которую нетерпѣливо ждалъ крестьянинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на основаніи обѣщаній царя? И гдѣ та *земля*, которую онъ, исторически-справедливо, считалъ своею соб-

ственностью, говоря даже самимъ помѣщикамъ: „мы ваши, а земля наша“. Слово *воля* не было ни разу произнесено въ манифестѣ; *землю* нужно было заслуживать новою барщиною и новыми оброками, положимъ регулированными, а не произвольно наложенными бариномъ, но все же барщиной и оброками. Мало того; два года нужно было безусловно подчиняться помѣщику, не имѣя однако уже права ни на его заступничество передъ чиновниками, ни на его помощь въ случаѣ нужды. „Положеніе“ къ этому прибавляло, что нельзя оставлять полученныхъ, вопреки желаніямъ и надеждамъ, надѣловъ ранѣе какъ черезъ 9 лѣтъ... Что же это такое было, если не *новое крѣпостное право*? Такимъ именемъ окрестили новые порядки лондонскіе издатели „Колокола“ Герценъ и Огаревъ; такими они представлялись и самому народу, который конечно не читалъ Колокола, но мѣрилъ достоинство вещей простымъ здравымъ смысломъ.

Когда въ теченіе перваго мѣсяца со времени обнародованія манифеста крестьяне, на сколько позволяла имъ ихъ юридическая неразвитостъ и малая грамотность, стали ознакомляться съ Положеніемъ 19 февраля 1861 года, тогда недоумѣніе ихъ могло только возрастать. Въ самомъ дѣлѣ, что напр. можно было вывести изъ слѣдующихъ статей Положенія:

149. Помѣщикъ имѣетъ право надзора за сохраненіемъ общественнаго порядка и общественной безопасности въ пространствѣ принадлежащаго ему имѣнія.

150. Посему сельскій староста (выборный представитель *свободныхъ* людей) исполняетъ безотлагательно всѣ законныя требованія помѣщика по слѣдующимъ предметамъ: а) о прекращеніи всякаго буйства и насилія въ сельскомъ обществѣ, а также всякаго явнаго нарушенія общественнаго порядка и законовъ (?) б) объ указаніи помощи и защиты какъ самому владѣльцу (?), такъ и всѣмъ проживающимъ въ имѣніи лицамъ, въ случаѣ зажигательства, разбоя, грабежа, воровства, насилія и т. п., в) о предохраненіи владѣльца и его имущества, а также и всѣхъ проживающихъ въ имѣніи его лицъ отъ опасности при всякихъ несчастныхъ случаяхъ, какъ-то пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ и скотскихъ падежахъ и о мѣрахъ для пресѣченія сихъ и другихъ подобныхъ несчастій, г) о надзорѣ за лицами подозрительнаго (?) поведенія, и т. д., и т. д.

157. Ни одинъ крестьянинъ не можетъ быть по мірскому приговору исключенъ изъ общества иначе, какъ по предварительномъ сношеніи мироваго посредника съ самимъ владѣльцемъ (?) или его повѣреннымъ...

158. Помѣщику, въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ, предоставляется право, если онъ признаетъ присутствіе какого-либо крестьянина въ обществѣ вреднымъ или опаснымъ (кому?), предложить самому обществу объ исключеніи того крестьянина и о представленіи его въ распоряженіе правительства (т. е. о ссылкѣ на поселеніе). Въ случаѣ несогласія общества съ предложеніемъ помѣщика, онъ можетъ обратиться о семъ съ просьбою... къ административнымъ властямъ.

159. Помѣщику, если онъ пожелаетъ, сообщаются всѣ мірскіе приговоры общества крестьянъ...

160. И онъ, буде усмотритъ въ такомъ приговорѣ распоряженіе, противное существующимъ постановленіямъ, или вредное для благосостоянія сельскаго общества, или же нарушающее права помѣщичьи, то пріостанавливаетъ исполненіе такого приговора, доводя о семъ до свѣдѣнія мироваго посредника (изъ помѣщиковъ же), который обязанъ немедленно удовлетворить законныя требованія помѣщика.

Спрашивается, гдѣ же въ странахъ съ дѣйствительно свободнымъ населеніемъ, въ Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Швеціи, крупнымъ землевладѣльцамъ предоставляются закономъ такія права по отношенію къ сосѣднимъ мелкимъ, которые часто не безъ основанія склонны видѣть въ немъ наслѣдственнаго врага? Очевидно, что Положеніе могло такъ же мало удовлетворить крестьянъ, жаждавшихъ *воли*, какъ и Манифестъ: они видѣли въ обоихъ документахъ легализацію новаго крѣпостнаго права, положимъ, болѣе легкаго чѣмъ прежнее, потому что помѣщикъ не могъ уже ихъ сѣчь и сдавать въ рекруты, — но все же очень стѣснительнаго.

Но самыя глубокія и справедливыя жалобы крестьянъ вызывали тѣ части новыхъ законовъ, которыя касались поземельныхъ надѣловъ. „Положеніе“ совершенно искуственно создало maximum'ы надѣловъ, до которыхъ каждый по-

мѣщикъ могъ законно низводить размѣры крестьянскихъ земель, хотя бы съ незапамятныхъ временъ мужики пользовались гораздо большимъ количествомъ пашенъ и луговъ, чѣмъ эти легальные наивысшіе надѣлы. Разстаться хотя съ частью той почвы, которую крестьянинъ издавна, въ потѣ лица и съ любовью, обработывалъ и которой производительность регулировала весь его хозяйственный бытъ, было тягостнѣйшимъ для него лишеніемъ и, въ силу приведеннаго уже историческаго принципа: „мы ваши, а земля наша“, представлялось всѣмъ безъ изъятія поселянамъ вопіющею несправедливостью. Крестьянинъ вѣрилъ, что царь отдастъ ему *всю* землю, а помѣщика „посадитъ на жалованіе“, и вдругъ ему даютъ только часть этой земли, да еще въ придачу тамъ, гдѣ этого хочетъ помѣщикъ въ силу ст. 65 Полож. о губб. Вел., Ново. и Бѣлорусскихъ. Отсюда такое множество волненій изъ-за размѣровъ и отвода надѣловъ; отсюда, главнымъ образомъ, и то систематическое упорство, съ которымъ крестьяне отказывались подписывать уставныя грамоты.

И зачѣмъ было увеличивать помѣщичьи земли на счетъ крестьянскихъ? трудно понять. У помѣщиковъ не было ни земледѣльческихъ орудій, ни батраковъ для обработки ихъ пашенъ, огородовъ, луговъ и проч., ни денегъ, чтобы все это завести. Не проще ли

было оставить за крестьянами сполна все то, что имъ продоставлялось издавна самими помѣщиками, и назначить послѣднимъ соотвѣтственную норму вознагражденій?... Но въ томъ то и сила, что плантаторская партія въ губернскихъ комитетахъ, въ главномъ комитетѣ, въ государственномъ совѣтѣ и даже въ редакціонныхъ коммиссіяхъ (въ лицѣ губернскихъ депутатовъ) не даромъ вопіяла о своихъ „правахъ“: она ихъ отстояла больше, чѣмъ сама надѣялась, и больше, чѣмъ нужно было для блага не только народныхъ массъ, но и самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Доказательствомъ недовольства дворянъ явились адресы нѣкоторыхъ изъ ихъ собраній, напр. смоленскаго и тверскаго. Послѣднее прямо писало государю:

Манифестъ 19 февраля, объявившій волю народу, улучшилъ нѣсколько матерьяльное благосостояніе крестьянъ, но не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій. Народъ видитъ, что онъ со временемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ оставаться вѣчнымъ оброчникомъ, преданнымъ во власть тѣхъ же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками.

Государь! мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное

недоразумѣніе ставитъ все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству. Что же мѣшаетъ устремить его?

Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянамъ мы нетолько не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы. Мы просимъ привести эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не налагая всей тяжести ея на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи этого права.

....Между нами и правительствомъ вашего величества существуетъ страшное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію вашихъ же благихъ намѣреній. Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщанной воли сановники изобрѣли временнообязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Вмѣсто одновременнаго обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, они изобрѣли систему, которая грозитъ довести до крайняго раззоренія и крестьянъ, и помѣщиковъ.

Разумѣется, такіе адресы очень не нравились въ правительственной средѣ. Въ Тверь отправленъ былъ съ особыми полномочіями генералъ Анненковъ. Двѣнадцать дворянъ заключены подъ стражу. Смоленскаго адреса правительство вовсе не допустило къ себѣ; но дѣйствуя такъ самовластно, оно не могло не сознавать своего нравственнаго пораженія.

...Мы не видимъ возможности входить въ дальнѣйшій разборъ Положенія 19 февраля

1861 года, такъ какъ для обстоятельнаго анализа ихъ потребовались бы многіе томы, а не одинъ краткій очеркъ. Но познакомясь съ нѣкоторыми слабымм сторонами этого законотельнаго акта и съ возбужденными противу нихъ возраженіями, не пройдемъ же мы молчаніемъ и его достоинствъ. А они были немаловажны, какъ видно изъ слѣдующихъ статей Положенія:

1. Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей, отмѣняется *навсегда*. Не забудемъ, что этихъ людей, впервые пріобрѣтавшихъ важнѣйшія человѣческія права, личныя и имущественныя, было 22.000.000 душъ.

5. Обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами опредѣляются правилами, изложенными въ законѣ, — чего прежде не было, такъ какъ крестьянинъ былъ до 1861 г. рабомъ, почти вещью помѣщика.

6. Надѣленіе крестьянъ землею и другими угодьями хотя и предоставлено добровольнымъ соглашеніямъ ихъ съ помѣщикомъ,—при чемъ послѣдній, какъ мы видѣли, могъ всегда наклонить вѣсы въ свою сторону, — но лишь съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) надѣлъ не долженъ быть *менѣе* того размѣра, который опредѣленъ въ Положеніи, б) тѣ повинности крестьянъ, которыя отправляются работою, опредѣляются лишь временными договорами (на 3 года), а не вѣчною кабалою, в) условія между помѣщиками и крестьянами не должны ограничивать правъ личныхъ, имущественныхъ и сословныхъ, принадлежащихъ крестьянамъ.

11. Крестьянамъ предоставляется *право* выкупать въ собственность ихъ усадьбы, т. е. помѣщикъ воспротивиться такому выкупу не можетъ, что напр. и доселѣ остается безспорнымъ правомъ ландлорда въ Ирландіи да и вообще на Западѣ.

14. Дабы облегчить этотъ выкупъ, правительство оказываетъ крестьянамъ денежное пособіе, при чемъ уплата долга разсрочивается на многіе годы.

17. Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, составляютъ, по дѣламъ хозяйственнымъ, сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда соединяются въ волости. Въ каждомъ обществѣ и волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставляется міру и его выборнымъ.

22. Крестьяне какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, могутъ входить, на основаніи общихъ постановленій, во всякіе договоры, обязательства и подряды.

23. Они могутъ: а) производить свободную торговлю, предоставленную крестьянамъ, безъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ и платежа пошлинъ, б) открывать и содержать фабрики и разныя промышленныя и торговыя заведенія, в) записываться въ цѣхи, г) вступить въ гильдіи, торговые разряды и пр.

29. Крестьяне получаютъ слѣдующія сословныя права: а) участвовать въ составленіи мірскихъ приговоровъ и въ общественныхъ выборахъ, а равно отправлять по выборамъ общественныя должности, б) перечисляться въ другія сословія и общества, в) отлучаться изъ мѣста жительства, г) отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія и д) поступать на службу по ученой, учебной и межевой частямъ.

33. Каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать въ залогъ и проч.

(Прежде недвижимость можно было пріобрѣтать только на имя помѣщика).

37. Пріобрѣтенными въ собственность, на основаніи Положенія, землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами крестьяне распоряжаются какъ своимъ достояніемъ.

38. Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями (а не сводомъ законовъ).

39. Выморочное имущество крестьянина поступаетъ въ пользу того сельскаго общества, къ которому онъ принадлежалъ (а не казны).

Все это права немаловажныя, и многихъ изъ нихъ не имѣютъ доселѣ поселяне въ Англіи, Италіи и Германіи. По сравненію съ тою голодною ложною свободою, которую предоставили неграмъ американцы или ирландцамъ англичане, русское освобожденіе крѣпостныхъ является почти идеаломъ счастья, и не безъ основанія графъ Кавуръ говорилъ, что для тѣхъ европейскихъ странъ, гдѣ крестьяне не собственники (наприм. въ Италіи), русская крестьянская реформа составляетъ примѣръ, опасный для эгоистическаго благосостоянія высшихъ классовъ. Но за всѣмъ тѣмъ, повторяемъ, крестьяне были недовольны закономъ 18 февраля 1861 г. и долго ждали въ немъ улучшеній. Они ждутъ ихъ и теперь, не смотря на то, что въ 1865 г. императоръ Александръ лично сказалъ крестьянамъ въ Полтавѣ: „я далъ вамъ волю, и *никакой дру-*

гой не будетъ". Недавній (1879) циркуляръ министра вн. дѣлъ, убѣждающій крестьянъ не вѣрить слухамъ объ увеличеніи ихъ земель, недавнія событія въ чигиринскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣсколько волостей однако повѣрили было возможности такого увеличенія, доказываютъ, что Положеніе 1861 оставило многое нерѣшеннымъ или рѣшеннымъ на половину, такъ что, если правительство не догадается своевременно принять серьезныхъ мѣръ (напр. установленія свободнаго переселенія изъ мѣстъ малоземельныхъ въ многоземельныя), то можетъ вспыхнуть соціально-экономическая революція, вѣроятно не общая, не повсемѣстная, но все же способная надѣлать не мало тревогъ.

Мы не можемъ также входить въ сколько нибудь подробное разсмотрѣніе того, какъ Положеніе 19 февраля 1861 года вводилось въ дѣйствіе: для этого нѣтъ разработанныхъ матеріаловъ, да и предметъ слишкомъ обширенъ. Напомнимъ только, что главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала мировымъ посредникамъ, назначавшимся правительствомъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Личный составъ первоначальнаго призыва этихъ дѣятелей былъ превосходенъ. Дворянство дало въ ряды первыхъ посредниковъ лучшихъ своихъ членовъ, честныхъ, гуманныхъ, добросовѣстно-дѣятельныхъ. Они стояли за крестьянъ противу план-

таторскихъ притязаній прежняго барства; но это было непродолжительно. Бюрократія не выносила людей независимыхъ, имѣвшихъ чувство человѣческаго достоинства, и скоро оттѣснила ихъ со сцены. Какой-нибдь Шидловскій, бывшій въ послѣдствіи начальникомъ цензуры, какъ только вступилъ въ управленіе тульскою губерніею, тотчасъ сталъ тѣснить либеральныхъ посредниковъ, и то же вообще было замѣтно въ 1862-3 годахъ. Тогда мало-по-малу личный составъ посредниковъ сталъ ухудшаться, пока наконецъ общій голосъ не потребовалъ упраздненія этого сословія тунеядцевъ, что и состоялось въ 1870-хъ годахъ. Губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, составлявшія непосредственную высшую инстанцію надъ посредниками и ихъ съѣздами, никогда ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ обыкновенныхъ русскихъ канцелярій и были совершенно чужды духа иниціативы, а главный комитетъ по дѣламъ сельскаго состоянія хотя и сдѣлалъ *кое-что* для улучшенія быта этого состоянія и для защиты его правъ, но тоже отжилъ свой вѣкъ и зачѣмъ теперь существуетъ,—сказать нелегко.

Переходя къ окончательнымъ результатамъ крестьянской реформы, напомнимъ прежде всего, что объемъ ея можно выразить слѣдующими статистическими данными:

Лицъ, подошедшихъ подъ Положеніе 1861 г. около . . 11.200.000*) муж. п.
Они владѣютъ нынѣ (1877). 64.500.000 десят.

что даетъ на одну мужскую душу по 5,7 дес. Принявъ въ соображеніе, что по Леонсу-де-Лаверню во Франціи главная масса крестьянъ, именно 5 милліоновъ душъ м. п., владѣютъ лишь 3-мя гекторами ($3^1/_4$ дес.) и даже менѣе того на душу, мы должны бы были сказать, что русскіе крестьяне гораздо лучше надѣлены источниками прочнаго земледѣльческаго благосостоянія, чѣмъ французскіе; но на самомъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, это не такъ. Французскій гектаръ приноситъ, среднимъ числомъ, въ $2^1/_2$ раза больше доходу, чѣмъ средняя русская десятина, не говоря уже про южную часть страны, гдѣ земля нерѣдко засажена виноградомъ. Кромѣ того, средній душевой надѣлъ въ Россіи крайне измѣнчивъ, смотря по мѣстностямъ: въ оренбургской губ. онъ равенъ 6,4 дес., а въ полтавской 1,9 дес., и это еще не крайности.

Другая любопытная серія статистическихъ цифръ, относящихся къ результатамъ крестьянской реформы, состоитъ изъ данныхъ о выкупной операціи. Крестьяне, выкупившіе

*) По Тройницкому; теперь въ отчетахъ главнаго выкупнаго учрежденія эта цифра показывается меньше, вѣроятно потому, что дворовые и другіе люди, невошедшіе въ составъ сельскихъ обществъ, въ счетъ не принимаются.

свои надѣлы, суть единственные безусловно покончившіе съ зависимостью отъ помѣщиковъ, т. е..soit-disant полноправные граждане русской земли. Ихъ, по свѣдѣніямъ, относящимся ко времени заключенія берлинскаго договора, было 4.979.415 душъ мужс. пола, и они владѣли 17.454.146 десятинами выкупленной земли. Наибольшихъ успѣховъ достигли въ дѣлѣ выкупа крестьяне среднерусскихъ губерній, смоленской, тверской, рязанской, тульской, московской, тамбовской, харьковской, орловской, костромской и пр.; въ петербургской даже совсѣмъ почти не оставалось невыкупленныхъ надѣловъ. Общая сумма денегъ, уплаченныхъ за крестьянскія земли помѣщикамъ, простирается до 716.733.790 рублей, что даетъ за средній душевой надѣлъ, въ $3\frac{1}{2}$ десятины, 107 р. 6 к. или за десятину около 30 рублей 73 коп. Очевидно, что помѣщики не могутъ жаловаться на низкую оцѣнку отошедшихъ отъ нихъ земель, какъ и крестьяне на слишкомъ высокую. Это — одинъ изъ лучшихъ результатовъ реорфмы, къ сожалѣнію не повсемѣстный. Какъ извѣстно, выкупъ распространился пока не на всѣ крестьянскія земли и, напримѣръ, въ губерніяхъ нижневолжскихъ и таврической болѣе половины, а во многихъ другихъ до трети крестьянъ еще несутъ оброки передъ помѣщиками или даже отбываютъ на нихъ барщину. Выкупныя цѣны также не

вездѣ соображены съ дѣйствительною стоимостью надѣловъ.

Въ очеркѣ перемѣнъ хозяйственнаго быта русскаго народа мы уже познакомились съ немалымъ числомъ фактовъ, характеризующихъ этотъ бытъ теперь, черезъ 17 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, и тамъ же замѣтили, что прочно-установленные *общіе* выводы относительно этого предмета пока затруднительны, если не невозможны. Однако безъ такихъ выводовъ, хотя бы приблизительно вѣрныхъ, нельзя оцѣнить по достоинству значеніе самаго освобожденія, и потому нелишне будетъ все-таки сдѣлать нѣкоторыя обобщенія. Въ этомъ случаѣ едва-ли не самымъ надежнымъ помощникомъ является „Russia“ Макензи-Уоллеса, справедливо обратившая на себя вниманіе всей Европы. Въ ней мы находимъ любопытный отвѣтъ умнаго, наблюдательнаго англичанина на имъ же категорически поставленный вопросъ: лучше или хуже стало крестьянину и помѣщику послѣ 19 февраля 1861 года? Вотъ этотъ отвѣтъ, не совсѣмъ рѣшительный, но правдивый:

Я сначала думалъ, что для дознанія, улучшился или ухудшился бытъ крестьянъ послѣ реформы, удобнѣе всего разспрашивать самихъ крестьянъ; но скоро увидѣлъ, что эта метода непрактична. Во-первыхъ, чрезвычайно трудно вообще добиться открытаго мнѣнія отъ мужика. Не смотря на свою при-

вѣтливость и кажущуюся простоту, русскій крестьянинъ обладаетъ большею долею деревенскаго благоразумія, которое нерѣдко переходитъ въ подозрительность, и даже когда подозрѣнія разсѣяны, онъ далеко невсегда говоритъ правду. Не имѣя никакого понятія о научной любознательности, онъ очень склоненъ предполагать, что если иностранецъ распрашиваетъ его о чемъ-нибудь, то вѣроятно не безъ скрытой, злонамѣренной цѣли. Во-вторыхъ, крестьянинъ на предложенный ему вопросъ: лучше или хуже стало теперь? уже потому рѣдко отвѣчаетъ съ ясностью, что у него самого нѣтъ опредѣленныхъ понятій объ этомъ дѣлѣ. Онъ прямо отвѣтитъ: *лучше* развѣ лишь тогда, когда прежній его баринъ былъ очень дуренъ; и въ самомъ дѣлѣ нелегко ему поступать иначе. Современные платежи и налоги часто тяжеле для него, чѣмъ оброки и барщина во время крѣпостнаго состоянія. Если тогда было не мало тягостей и службъ, часто неопредѣленныхъ и неожиданныхъ; такъ за то онъ пользовался многими существенными выгодами: пасъ скотъ на помѣщичьихъ земляхъ, бралъ топливо, а при случаѣ и строевое дерево, въ помѣщичьемъ лѣсу; иногда получалъ отъ помѣщика лошадь или корову, въ голодные годы — хлѣбъ. Всего этого теперь нѣтъ. Приходится платить чистые денежки за каждый пенекъ, за каждое бревно, нанимать каждый клочекъ пастбища. Какая бы бѣда ни случилась — пожаръ, наводненіе, падежъ скота, — никто ничего не дастъ даромъ. Если нужны деньги на покупку упавшей коровы, приходится обращаться къ деревенскому ростовщику, который 20—30% въ годъ отнюдь не считаетъ процентомъ безсовѣстнымъ. Иногда приходится дѣлать издержки совершенно непредвидѣнныя, напр. платить штрафы за потраву скотомъ помѣщичьихъ полей и луговъ. Прежде за такую

набрежность въ уходѣ за домашними животными мужикъ отдѣлывался выслушанною бранью или легкимъ наказаніемъ, которое скоро забывалось; теперь за все плати, иногда значительныя суммы. Соображая все это, крестьянинъ лишь съ большимъ трудомъ можетъ прійдти къ общимъ выводамъ относительно своего положенія, и когда его спросишь настойчиво: „лучше или хуже теперь, чѣмъ прежде“? — онъ почешетъ затылокъ и отвѣтитъ, не безъ сомнѣнія и таинственности: „какъ вамъ сказать? и лучше, и хуже“!

Но почему же уничтоженіе крѣпостнаго права не привело доселѣ къ тѣмъ счастливымъ результатамъ, которые такъ самоувѣренно предсказывались до реформы 1861 года самыми сдержанными людьми? На этотъ вопросъ Макензи-Уоллесъ отвѣчаетъ почти тѣми же указаніями, какія мы сдѣлали въ концѣ втораго тома настоящихъ очерковъ; а потому, чтобы не повторять сказаннаго, мы перейдемъ къ другому вопросу, тѣсно связанному съ тою же реформою и также разбираемому англійскимъ писателемъ: лучше или хуже стало съ 1861 года помѣщикамъ?

На всѣхъ ихъ,— говоритъ онъ,— освобожденіе крестьянъ произвело одно благодѣтельное дѣйствіе: вывело изъ усыпленія и рутины и заставило подумать о дѣлахъ и стать разсчетливыми... Я припоминаю отвѣтъ одного изъ нихъ по поводу моего вопроса, когда было лучше, прежде или теперь? — „прежде мы не вели никакой отчетности, говорилъ

онъ, и пили шампанское; теперь завалены приходо-расходными книгами и пьемъ пиво."—Конечно, этотъ лаконическій отвѣтъ не выражаетъ вполнѣ сущности дѣла, но онъ очень нагляденъ и часто вѣренъ дѣйствительности. Тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ помѣщики стали спрашивать себя: что мы будемъ дѣлать съ оставшимися землями? — и тутъ представлялось четыре отвѣта: продолжать, съ нѣкоторыми сокращеніями, прежнюю систему хозяйства, войдти въ сдѣлку съ крестьянами о наймѣ ими земель и угодьевъ за деньги, сдѣлать ихъ половинниками или, наконецъ, устроить фермы, по образцу западной Европы. Наиболѣе просвѣщенные и предусмотрительные изъ помѣщиковъ хорошо понимали, что только четвертый способъ вполнѣ соотвѣтствуетъ выгодамъ крупнаго землевладѣнія; но откуда было взять денегъ на постройку и обзаведеніе фермъ, гдѣ было найдти батраковъ? Пришлось довольствоваться отдачей земель крестьянамъ за деньги или изъ-за половины урожая. Продолжать же барщинное хозяйство стало во многихъ мѣстахъ невозможностью, потому что крестьяне уклонялись отъ работъ на помѣщичьихъ земляхъ и даже при вольно-наемномъ трудѣ были крайне-неисправными работниками, на которыхъ нерѣдко приходилось жаловаться мировымъ посредникамъ. Особенно во время сѣнокосовъ и жатвы сельскіе рабочіе разбѣгались съ помѣщичьихъ земель, разумѣется, чтобы убрать свои собственныя. Эти трудныя обстоятельства для помѣщиковъ продолжались нѣсколько лѣтъ послѣ 1861 г.; наконецъ мало-по-малу изъ нихъ обозначились два исхода. Въ полосѣ черноземной, особенно тамъ, гдѣ населеніе густо, землю легко было какъ отдавать въ наемъ, такъ и обработывать вольно-наемнымъ трудомъ; въ полосѣ сѣверной оставался почти одинъ первый способъ. Отъ того въ послѣдней помѣщики

побросали свои сельскія усадьбы и перебрались въ города, гдѣ занялись службою или промышленными предпріятіями; на югѣ же устроились нерѣдко обширныя и выгодныя барскія хозяйства. Какъ удачный примѣръ послѣднихъ я могу привести обширное помѣстье князя Виктора Васильчикова. У него передъ освобожденіемъ крестьянъ средній доходъ, за десять лѣтъ, былъ 14.350 рублей въ годъ, а послѣ освобожденія достигъ 28.996 р., къ которымъ еще нужно присоединить 7.715 р. годовыхъ платежей съ крестьянъ за данные имъ надѣлы. Тутъ увеличеніе доходности имѣнія зависѣло впрочемъ отъ улучшенія способовъ обработки и вообще отъ введенія усовершенствованнаго хозяйства; но были и есть такіе помѣщики,—какъ рязанскій Кошелевъ,—которые, оставаясь въ основѣ вѣрными прежнимъ хозяйственнымъ системамъ, умѣли сильно увеличить свои доходы. Только, разумѣется, такіе практическіе люди рѣдки. Что же до большинства обыкновенныхъ помѣщиковъ, то они нѣкоторое время несли значительные если не убытки, то недочеты въ доходахъ, но мало-по-малу то же поправились. Вотъ напр. одно значительное имѣніе въ рязанской губерніи: одно давало передъ 1861 годомъ по 8.445 рублей, при 444 ревизскихъ душахъ; въ теченіе 4 лѣтъ послѣ реформы этотъ доходъ упалъ до 5.186 рублей, но теперь (1875) даетъ уже 13.190 рублей. Управляетъ имъ бывшій крѣпостной человѣкъ, врагъ всякихъ нововведеній.—На самомъ югѣ Россіи, въ степяхъ прилегающихъ къ Черному морю, сущность помѣщичьихъ хозяйствъ мало измѣнилась. Тамъ и прежде основнымъ промысломъ было разведеніе тонкорунныхъ овецъ, а хлѣбопашество исполнялось помощью приходящихъ съ сѣвера рабочихъ: такъ оно есть и теперь.

Этими отрывочными, но полными правды и занимательности, указаніями англійскаго путешественника мы и заключимъ нашъ краткій очеркъ самыхъ главныхъ, самыхъ выдающихся экономическихъ фактовъ изъ исторіи хода и исхода крестьянской реформы въ Россіи-собственно. Кто хочетъ ближе ознакомиться съ судьбою крестьянскаго вопроса, тотъ найдетъ указанія на источники въ библіографическомъ трудѣ Межова, изданномъ въ 1873 году подъ названіемъ „Земскій и крестьянскій вопросы“. А кому нужны готовые результаты, тотъ почерпнетъ массу свѣдѣній въ сочиненіяхъ Васильчикова, Янсона, Чаславскаго и другихъ, о которыхъ мы не разъ упоминали. Только повторимъ, что эти почтенные труды большею частію занимаются *экономическою* стороною дѣла, а не *соціальною*, которая пока лишь затронута у Макензи-Уоллеса, Скалдина, Головачева, Кошелева и Энгельгардта. Причина послѣдняго понятна: въ странѣ, гдѣ свобода политической мысли преслѣдуется, добросовѣстное изученіе соціальныхъ перемѣнъ неосуществимо. У насъ оказалось невозможнымъ вести открытую полемику даже противу тѣхъ ретроградовъ, которые, въ 1870-хъ годахъ, хотѣли было уничтожить главный соціальный результатъ крестьянской реформы —личный выходъ крестьянъ изъ-подъ власти помѣщиковъ—введеніемъ всесословной волости,

гдѣ бы помѣщики имѣли то же значеніе, какъ дореформенные польскіе гминные войты, т. е. чинили судъ и расправу по собственному усмотрѣнію. Чтобы опровергать ихъ нечистыя вожделѣнія, несогласныя притомъ съ законами 1861 г., но за то согласныя съ реакціонными видами правительственныхъ и аристократическихъ сферъ, Самаринъ и Дмитріевъ должны были издать свою брошюру за границею.

Еще скуднѣе наши данныя для оцѣнки *нравственнаго* значенія крестьянской реформы. А между тѣмъ всякій историческій шагъ можетъ быть названъ истинно-прогрессивнымъ лишь тогда, когда результатомъ его является не одно матеріальное улучшеніе быта людей, а и возвышеніе ихъ личныхъ достоинствъ. Что крѣпостной человѣкъ не могъ стоять нравственно-высоко, это понятно само собою: его идеи о добрѣ и злѣ были до крайности неразвиты, его „добродѣтели“ были нерѣдко отрицаніемъ человѣческаго достоинства, а его „пороки“—протестомъ, противъ разныхъ неправдъ, честной человѣческой личности. Но сталъ ли современный русскій крестьянинъ ближе къ идеалу такой личности?—въ этомъ то и вопросъ. Изъ того, что нерѣдко приходится слышать отъ пожилыхъ мужичковъ, что „прежде народъ былъ лучше“, можно бы заключить, что нравственный уровень

массъ не поднялся, а упалъ. Однако это было бы односторонностью и даже ошибкой. Изъ того, что простолюдинъ въ Россіи сталъ изворотливѣе, слѣдуетъ выводить не то, что онъ сдѣлался безчестнѣе, а прежде всего то, что для борьбы за существованіе нынѣ стало требоваться болѣе смышленности и смѣлости, и что крестьянинъ воспользовался свободою, чтобы развить въ себѣ эти качества. Разумѣется, что молодое поколѣніе крестьянъ, благодаря освобожденію отъ крѣпостной зависимости обучающееся грамотѣ, выходитъ развитѣе прежняго; поэтому его потребности шире, а находчивость въ изысканіи средствъ къ жизни многостороннѣе; но чтобы эта находчивость переходила въ бо́льшую противу прежняго порочную неразборчивость, — этого статистика преступленій намъ не показываетъ. Напротивъ, чувство нравственнаго достоинства, какъ основа моральнаго бытія, не только не упало, но положительно поднялось. Въ цѣломъ многомилліономъ разрядѣ людей проснулась благородная жажда усовершенствованія, стремленіе идти впередъ и стать наравнѣ съ тѣми, кто получилъ массу вещественныхъ и духовныхъ благъ такъ-сказать по наслѣдству; а въ подобномъ стремленіи лежитъ залогъ всякаго, въ томъ числѣ и нравственнаго, прогресса. Правда, въ крестьянинѣ ослабѣла вѣра въ авторитеты и слѣд. въ оффиціальную мораль;

за это-то его и порочатъ поклонники подъ-авторитетной старины. Но просвѣщенный и гуманный наблюдатель можетъ только радоваться этому. Притомъ, всматриваясь ближе, онъ ясно видитъ, что въ молодомъ поколѣніи крестьянъ зрѣетъ зерно другой, высшей нравственности, именно той, которая свойственна свободному человѣку. Когда оно созрѣетъ,— Россія переродится къ лучшему, и тогда наши потомки безъ сомнѣнія скажутъ: „да, крестьянская реформа 1861 года, не смотря на всѣ ея недостатки, была великимъ дѣломъ! Безъ нея мы никогда не были бы народомъ цивилизованнымъ, и никогда не имѣли бы чувства человѣческаго достоинства, этого единственно-надежнаго источника и мѣрила нравственности поступковъ.“

Освобожденіе собственно-русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не было явленіемъ одиночнымъ въ современной Россіи. Къ нему примыкаютъ нѣсколько однородныхъ фактовъ, о которыхъ мы также должны здѣсь упомянуть. Факты эти суть слѣдующіе: 1. Увольненіе рабовъ киргизскими султанами сибирской степи въ 1858 г. Это былъ просто выпускъ на волю плѣнныхъ и кабальныхъ людей, безъ всякаго надѣленія ихъ имуществомъ, совершенный султанами изъ желанія угодить государю. 2. Уничтоженіе крѣпостнаго права на Кавказѣ, въ Грузіи,

Имеретіи и Мингреліи. Оно было продолженіемъ крестьянской реформы въ имперіи и повело къ образованію довольно многочисленнаго класса дворянъ-пролетаріевъ, особенно между грузинами. 3. Устройство быта царанъ въ Бессарабіи, гдѣ молдавская шляхта долго эксплуатировала этихъ бѣдныхъ людей. 4. Надѣленіе въ собственность землями удѣльныхъ крестьянъ—тоже расширеніе круга дѣйствія Положенія 1861 года, но съ нѣкоторыми особенностями, направленными къ вящему охраненію интересовъ царской фамиліи. Въ извѣстномъ смыслѣ къ Положенію 1861 г. объ освобожденіи и новомъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ примыкаетъ и степное Положеніе 1868 года, которымъ уничтожена родовая власть султановъ во всѣхъ киргизскихъ степяхъ и въ замѣнъ родовъ учреждены волости съ выборными начальствами. Но это степное Положеніе вовсе не касалось экономическаго быта киргизовъ, которые, какъ мы видѣли, ввели нѣкоторыя хозяйственныя перемѣны въ свой бытъ совершенно независимо отъ побужденій свыше, а изъ одного желанія улучшить свое матеріальное положеніе. — Русская крестьянская реформа отозвалась и за предѣлами Россіи. Когда началось приложеніе законовъ 1861 г. въ Бессарабіи, тогда пришлось и румынскимъ боярамъ поступиться своими правами надъ мѣстными

крестьянами. Извѣстно, что они сдѣлали это съ гораздо большею для себя выгодою, чѣмъ помѣщики русскіе, и немногимъ лишь отстали отъ хищныхъ бароновъ остъ-зейскихъ, которые тоже прикинулись было гуманистами и стали „входить въ добровольныя соглашенія“ съ крестьянами объ уступкѣ имъ бауэрланда... по цѣнамъ отъ 125 до 300 рублей за десятину! Но важнѣйшимъ продолженіемъ русской крестьянской реформы служило надѣленіе землями и освобожденіе изъ-подъ полицейской опеки помѣщиковъ поселянъ-земледѣльцевъ въ Польшѣ. Къ этому событію, одному изъ славнѣйшихъ за время съ 1855 по 1878 г., мы и перейдемъ въ слѣдующемъ очеркѣ, гдѣ прослѣдимъ также, вкратцѣ, и другія либеральныя реформы въ привислянскомъ краѣ.

Крестьянская и другія реформы въ Польшѣ.

Государственный и общественный строй Польши представлялъ, въ началѣ второй половины нашего вѣка, довольно безобразный хаосъ. Съ одной стороны—наполеоновскій кодексъ, безсословная конскрипція и признаніе всѣхъ поляковъ, и въ томъ числѣ крестьянъ, лично свободными; съ другой—военный деспотизмъ русскихъ властей надъ всѣми и аграрно-полицейскій деспотизмъ пановъ надъ хлопами, которые считались быдломъ и должны были, послѣ каждаго тѣлеснаго наказанія, полученнаго отъ пана, цѣловать полу его одежды и благодарить, что поучилъ уму-разуму. Это была смѣсь средневѣковыхъ порядковъ, революціонныхъ началъ 1789 года и аракчеевщины. Не было ничего удивительнаго, что поляки считали себя самымъ несчастнымъ въ Европѣ народомъ. Но Николай помнилъ 1831 годъ, былъ убѣжденъ, что Польша—истори-

ческій, непримиримый врагъ Россіи, и не ослаблялъ узды, хотя нѣтъ сомнѣнія, что именно либеральными-то преобразованіями только и можно было связать польскій народъ съ русскимъ хотя бы на столько, чтобы онъ сознавалъ, что внѣ этой связи пока нѣтъ спасенія польской народности, что истинный *finis Poloniæ* грозитъ ей не съ востока, изъ-за Буга и Нѣмана, а съ запада, изъ-за Варты и горъ Карпатскихъ. Польша спокойно пережила годы крымской войны, не поднималась, и этимъ, конечно, пріобрѣла особое право на признательность русской націи.

Такъ, повидимому, и понялъ задачу русскаго правительства по отношенію къ привислянскому краю Александръ II. Что онъ въ этомъ случаѣ не расходился въ основѣ съ русскими либералами, это видно изъ того, что послѣдніе могли довольно открыто выражать свое сочувствіе Польшѣ до самаго 1863 года, т. е. когда на берегахъ Вислы шла уже кровавая борьба. Но таково свойство деспотизма, что, даже искренно желая исправить зло, которое видитъ, онъ не умѣетъ этого сдѣлать. Не говоря уже про произнесеніе знаменитой рѣчи въ Варшавѣ, гдѣ неизвѣстно для чего были вставлены облившія поляковъ холодною водою слова *pas de rêveries!*, можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что императоръ Александръ II и его правительство не имѣли

хорошо выработанной программы необходимыхъ перемѣнъ въ Польшѣ. Они въ этомъ и признались открыто Муравьеву-Амурскому, когда, на предложеніе ему занять постъ намѣстника въ Варшавѣ и на оговорку его: „пусть правительство скажетъ прежде, чего оно хочетъ, тогда и я скажу, могу ли принять мѣсто или нѣтъ“ — отвѣчали молчаніемъ!... И однако самому императору при вступленіи на престолъ было 37 лѣтъ; онъ съ дѣтства готовился царствовать, стало быть имѣлъ досугъ передумать все, что было нужно для раціональнаго рѣшенія польскаго вопроса. Между совѣтниками его были люди, которые знали Польшу до 1831 года, даже до 1815 года, она была герцогствомъ варшавскимъ; исторія Галиціи, Познани, западной Пруссіи была то же открыта каждому государственному человѣку въ Варшавѣ и самомъ Петербургѣ...

Мы не будемъ здѣсь разбирать всей той путаницы, которая царила въ Польшѣ съ 1855 по 1864 годъ. Безтолковый кн. Михаилъ Горчаковъ и очень умный гр. Анд. Замойскій; аристократы земледѣльческаго общества и плебеи народоваго жонда; кончившіе дуэлью представители правительства, Ламбертъ и Герштенцвейгъ, и кончившіе уходомъ за границу бойцы за народное дѣло, Лангевичъ и Мирославскій; „одинъ полновластный намѣстникъ

царя въ Польшѣ," Лидерсъ, и въ то же время одинъ дѣйствительный правитель ея, Веліопольскій; Константинъ Николаевичъ, какъ говорятъ, мечтавшій стать королемъ польскимъ и потому ухаживавшій за поляками, *) и графъ Бергъ непоцеремонившійся, тотчасъ послѣ его отъѣзда, начать свое управленіе контрибуціею съ Варшавы въ 10.000.000 злотыхъ; псевдолиберальные государственный и провинціальные выборные совѣты 1861 года и открытодеспотическое военно-полицейское управленіе 1863 г.; сухозанетовское приказаніе русскимъ офицерамъ молчаливо сносить обиды отъ поляковъ; и собственное распоряженіе солдатъ не брать повстанцевъ въ плѣнъ, а бить ихъ на мѣстѣ; изгнаніе изъ польской администраціи всѣхъ русскихъ чиновниковъ Веліопольскимъ, и переходъ многихъ русскихъ офицеровъ въ польскія банды; кинжалы и адскія машины съ одной стороны и картечь, штыки, нагайки и высылка тысячъ поляковъ за Волгу съ другой:—во всемъ этомъ видно отсутствіе логики съ обѣихъ сторонъ, страстное движеніе, но—ни малѣйшаго шага впередъ. Поэтому

*) Ухаживанье это простиралось до того, что родившійся въ 1862 году у К. Н—ча сынъ названъ былъ Вячеславомъ, чтобы имя его звучало по возможности ближе къ польскимъ именамъ, а вел. кн. Александра Іосифовна усердно носила конфедератку, въ которой явилась даже въ 1863 г. въ Крымъ, за что и получила нагоняй отъ императора.

мы начнемъ нашъ очеркъ преобразованій въ Польшѣ лишь съ указовъ 19 февраля 1864 г., которыми положено было начало соціальной революціи, во многомъ измѣнившей эту страну и выражающей дѣйствительно прогрессивное воздѣйствіе на нее Россіи.

Главнымъ дѣятелемъ этой революціи,—какъ открыто называлъ ее онъ самъ,—былъ Николай Милютинъ. Призванный Константиномъ Николаевичемъ въ Варшаву вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ, Самаринымъ и Арцимовичемъ, чтобы опредѣлить основы новаго аграрнаго устройства сельскаго населенія Польши, онъ съ проницательностью и всеобъемлемостью истиннаго государственнаго человѣка, умѣлъ охватить всѣ вопросы, счастливымъ разрѣшеніемъ которыхъ можно было съ одной стороны принести благо самой этой странѣ, а съ другой уменьшить ту глубокую нравственную пропасть, которая раздѣляла ее отъ Россіи. Основнымъ выводомъ изъ сдѣланнаго имъ изученія этихъ вопросовъ было то, что интересы какъ самаго польскаго народа, такъ и Россіи, требовали ослабленія въ Польшѣ элементовъ шляхетскаго и клерикальнаго и поставленія на мѣсто ихъ народныхъ массъ, которыя бы, получивъ значительное облегченіе своей участи изъ рукъ русскаго правительства, стали потомъ матеріаломъ для созданія Польши русско-демократической. Этой цѣли онъ предпо-

лагалъ достигнуть: 1. обращеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ земельныхъ собственниковъ, 2. такимъ устройствомъ сельскихъ гминъ, чтобы въ нихъ панъ стоялъ на одной ногѣ съ крестьяниномъ, 3. такимъ устройствомъ городовъ, чтобы въ нихъ развился независимый отъ шляхетства и клерикальныхъ вліяній муниципальный духъ, 4, привитіемъ народу такого образованія, чтобы оно сближало его съ народомъ русскимъ, 5, такимъ административнымъ устройствомъ края, чтобы русская власть не являлась сосредоточенною въ Варшавѣ и пяти-шести городахъ, изъ которыхъ могла только бросать громы въ народъ, но не изучать его нужды, а напротивъ, чтобы она стояла прочно посреди этого народа, наблюдая въ то же время на мѣстахъ за панами и ксендзами, 6, далѣе, лишеніемъ изувѣрнаго католическаго духовенства его имуществъ, которыя давали ему большое вліяніе въ народѣ и облегчали борьбу не только съ правительствомъ, но и съ духомъ времени, 7, наконецъ, пробужденіемъ племенныхъ особенностей тѣхъ расъ, которыя въ Польшѣ затирались дотолѣ господствующимъ по числу племенемъ и въ главѣ которыхъ можно было поставить малороссовъ губерній люблинской и сѣдлецкой.

Первыя двѣ изъ исчисленныхъ здѣсь задачъ рѣшались указами 19 февраля 1864 года,

которые были съ неподдѣльною радостью встрѣчены всею массою крестьянскаго населенія Польши. Однимъ изъ нихъ обращались въ собственность крестьянъ всѣ земли, которыя находились въ ихъ пользованіи въ данную минуту и даже тѣ, которыя, бывъ занесены въ престаціонныя табели 1846 г., были съ того времени самовольно отобраны помѣщиками. Это сразу обратило 60% польскихъ земель изъ помѣщичьихъ въ крестьянскіе. Кромѣ того крестьяне не были лишены обычныхъ правъ пасти скотъ на помѣщичьихъ земляхъ, брать топливо и даже строевые матеріалы въ господскихъ лѣсахъ. Помѣщики получили вознагражденія около 33 рублей за десятину, 4% ликвидаціонными листами, по которымъ проценты и погашеніе уплачивались правительствомъ, собиравшимъ для этого съ крестьянъ умѣренный поземельный налогъ. *) Крестьянскія усадьбы, огороды и пашни стали частною собственностью отдѣльныхъ хозяевъ, а выгоны, пастбища и иногда лѣса и луга— принадлежностью общинъ. Результатомъ та-

*) Такимъ образомъ совершился въ Польшѣ тотъ обязательный выкупъ при содѣйствіи правительства, котораго оно же долго боялось въ Россіи: фактъ поучительный для тѣхъ, которые думаютъ, что единоличное наслѣдственное правительство устойчивѣе, послѣдовательнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ «многоголовое», часто смѣняемое республиканское или конституціонное.

кой мѣры было, естественно, быстрое поднятіе крестьянъ; и какъ честь исполненія ея принадлежитъ сполна русскимъ коммиссарамъ, *честно* работавшимъ надъ этимъ дѣломъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и вдохновленнымъ на то Милютинымъ; то, чтобы ни говорили враги Россіи, одна эта мѣра на благо польскаго народа искупаетъ много деспотическихъ притѣсненій предшествующаго времени, сдѣланныхъ русскими. Другимъ указомъ 19 февраля 1864 г. опредѣлялось общинное и гминное (волостное) устройство сельскаго населенія. Крестьяне стали избирателями своихъ мѣстныхъ властей, хозяевами своихъ сельскихъ и волостныхъ сборовъ и издержекъ, судьями въ дѣлахъ, между ними происходящихъ и неимѣющихъ характера уголовнаго, и пр. Это общинное самоуправленіе было положительною новостью для польскаго сельскаго люда, тѣмъ болѣе важною для будущности народа, что шляхта не выдѣлялась изъ вѣдѣнія волостной администраціи, какъ въ Россіи.—Новое устройство многочисленныхъ помѣщичьихъ городовъ, мѣстечекъ и посадовъ въ Польшѣ опредѣлено указомъ отъ 28 октября 1866 года, въ которомъ также широко проведено выборное начало въ замѣнъ прежнихъ вотчинныхъ отношеній. Мѣщане сдѣлались собственниками ихъ усадьбъ и земель, перестали отбывать разныя денежныя и натуральныя повинности передъ

помѣщиками и вообще перешли въ положеніе настоящихъ горожанъ или же примкнули къ сельскому населенію тамъ, гдѣ ихъ образъ жизни тому соотвѣтствовалъ. Такъ какъ значительная часть польскихъ городовъ и мѣстечекъ населена евреями; то эта реформа особенно благодѣтельно отозвалась на нихъ,—къ одному ли благу всей страны, этого къ сожалѣнію мы не можемъ сказать. — Народное образованіе въ Польшѣ было предметомъ особой заботливости Милютина. Когда, въ апрѣлѣ 1864 г., прощаясь съ предсѣдателями крестьянскихъ коммиссій, онъ развивалъ передъ ними въ долгой, поучительной бесѣдѣ свои руководящія идеи, имъ прямо было высказано, что та система, которой слѣдовало николаевское правительство относительно поляковъ — держать ихъ въ невѣжествѣ, — была зломъ столько же для Польши, сколько и для Россіи. Привить знаніе и любовь къ нему во всѣхъ классахъ польскаго общества—вотъ что признавалъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ гуманный статсъ-секретарь императора Александра по польскимъ дѣламъ. И правительство не ограничивалось одними добрыми пожеланіями. Съ одной стороны Варшава получила университетъ, теперь одинъ изъ лучшихъ и многолюднѣйшихъ въ Россіи, а съ другой народныя школы въ деревняхъ и мѣстечкахъ возникли во множествѣ. Правда, въ училища введенъ

русскій языкъ и притомъ съ тѣмъ, чтобы на немъ совершалось преподаваніе почти всѣхъ предметовъ; но это оскорбительное для поляковъ нововведеніе не поставило никакихъ особыхъ препонъ успѣху польской литературы, какъ мы видимъ изъ возрастающаго числа газетъ и журналовъ въ Варшавѣ и другихъ городахъ. Его нельзя сравнивать съ обязательностью нѣмецкаго языка въ школахъ познанскихъ, потому что польскій языкъ на столько родственъ съ русскимъ, что особенныхъ трудностей въ изученіи полякамъ не представляетъ. Поляки-солдаты въ рядахъ русской арміи черезъ годъ-полтора обыкновенно уже хорошо говорятъ по-русски; а дѣтямъ это изученіе достается еще скорѣе. Сами паны и ксендзы были свидѣтелями, какъ послѣ обнародованія указовъ 1864 г. многіе крестьяне, —особенно гминные войты, солтысы (старосты), лавники (судьи),—добровольно учились по-русски, чтобы лично ознакомиться съ новыми законами, благопріятными для нихъ на столько, что даже въ преданіяхъ о „хлопскомъ“ королѣ Казимірѣ не могли бы они найдти лучшихъ. — Отобраніе земель у римско-католическаго духовенства и закрытіе множества монастырей положительно было одобряемо всѣми поляками не-фанатиками. Земли бывшихъ пробствъ, какъ извѣстно, поступили большею частію въ надѣлъ безземельныхъ кре-

стьянъ; а что до многочисленныхъ монаховъ, доголѣ разсѣянныхъ по всему лицу польской земли и смѣло втиравшихся въ семейную жизнь, то ихъ сосредоточенію въ немногихъ центрахъ, подъ замкомъ, радовались даже помѣщики, въ особенности имѣвшіе молодыхъ женъ или дочерей. Монаховъ этихъ арестовывавшая ихъ полиція застала большею частью за картами и виномъ, а въ монастырскихъ погребахъ найдены были большіе запасы венгерскаго, гданьской водки, медовъ и т. п., что подавало поводъ къ общимъ насмѣшкамъ.

Само собою разумѣется, что клерикально-шляхетская партія была очень недовольна всѣми этими мѣрами и, ловкая на происки, употребляла всѣ усилія, чтобы низвергнуть ненавистнаго ей министра. Это ей и удалось, главнымъ образомъ по вліянію нѣсколькихъ русскихъ же ретроградовъ, которые, ненавидя Милютина, старались очернить его и принимаемыя имъ мѣры въ глазахъ императора. Къ числу этихъ ретроградовъ примкнулъ даже князь Суворовъ, который вообще считался за одного изъ гуманныхъ друзей государя. О майоратныхъ владѣльцахъ, въ родѣ кн. Голицына, мы и не говоримъ: они наполняли петербургскія гостинныя своими жалобами на дѣйствіе русскихъ „соціалистовъ“ т. е. крестьянскихъ коммиссаровъ, въ Польшѣ. Ихъ союзникомъ явился и самъ намѣстникъ въ Варшавѣ, графъ

Бергъ, „самый австрійскій изъ всѣхъ русскихъ генераловъ“, какъ говорилъ про него Паскевичъ, и вполнѣ остъ-зейскій шляхтичъ по вкусамъ, если не по убѣжденіямъ, которыхъ у него не было. Разладъ между имъ и Милютинымъ былъ замѣченъ государемъ, который на пути между Вильной и Вержболовымъ старался ихъ помирить и даже заставилъ поцѣловаться; но, разумѣется, это насильственное примиреніе не привело ни къ чему. Осенью 1865 года, когда Бергъ находился въ Петербургѣ и дѣятельно интриговалъ противъ статсъ-секретаря, съ послѣднимъ, отъ непрерывнаго нервнаго раздраженія, сдѣлался ударъ. Нести службу долѣе онъ не могъ и потому сначала уѣхалъ за границу, а потомъ поселился въ Москвѣ. Не смотря на такое удаленіе отъ дѣлъ, онъ продолжалъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, и когда наконецъ въ 1872 г. умеръ, то былъ почтенъ вполнѣ искренними знаками общаго сожалѣнія. Въ самомъ Петербургѣ, гдѣ чиновники не смѣютъ выражать сочувствія тому, кто въ опалѣ или не у дѣлъ, огромное избранное общество присутствовало на панихидѣ ему въ Казанскомъ соборѣ, имѣя Константина Николаевича во главѣ. Только изъ министровъ никто не пожаловалъ, кромѣ Зеленаго; а Треповъ, такъ много обязанный Милютину, явился лишь тогда, когда подъѣзжалъ къ собору великій князь.

Одновременно съ Милютинымъ палъ въ 1865 г. Черкасскій, его ревностнѣйшій представитель въ Варшавѣ. Реакція началась; но таково еще было такъ сказать загробное вліяніе этихъ двухъ людей, что начатое или продолжалось какъ бы по инерціи, не смотря на то, что въ первую минуту послѣ удара статсъ-секретаріатъ польскій былъ ввѣренъ ретрограду гр. Шувалову, а потомъ окончательно отданъ безцвѣтному Набокову. Соловьевъ, Трубниковъ и другіе второстепенные сотрудники Милютина продолжали его дѣло, пока наконецъ правительство не перестало совсѣмъ заниматься Польшей.

„Вѣсть о кончинѣ Н. А. Милютина, писалъ 29 января 1872 г. въ Голосѣ одинъ изъ бывшихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ, безъ сомнѣнія, произвела глубокое впечатлѣніе въ цѣлой Россіи. Такой свѣтлый умъ, такая честность и прямота характера, такое широкое пониманіе современныхъ историческихъ вопросовъ, соединенное съ искусствомъ приступать къ рѣшенію ихъ и проводить въ самую жизнь, наконецъ, такое умѣнье окружать себя сотрудниками глубоко преданными идеямъ своего вождья, составляютъ явленіе очень рѣдкое всюду, особенно утѣшительное у насъ...“ Строгій къ русскимъ сановникамъ, Герценъ справедливо называлъ

его нашимъ маркизомъ Позою; его можно бы назвать и нашимъ Гракхомъ.

Но отдавая эти хвалы Милютину мы не должны забывать, что все же на немъ лежала печать той среды, въ которой онъ вращался съ самаго выхода изъ московскаго университета. Среда эта была чиновничья, и, хорошо сознавая ея недостатки, ввѣряя напр. крестьянское дѣло въ Польшѣ не чиновникамъ, а честной, энергической молодежи изъ студентовъ, офицеровъ, независимыхъ помѣщиковъ и т. п., онъ не отстоялъ привислянскій край отъ наводненія и бюрократами самаго пошлаго закала. Правда, какъ мы замѣтили, мысль его была создать въ Польшѣ такую русскую власть, которая бы стояла близко къ народу и блюла его интересы; но ужь конечно не размноженіе полицейскихъ чиновниковъ и созданіе земской стражи, т. е. жандармовъ, могли отвѣчать этой мысли. У Милютина была передъ глазами дѣятельность коммиссаровъ, одинаково полезная и правительству, и народу; эти люди блюли интересы и польскихъ массъ, и Россіи; но между ними не было той чиновничьей дисциплины, которая такъ дорога всѣмъ поклонникамъ табели о рангахъ, особенно добравшимся до верхнихъ ея разрядовъ, и это было поставлено коммиссарамъ въ вину. Крестьянскія учрежденія были принесены въ жертву бюрокра-

тическому началу и, вмѣсто того, чтобы послужить зерномъ при созданіи новаго административнаго персонала въ Польшѣ, были мало по малу уменьшены въ составѣ и наконецъ просто присоединены къ губернскимъ правленіямъ, къ большому удовольствію шляхты и графа Берга, который считалъ коммиссаровъ опасными соціалистами... Впрочемъ это случилось уже черезъ годъ и болѣе послѣ удаленія со сцены Милютина и едва ли не противъ его желаній.

Въ концѣ 1864 г. былъ обнародованъ законъ о новыхъ судахъ въ имперіи, а въ слѣдующіе годы онъ началъ осуществляться на дѣлѣ. Превосходство этихъ судовъ надъ польскими органами юстиціи было такъ очевидно, что не слѣдовало задумываться надъ немедленнымъ введеніемъ ихъ въ Польшѣ. Этимъ введеніемъ новаго цивилизующаго начала въ страну классическаго безправія массъ и классическаго же кляузничества высшихъ классовъ *) общества, было бы сразу облегчено отправленіе одной изъ важнѣйшихъ функцій общественной жизни — правосудія. Но правительство долго колебалось и, когда наконецъ рѣшило примѣнить законы 20 ноября 1864 г. къ Польшѣ, то во многомъ урѣзало ихъ, ли-

*) Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей этого кляузничества былъ маркизъ Велюпольскій.

шивъ напр. пять милліоновъ поляковъ суда присяжныхъ, что конечно не свидѣтельствуетъ даже въ пользу политическаго такта правительства, такъ-какъ Польша видитъ теперь себя какимъ-то островомъ среди моря общеевропейской юстиціи, разстилающагося вокругъ ея нетолько съ сѣвера, запада, юга, но и съ востока. Будемъ надѣяться, что ошибка эта не останется безъ скораго исправленія, а также сохранимъ увѣренность, что гминные суды, введенные Милютинымъ, не изчезнутъ съ лица земли, какъ того хочется помѣщикамъ и подъячимъ, дѣятельно заботящимся объ ихъ „преобразованіи“, т. е. уничтоженіи.

Перемѣны въ области правосудія.

> Хотите ли уменьшить преступленія? Сдѣлайте такъ, чтобы таковы были просты и ясны и чтобы люди боялись только ихъ и никого кромѣ ихъ не боялись.
>
> Беккарія.

Освобожденіе крѣпостныхъ не безъ основанія считается самою громкою изъ реформъ нашего времени. Оно было ведено при страстномъ участіи почти половины населенія имперіи и очень существенно измѣнило экономическія и соціальныя основы быта этой половины населенія. Но для другой половины оно не представляло непосредственнаго, личнаго интереса, и въ этомъ отношеніи гораздо многообъемлемѣе его реформа судебная. Распространяясь на всю имперію, это послѣдніе преобразованіе измѣнило условія юридической жизни почти всѣхъ 80.000.000 человѣкъ, входящихъ въ составъ русской націи, и потому заслуживаетъ особаго вниманія.

Какъ ни страннымъ можетъ показаться послѣ того, что нами было сказано въ первой главѣ этого сочиненія, о состояніи русскаго правосудія при Николаѣ; но мы должны признать, что основная мысль о преобразованіи русскихъ судовъ относится къ 1849 г. и даже къ 1843 году. Именно, уже въ этомъ послѣднемъ году II отдѣленіе с. е. в. канцеляріи начало собираніе матеріаловъ для составленія проэктовъ новаго судоустройства. Разумѣется, это дѣлалось канцелярскимъ порядкомъ, да еще черезъ нерасположеннаго къ перемѣнамъ министра юстиціи Панина; но тѣмъ неменѣе въ 1848 г. былъ вчернѣ составленъ „проэктъ устава уголовнаго судопроизводства“, и Николай приказалъ составить такой же относительно судопроизводства гражданскаго. Вслѣдствіе послѣдняго повелѣнія у графа Блудова снова возникла съ министерствомъ юстиціи многолѣтняя переписка, и на этотъ разъ уже „о необходимости преобразованія у насъ всей судебной части согласно съ условіями развитія нашего отечества.“

Въ слѣдующемъ 1849 г. II отдѣленіе, приступая къ составленію проэкта устава гражданскаго судопроизводства, поставило императору вопросъ: „слѣдуетъ ли составить вполнѣ новый уставъ, или же ограничиться исправленіемъ существующаго“—и получило въ отвѣтъ: составить новый. Усердствуя исполнить

монаршую волю, Блудовъ, послѣ того, въ теченіе 8 лѣтъ, представилъ государственному совѣту неменѣе *четырнадцати* проэктовъ, обнявшихъ все судоустройство и судопроизводство; но, благодаря противодѣйствію Панина и косности членовъ совѣта, ничего сдѣлать не могъ. *)

Въ 1859 году наконецъ государственный совѣтъ одобрилъ проэктъ устава гражданскаго судопроизводства, внесенный за два года предъ тѣмъ; но и тутъ было постановлено: разослать одобренный проэктъ юристамъ для полученія отъ нихъ замѣчаній, — обстоятельство, ясно доказывающее, что совѣтъ или хотѣлъ затянуть дѣло, или считалъ себя некомпетентнымъ, хотя и привыкъ рѣшать важнѣйшія государственныя дѣла. Полученныя замѣчанія были собраны въ своды, напечатаны и розданы опять членамъ для обсужденія. То же ожидало и всѣ прочіе блудовскіе проэкты, такъ что, очевидно, это была бы исторія безконечная.

Наконецъ въ 1861 г., когда высшія правительственныя сферы перестали волноваться изъ-за крестьянскаго дѣла, императоръ Алек-

*) Несогласія Блудова и Панина состояли напр. въ томъ, что первый хотѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ увеличить число членовъ *суда*, а второй число *канцелярскихъ служителей*, находя, что медленность нашего судопроизводства зависѣла отъ малочисленности этого крапивнаго сѣмени.

сандръ потребовалъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ состояніи находятся законодательныя работы по судебной части?—и, ознакомясь съ дѣломъ, приказалъ: немедленно обсудить и установить главныя основанія новаго судоустройства судопроизводства. Дѣло это, во избѣжаніе медленности, которую уже обнаружили II отдѣленіе и министерство юстиціи, было поручено государственной канцеляріи или, точнѣе, прикомандированнымъ къ ней юристамъ Буцковскому, Вилинбахову, Даневскому, С. Зарудному, Побѣдоносцеву, Ровинскому, Стояновскому и Шубину.

Составленныя этими законовѣдами „основныя положенія“ были въ теченіе лѣта 1862 г. разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ, котораго журналы поэтому вопросу напечатаны, въ противоположность тому, что было по крестьянской реформѣ. Не имѣя возможности ознакомлять здѣсь подробно съ содержаніемъ этихъ журналовъ, замѣтимъ, что чтеніе ихъ особенно любопытно потому, что обнаруживаетъ, какіе пункты нововведеній особенно не нравились нашимъ консервативнымъ столбамъ, въ родѣ Панина, которому суждено было портить судебное преобразованіе такъ же, какъ онъ портилъ труды редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу. До чего консерваторы были упорны, видно напр. изъ того, что Панинъ, не имѣя возможности про-

тивостоять принципу гласности судовъ вообще, требовалъ, чтобы по крайней мѣрѣ сенатъ засѣдалъ тайно. Иначе, по его мнѣнію, сенаторское достоинство было бы уронено... Впрочемъ, по этому вопросу онъ остался въ ретроградномъ меньшинствѣ *одинъ;* но были случаи, что не менѣе странныя мнѣнія защищались довольно большимъ числомъ голосовъ.

29 сентября 1862 г. „Основныя Положенія“ судебной реформы были одобрены императоромъ, напечатаны и обнародованы, при чемъ публикѣ предоставлено ихъ анализировать. Вслѣдствіе послѣдней мѣры появилась масса замѣчаній, которыя были напечатаны и составили шесть томовъ. Замѣчанія получались изъ самыхъ разнородныхъ сферъ общества: отъ министровъ, помѣщиковъ, аудиторовъ, финансистовъ, даже отъ иностранцевъ, напр. отъ сардинскаго министра юстиціи де-Фареста. Всѣ онѣ послужили не безъ пользы при дальнѣйшей разработкѣ проэктовъ новаго судопроизводства и судоустройства, которая дѣятельно продолжалась въ 1862—64 годахъ.

Пріемъ, сдѣланный „Основнымъ Положеніямъ“ массою публики, былъ вообще очень благопріятенъ для нихъ, хотя все, что было въ Россіи либеральнаго, сожалѣло напр. о томъ, что чиновниковъ нельзя будетъ привлекать къ суду иначе, какъ по распоряже-

нію ихъ начальства. Читая эти Основныя Положенія, русское общество едва ли не впервые всею своею массою начало интересоваться устройствомъ судовъ и порядкомъ производства въ нихъ дѣлъ. До тѣхъ поръ всѣ гадости прежнихъ судовъ объяснялись обыкновенно неудачнымъ выборомъ судей и скуднымъ ихъ содержаніемъ, вызывавшимъ на взятки. Теперь поняли, что и лучшіе судьи, честные и богатые, не могли приносить пользы при прежнихъ законахъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Въ городѣ Ставрополѣ-кавказскомъ, одномъ изъ самыхъ глухихъ въ Россіи, Основныя Положенія произвели то, что на каждомъ засѣданіи происходившаго тамъ полеваго военнаго суда надъ капитаномъ Бахомъ, присутствовали толпы, которымъ казалось, что этотъ процессъ—образчикъ новыхъ порядковъ. Особенно нравилось массамъ, что на судѣ все дѣлается гласно и что тамъ есть кому защищать и законъ, и обвиняемаго. Тогда же общество начало понимать, какъ трудны обязанности судей, особенно предсѣдателя, при открытомъ дѣлопроизводствѣ, и тогда же оно стало намѣчать людей, которымъ можно было бы ввѣрять судейскія обязанности при предстоявшемъ обнародованіи окончательнаго закона.

Разработка этого закона была возложена на коммиссію, организованную при государ-

ственной канцеляріи. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, полнаго списка членовъ этой коммиссіи; но вотъ имена тѣхъ, которые намъ извѣстны: Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вельбрехтъ, Вилинбаховъ, Вицынъ, кн. Волконскій, бар. Врангель, Гедда, Гуринъ, Даневскій, Дервизъ, Есиповичъ, Желтухинъ, двое Зарудныхъ, Зубовъ, Іонинъ, Калачовъ, Капнистъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, гр. Комаровскій, Крейтеръ, Любимовъ, Любощинскій, Матюгинъ, Мотовиловъ, Остряковъ, Пановъ, Перетцъ, Плавскій, Побѣдоносцевъ, Поповъ, Принтцъ, Ровинскій, Рѣпинскій, Самарскій-Быховецъ, Тизенгаузенъ, Тюринъ, Утинъ, Фришъ, Шечковъ, Шубинъ, Шульцъ и Эссенъ. Коммиссія не вела журналовъ своихъ работъ, но члены ея разбирали общій трудъ по частямъ и, по изготовленіи ихъ, доставляли въ коммиссію, которая нерѣдко имѣла по два засѣданія въ день. Тутъ дѣлались словесныя замѣчанія, вносились поправки и устанавливалась окончательная редакція статей проэкта. При этомъ одни изъ членовъ писали пояснительныя записки, другіе собирали статистическіе, историческіе и сравнительно-законодательные матеріалы, и дѣло шло быстро. Въ послѣдствіи по собраннымъ такимъ образомъ матеріаламъ государственная канцелярія издала сводъ судебныхъ уставовъ съ любопытными къ нему коментаріями.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ Бутковъ... Съ именемъ этого человѣка у каждаго изъ его современниковъ связано представленіе о чиновникѣ-ловеласѣ низшаго разряда, и въ самомъ дѣлѣ онъ извѣстенъ многочисленными связями въ женскомъ полусвѣтѣ. Но это не все; самую служебную карьеру его можно назвать случайною, потому что она началась съ того, что бывшій военный министръ, Чернышовъ однажды посадилъ на гауптвахту молодаго столоначальника инспекторскаго департамента, Буткова, за ошибку въ строевомъ рапортѣ, продержалъ его подъ арестомъ слишкомъ долго и потомъ, въ извиненіе, перевелъ его въ свою канцелярію, гдѣ и убѣдился, что онъ — чиновникъ способный. Солиднаго юридическаго образованія Бутковъ не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе члены коммиссіи по составленію новыхъ судебныхъ уставовъ вспоминаютъ о немъ съ удовольствіемъ, какъ о предсѣдателѣ дѣятельномъ и искусномъ, не педантѣ, но человѣкѣ трудолюбивомъ и способномъ. Этою же репутаціею пользовался онъ и въ государственномъ совѣтѣ, какъ главный его докладчикъ. Старцы, члены совѣта, особенно любили его за то, что онъ не задерживалъ ихъ въ засѣданіяхъ по-долгу: все у него впередъ было готово; оставалось выслушать журналъ-докладъ, проголосовать рѣшеніе, иногда тоже обязательно подготовленное, и, подписавъ

поставленіе, разъѣзжаться по домамъ. Въ чиновничьей сферѣ, слѣдовательно, онъ былъ золотой человѣкъ.

Коммиссія, предсѣдательствуемая Бутковымъ, вела дѣло составленія новыхъ уставовъ усердно и тѣмъ легче, что въ это время гр. Паninъ пересталъ наконецъ править министерствомъ юстиціи и слѣд. не могъ тормозить ея занятій ни подъ какимъ видомъ. Что члены коммиссіи были, по большей части люди свободномыслящіе, это доказывается, между прочимъ, взглядами ихъ на значеніе суда присяжныхъ и на судебные процессы по преступленіямъ государственнымъ. „Мнѣніе нѣкоторыхъ юристовъ-теоретиковъ, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ, много препятствовало введенію въ разныхъ государствахъ этого учрежденія. Но, замѣчала коммиссія, не говоря уже о томъ, что неосновательность этого мнѣнія доказана практически, нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть политическаго характера. Лучше сдѣлать нѣкоторыя исключенія изъ общаго порядка, чѣмъ совершенно лишить народъ самаго естественнаго и правдиваго суда. Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи необходимѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было.....“ „Всякій судъ долженъ представлять надлежащія га-

рантіи какъ въ строгомъ преслѣдованіи преступленій, такъ и въ предоставленіи обвиняемымъ всѣхъ способовъ къ оправданію. Но необходимость такихъ гарантій всего ощутительнѣе по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ...“ Приводимъ эти выдержки изъ оффиціальныхъ взглядовъ на юстицію господствовавшихъ въ 1862—64 годахъ для сравненія ихъ съ тѣми, которые начали преобладать въ послѣднее время и по которымъ для преступленій государственныхъ не осталось другаго суда, какъ военный, и почти никакой другой кары, какъ смертная казнь, торжественно уничтоженная въ Россіи 138 лѣтъ назадъ.

Очень важно было для успѣха работъ коммиссіи, что она не была стѣснена обязанностью въ чемъ либо примѣняться къ существовавшимъ дотолѣ судебнымъ порядкамъ. Такимъ образомъ она могла смѣло установить одни общіе порядки судопроизводства для всей Россіи, тогда какъ прежде ихъ существовало *двадцать одинъ:* общій, четыре частныхъ и шестнадцать особенныхъ! Она сократила число судебныхъ инстанцій до двухъ; она дала возможность для дѣлъ мелкихъ имѣть юстицію исключительно словесную, въ камерахъ мировыхъ судовъ и ихъ съѣздовъ; она изъ прокурора сдѣлала не блюстителя правосудія, а обвинителя, всегда имѣющаго противу себя

защитника, и пр. и пр., какъ увидимъ нѣсколько далѣе. Но замѣтимъ, что въ бутковской коммиссіи не прошло слѣдующее положеніе, принятое уже соединенными департаментами „законовъ“ и „дѣлъ гражданскихъ“ государственнаго совѣта: „Каждый окружной судъ долженъ состоять изъ предсѣдателя, товарища и нѣсколькихъ засѣдателей отъ каждаго сословія: дворянскаго, городскаго и сельскаго, и членовъ-слѣдователей. Предсѣдатели окружныхъ судовъ *избираются* всѣми сословіями округа; засѣдатели назначаются *по выбору* отъ каждаго сословія, и только товарищъ предсѣдателя и члены слѣдователи опредѣляются правительствомъ...“ Члены окружныхъ судовъ нынѣ всѣ назначаются отъ правительства, безсмѣнны, т. е. не отвѣтственны за свои дѣйствія передъ обществомъ, и вполнѣ зависимы отъ министерства, которое ихъ награждаетъ и подвигаетъ по службѣ. Такимъ образомъ § 1 „Общихъ основаній“ 1862 г., гласившій, что „судебная власть отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной“ сдѣланъ былъ мертвою буквою.

Новые судебные уставы были утверждены государемъ 20 ноября и обнародованы 1 декабря 1864 г. Ихъ появленіе было привѣтствовано если не такъ шумно, то съ гораздо большимъ единодушіемъ, чѣмъ крестьянское Положеніе 1861 г., всѣмъ русскимъ обще-

ствомъ. Когда же началось примѣненіе ихъ къ дѣлу открытіемъ мировыхъ судовъ, гдѣ все дѣлалось гласно, скоро и нелицепріятно, то хорошее расположеніе публики перешло въ восторгъ. Одинъ купецъ-фабрикантъ закрылъ на день свою фабрику въ будни, чтобы дать своимъ рабочимъ посмотрѣть, какъ въ новыхъ судахъ судятъ „по божески“. Открытіе общихъ судовъ по необходимости совершилось позднѣе, потому что нужно было найдти и приспособить годныя для нихъ сданія, сформировать личный составъ изъ юристовъ добросовѣстныхъ, свѣдущихъ и вполнѣ ознакомленныхъ съ духомъ новаго законодательства, и принять множество другихъ мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія успѣшнаго хода новыхъ учрежденій. Въ Петербургѣ открытіе судовъ происходило: кассаціоннаго сената 16 апрѣля, а судебной палаты и окружнаго суда 17 апрѣля 1866 года. При этомъ министръ юстиціи, Замятнинъ, сказалъ рѣчь, гдѣ, конечно слишкомъ самонадѣянно, объявилъ новыя судебныя учрежденія „послѣднимъ выводомъ науки.“ Въ Москвѣ сходственная церемонія происходила черезъ недѣлю; но въ другихъ судебныхъ округахъ дѣло замедлилось на нѣсколько мѣсяцевъ, мѣстами даже на многіе годы. Причинъ тому было нѣсколько: во 1-хъ не было денегъ, которыхъ на содержаніе новыхъ судовъ нужно было гораздо больше,

чѣмъ на старые; во 2-хъ не было достаточнаго числа подготовленныхъ юристовъ для занятія мѣстъ судей, прокуроровъ и пр.; вливать же въ новые мѣха старое подъяческое вино правительству справедливо не хотѣлось. Въ 3-хъ, нѣсколько позднѣе къ этимъ двумъ поводамъ присоединился третій: нерасположеніе къ новымъ судамъ преемника Замятнина, гр. Палена, одного изъ представителей реакціи, начавшейся именно съ 1866 г. Этотъ послѣдній поводъ былъ, конечно, самымъ существеннымъ въ дѣлѣ медленнаго хода измѣненія русскаго правосудія за послѣдніе десять лѣтъ, и вотъ почему мы видимъ, что и доселѣ вся Сибирь, литовскія и остъзейскія губерніи не имѣютъ новыхъ судовъ, а Польша и Кавказъ получили ихъ въ измѣненномъ видѣ.*) Императоръ Александръ хорошо видѣлъ нерасположеніе своего министра къ уставамъ 1864 г.; онъ самъ ему говорилъ: „я знаю, что ты не за нихъ, но надѣюсь, и не противъ ихъ,“—однако ничего рѣшительнаго не предпринималъ, и потому открытіе новыхъ судебныхъ установленій произошло:

*) Впрочемъ относительно Кавказа слѣдуетъ замѣтить, что уничтоженіе тамъ института присяжныхъ обусловлено внѣшнею необходимостью, именно крайнею разноплеменностью населенія, благодаря которой иногда нѣтъ возможности выбирать присяжныхъ, которые бы понимали языкъ судей и подсудимыхъ.

Въ суд. окр.	Харькова. . . .	въ	1867 г.
„ „	Тифлиса	„	1868 „
„ „	Одессы	„	1869 „
„ „	Казани	„	1870 „
„ „	Саратова. . . .	„	1871 „
„ „	Варшавы. . . .	„	1876 „
Для зап. рус. губ.	объявлено .	„	1877 „

Впрочемъ, нѣкоторыя особенности новыхъ законовъ, напр. гласность судопроизводства, были приложены и къ старымъ судамъ съ самого почти 1864 года. Прежнія гражданскія и уголовныя палаты, гдѣ онѣ еще остаются, слиты въ общія судебныя палаты. Дѣла, имѣвшіяся въ старыхъ судахъ, передавались въ новые по мѣрѣ открытія послѣднихъ, послѣ чего старые закрывались. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ литовскихъ, югозападныхъ и заволжскихъ губерній оренбургскаго вѣдомства, не дожидаясь открытія новыхъ общихъ судовъ, правительство открыло суды мировые, при чемъ въ западныхъ провинціяхъ, къ сожалѣнію, былъ нарушенъ принципъ выборности судей и послѣдніе были назначены отъ короны, вслѣдствіе чего явились дюжинными чиновниками стараго закала.

Ознакомясь такимъ образомъ съ внѣшнею исторіею судебной реформы, перейдемъ теперь къ краткому изложенію самой сущности законодательства о новыхъ судахъ. Уставы 20 ноября 1864 г. распадаются на четыре части:

о судоустройствѣ, о судопроизводствѣ уголовномъ, о судопроизводствѣ гражданскомъ и о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Судебная власть, вмѣсто прежнихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ учрежденій, предоставлена лишь: мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ *(мировые суды)*, окружнымъ судамъ и палатамъ *(общіе суды)* и сенату *(кассаціонный судъ)*. Для производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ, которое прежде совершалось полиціею, введены *судебные слѣдователи*, *) которые считаются членами окружныхъ судовъ. Для опредѣленія, въ уголовныхъ же дѣлахъ, вины или невинности подсудимыхъ къ составу суда въ извѣстныхъ случаяхъ присоединяются *присяжные предсѣдатели*. При судебныхъ мѣстахъ находятся: 1, *прокуроры* и товарищи, коихъ занятія ограничиваются исключительно дѣлами судебнаго вѣдомства, тогда какъ прежде прокуроръ обязанъ былъ „читать“ постановленія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ чисто полицейскаго характера; 2, *судебные пристава* для исполненія распоряженій суда, которое прежде лежало большею частію на полиціи; 3, *присяжные повѣренные* (адвокаты), которые состоятъ подъ надзоромъ совѣтовъ изъ нихъ самихъ состав-

*) Судебные слѣдователи, какъ необходимые подготовители къ реформѣ, учреждены и начали дѣйствовать нѣсколько ранѣе 1864 г.

ляемыхъ; 4, *кандидаты* на должности по судебному вѣдомству; 5, *нотаріусы* и 6, разумѣется, *канцеляріи*. — Мировые судьи избираются на должности земскими учрежденіями и обязаны разбирать дѣла меньшей важности. Въ каждомъ мировомъ судебномъ округѣ (обыкновенно равномъ уѣзду или большому городу) избирается нѣсколько судей, изъ которыхъ одни участковые, а другіе только почетные, при чемъ права ихъ совершенно равны, но почетный разбираетъ дѣла лишь тогда, когда къ нему обратятся обѣ стороны. Всѣ мировые судьи каждаго округа составляютъ съѣздъ для окончательнаго, т. е. 2-й инстанціи, рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству. Предсѣдателя всего съѣзда эти судьи выбираютъ сами изъ среды своей.

Окружные суды замѣняютъ собою прежнія палаты уголовныя и гражданскія, суды уѣздные, совѣстные, сиротскіе, магистраты и пр. Каждый такой судъ (одинъ или два на губернію) состоитъ изъ коронныхъ судей; но въ случаѣ недостатка членовъ для составленія присутствія, которое должно состоять неменѣе какъ изъ трехъ лицъ, въ немъ могутъ засѣдать судьи мировые или судебные слѣдователи, впрочемъ, послѣдніе лишь не по тѣмъ дѣламъ, которые сами разслѣдовали. Присяжные засѣдатели для присутствованія въ окружныхъ судахъ назначаются изъ мѣстныхъ жи-

телей всѣхъ сословій, по особо составленнымъ и предварительно разсмотрѣннымъ спискамъ. Къ нимъ могутъ принадлежать: почетные мировые судьи, дворяне потомственные и личные, неслужащіе и даже служащіе, если служба позволяетъ отлучки, почетные граждане, купцы, художники, ремесленники и пр., крестьяне, избранные въ очередные судьи волостныхъ судовъ, и т. д.

Судебная палата, изъ коронныхъ судей, составляетъ вторую и окончательную инстанцію для дѣлъ, разбираемыхъ въ окружныхъ судахъ; но она не имѣетъ никакого отношенія къ судамъ мировымъ. Ея рѣшенія, наравнѣ съ рѣшеніями мировыхъ съѣздовъ, могутъ быть обжалуемы передъ сенатомъ только въ кассаціонномъ порядкѣ. Кассаціонный сенатъ, изъ двухъ департаментовъ, уголовнаго и гражданскаго, можетъ только отмѣнять рѣшенія палатъ и съѣздовъ за несоблюденіе въ нихъ законныхъ формъ; но онъ самъ не постановляетъ никакихъ рѣшеній. За то ему дано право толковать законы, относительно приложенія которыхъ возникли бы сомнѣнія въ судахъ.

Засѣданія судебныхъ мѣстъ раздѣляются на распорядительныя и судебныя. Первыя назначаются для предварительнаго обсужденія наказовъ, отчетовъ и дѣлъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ лицъ судебнаго вѣдомства;

онѣ— закрытыя. Судебныя же засѣданія, гдѣ разсматриваются дѣла уголовныя и гражданскія, публичны. Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся публично, можетъ быть напечатано, какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами, и обсуждаемо послѣдними въ *юридическихъ* журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія. Наши газеты, какъ извѣстно, черпаютъ теперь значительную часть своего содержанія изъ судебныхъ преній.

Предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Они не могутъ также быть удалены отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, или отрѣшаемы отъ должности иначе какъ по суду. Но мировые судьи суть лица подлежащія балотировкѣ каждые три года.

Въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ состоятъ нотаріусы, которые завѣдуютъ, подъ наблюденіемъ судебныхъ мѣстъ, совершеніемъ актовъ объ уступкѣ и пріобрѣтеніи имуществъ и о разныхъ обязательствахъ.

Эти небольшія указанія на сущность устройства новыхъ судовъ показываютъ, что при организаціи ихъ имѣлись въ виду примѣры Англіи и Франціи, преимущественно послѣдней. Но мировые судьи во Франціи назнача-

ются министромъ, а у насъ они выборные: значительное преимущество, которое оцѣнено и самими французами, напр. Леруа-Больё, въ его сочиненіи о Россіи.

Что касается до уголовнаго судопроизводства, то, по § 1 устава о немъ, никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію, а слѣдовательно и наказанію, за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ законномъ порядкѣ. Это законное преслѣдованіе возбуждается либо должностными лицами, либо частными. Никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ. Каждый судья и прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка, удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ предварительнаго постановленія уполномоченныхъ на то лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы.—Это составляетъ нѣчто въ родѣ англійскаго *habeas corpus*, къ сожалѣнію, какъ увидимъ въ очеркѣ реакціи, далеко несоблюдаемаго.

Полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ; это дознаніе передается ею судебному слѣдователю.

Власть обвинительная отдѣлена отъ судебной и принадлежитъ прокурорамъ, а власть

судебная поставлена внѣ зависимости отъ административной. Приговоръ ея постановляется не иначе, какъ по повѣркѣ и дополненіи, въ засѣданіи суда, доказательствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Засѣданія суда, кромѣ случаевъ, именно указанныхъ въ законѣ, происходятъ публично.

Основною формою уголовнаго судопроизводства является процессъ *обвинительный*, а не слѣдственный какъ въ старыхъ судахъ, и теорія доказательствъ (уликъ), основанная единственно на ихъ формальности, — эта язва прежней русской юстиціи, — отмѣняется. Виновность или невинность подсудимыхъ опредѣляется по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда, и по выслушаніи представителей обвиненія и защиты. Приговоръ можетъ быть только осуждающій или оправдывающій; существовавшее же прежде *оставленіе въ подозрѣніи*, котораго обыкновенно добывались и достигали упорнѣйшіе негодяи, не допускается. По дѣламъ о преступленіяхъ, за которыя обвиняемый можетъ подлежать лишенію правъ состоянія, засѣданіе суда непремѣнно совершается съ участіемъ присяжныхъ.

Противъ всѣхъ приговоровъ 1-й инстанціи, постановленныхъ безъ участія присяжныхъ, допускается аппеляція; но на приговоръ при-

сяжныхъ можно приносить только кассаціонную жалобу сенату.

Основною формою гражданскаго судопроизводства принимается процессъ *состязательный*, при чемъ судопроизводство должно быть гласное. Прежде на этотъ счетъ были разные порядки: вотчинный и разные виды исковаго. Полиція не занимается болѣе даже такъ называемыми безспорными судебными дѣлами, какъ напр. взысканія денегъ по безспорнымъ документамъ, которыя ей приносили такіе славные барыши: она передаетъ ихъ суду.

Какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ процессахъ допускается участіе адвокатовъ. Уголовному подсудимому защитникъ можетъ быть даже назначенъ судомъ, изъ числа состоящихъ при немъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Исполненіе судебныхъ рѣшеній поручается особымъ судебнымъ приставамъ, которые снабжаются исполнительными листами. Эти листы суть акты безспорные, подлежащіе исполненію со стороны всѣхъ мѣстъ и лицъ, до коихъ то можетъ относиться.

Сравнивая эти главныя основанія судебныхъ уставовъ 1864 года съ европейскими законодательствами, мы можемъ сказать, что органы и порядки правосудія, возникшіе въ въ Россіи на основаніи этихъ уставовъ, были не только не хуже многихъ западо-европей-

скихъ, но иногда и лучше. Если бы правительство продолжало совершенствовать ихъ въ либеральномъ смыслѣ, напр. отказалось бы видѣть въ судьяхъ чиновниковъ, подлежащихъ наградамъ чинами и орденами, или уничтожило зависимость судебныхъ слѣдователей отъ прокуроровъ, — то безъ сомнѣнія мы имѣли бы теперь юстицію изъ самыхъ лучшихъ во всемъ мірѣ. Это былъ бы драгоцѣннѣйшій перлъ въ реформаторскомъ вѣнцѣ императора Александра II. — Къ сожалѣнію, говоря о реакціи, мы увидимъ, какъ быстро правительство сошло съ либеральной дороги на ретроградную, и сколько горечи прибавило черезъ это въ отношенія къ себѣ всего того, что въ Россіи нетолько чувствуетъ, но и мыслитъ.

За то общество сдѣлало, можно сказать, все, чтобы выказать уваженіе и сочувствіе къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ. Лучшіе, избраннѣйшіе члены его искали чести сдѣлаться членами этихъ учрежденій и высоко поставили ввѣренное имъ знамя правосудія, которое такъ долго оставалось въ Россіи грязною, изорванною тряпкою. И не только мировые судьи, которые подвергаются избранію и подлежатъ смѣнѣ каждые три года, если оказываются не на высотѣ своего признанія; но и безсмѣнные коронные юристы-чиновники явили много примѣровъ безупречной честности

и даже истинно гражданскихъ доблестей. Такъ предсѣдатель петербургской палаты, Любимовъ, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и гуманностью руководившій судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу нечаевцевъ, заслужилъ общее уваженіе, когда, по окончаніи процесса, привѣтствовалъ какъ „снова полноправныхъ членовъ общества,“ тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые были оправданы, хотя и зналъ, что эти оправданіе и привѣтствіе не понравятся въ высшихъ административныхъ сферахъ. Такъ петербургскій военно-окружной судъ не затруднился просить у высшей власти помилованія Квитницкому, офицеру, который, защищая свою честь, совершилъ несомнѣнное преступленіе: между тѣмъ судьи знали, что подобное ходатайство будетъ не по душѣ мстительному военному министру, котораго сынъ былъ въ числѣ противниковъ Квитницкаго и на судоговореніи осрамился. Передъ лицомъ новыхъ судовъ не было пощады преступникамъ знатнымъ, богатымъ и даже сильнымъ; они иногда карали и административныхъ тузовъ, напр. петербургскаго градоначальника Трепова, когда тотъ однажды побилъ извощика, а въ другой разъ нанесъ убытокъ трактирщику въ Екатерингофѣ несвоевременнымъ закрытіемъ его заведенія. Въ Кронштадтѣ одинъ протопопъ, позволившій себѣ дерзкое обращеніе съ школьною учительницею, былъ приговоренъ миро-

вымъ судьею къ тюрьмѣ. Но замѣтимъ, что этотъ духъ самостоятельности новой юстиціи съ самаго почти начала не понравился правительству, какъ то и естественно въ абсолютной монархіи. Министру Замятнину было поставлено на видъ, что судьи простираютъ свою независимость слишкомъ далеко... и онъ, обязанный своимъ возвышеніемъ „случаю“, который довольно скоро прошелъ, не имѣлъ силы отстаивать своихъ подчиненныхъ, а свалилъ вину „неудовлетворительности“ ихъ выбора на своего товарища, Стояновскаго! Съ водвореніемъ же на министерскомъ постѣ ретрограда, гр. Палена, коронные суды стали видимо опускаться, въ составѣ ихъ пріобрѣли преобладающее люди покладистые, les opportunistes, какъ говорятъ французы, въ родѣ напр. Кони... Но объ этомъ положеніи уровня юстиціи мы подробнѣе упомянемъ въ очеркахъ реакціи.

Здѣсь же остановимся на другомъ важномъ нововведеніи въ области правосудія, бывшемъ послѣдствіемъ крестьянской реформы 1861 г., — на волостныхъ судахъ. Суды эти были созданы для однихъ крестьянъ, и устройство ихъ, а также сфера дѣятельности, опредѣлены слѣдующими словами закона:

Для составленія волостнаго суда избирается ежегодно волостнымъ сходомъ отъ 5 до 12 очередныхъ судей. Присутствіе суда должно

состоять не менѣе какъ изъ трехъ судей. Судьи могутъ быть избраны или для безсмѣннаго, въ теченіе цѣлаго года, отправленія своей должности, или для отправленія ея по очереди, заранѣе опредѣленной сходомъ. Волостной судъ вѣдаетъ какъ споры и тяжбы между крестьянами, такъ и дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ. Онъ рѣшаетъ окончательно: всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами цѣною до ста руб., какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, продажамъ, покупкамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ крестьянскому имуществу причиненные. Онъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію крестьянъ своей волости за маловажные проступки, когда они совершены въ предѣлахъ волости и противъ крестьянъ же,—разумѣется, если эти проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, подвѣдомственными общимъ судамъ. Волостной судъ властенъ по таковымъ проступкамъ приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ до шести дней, или къ денежному взысканію до трехъ рублей, или къ аресту до семи дней, или, наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ, къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый

проступокъ предоставляется усмотрѣнію суда (т. е. не регулируется закономъ). Волостной судъ не въ правѣ приговаривать къ розгамъ: крестьянъ 60-лѣтняго возраста, должностныхъ лицъ, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ и равныхъ съ ними или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Волостной старшина и старосты не должны вмѣшиваться въ производство волостнаго суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ. Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.

Это важное для народныхъ массъ учрежденіе довольно прочно привилось въ крестьянскомъ быту; но должно замѣтить, что оно не вездѣ удовлетворительно дѣйствуетъ. Иногда судьи подпадаютъ вліянію волостнаго писаря, изъ грамотѣевъ-взяточниковъ, иногда они просто продаютъ свое рѣшеніе за водку. Кто больше поставилъ ея, тотъ и правъ. Но не должно преувеличивать значеніе этого недостатка крестьянской юстиціи: во 1-хъ онъ далеко не повсемѣстенъ, во 2-хъ крестьяне все же предпочитаютъ судиться у себя дома, чѣмъ ходить къ мировымъ судьямъ, а тѣмъ болѣе въ окружные суды. Это обнаружено и коммиссіею юристовъ, подъ начальствомъ сенатора Любощинскаго объѣзжавшею Россію именно съ цѣлью оцѣнить значеніе волостныхъ судовъ и придумать мѣры для усовершенство-

ванія ихъ. Затѣмъ, нельзя сомнѣватъся, что время и распространеніе между крестьянами образованія постепенно сотрутъ слабыя стороны крестьянскаго правосудія и оно, мало-помалу, станетъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ народнаго самоуправленія.

Въ заключеніе этого очерка перемѣнъ въ области юстиціи, происшедшихъ съ 1855 г. и имѣвшихъ прогрессивный характеръ, скажемъ нѣсколько словъ объ измѣненіи законовъ о наказаніяхъ.

Со времени татарскаго ига, опричнины и особенно съ петровскихъ нововведеній на нѣмецкій ладъ, у насъ мало-по-малу палочная система до того замѣнила древнія виры и пени, столь свойственныя народамъ отъ природы не жестокимъ,—что конечно нигдѣ въ Европѣ XIX столѣтія нельзя было найдти ничего подобнаго тѣмъ истязаніямъ, которымъ подвергались преступники у насъ. Николай отмѣнилъ употребленіе кнута; но плети, шпицрутены и особенно розги остались. Противу нихъ подалъ голосъ новому императору молодой генералъ-адъютантъ его, кн. Н. Орловъ, котораго записка послужила основою для закона 17 апрѣля 1863 года. Приведемъ часть ея, чтобы напомнить, какимъ честнымъ, гуманнымъ языкомъ можно было говорить въ то время людямъ, желавшимъ добра Россіи:

Тѣлесныя наказанія суть зло въ христіянскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насилія и истязанія. Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію божію. Нѣтъ христіянскаго равенства, нѣтъ братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ легкимъ арестомъ, а другой-розгами. Въ христіянскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій, и *правосудіе верховной власти должно быть* подобно правосудію божію, т. е. *равнымъ для всѣхъ.*

Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ. *У насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить:* это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности. Отсюда прежде всего рождаются скрытность и лицемѣріе. Поговорите съ незнакомымъ вамъ мужикомъ, съ мѣщаниномъ, съ солдатомъ, и увидите, какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинъ пристально смотритъ на васъ и, при малѣйшемъ несогласіи, безпокойно озирается, опасаясь побоевъ...

Для русскаго общества существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе болѣе, чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества, и *мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству.* Это страшная, но неминуемая крайность.

Доселѣ у многихъ помѣщиковъ тѣлесныя наказа-

нія вовсе не употреблялись. Теперь (1862), по общему положенію о крестьянахъ, постановлено, что освобожденные крестьяне подлежатъ тѣлесному наказанію „по законному распоряженію“ установленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей. *Это постановленіе узаконяетъ произволъ земской полиціи.* Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими *вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ.*

Изъ возникшей по поводу записки Орлова оффиціальной переписки видно, что ретрограды сильно противились уничтоженію палочной системы, особенно розогъ. Сухозанетъ горячо отстаивалъ послѣднія для солдатъ, а графъ Панинъ даже для женщинъ. Тѣмъ не менѣе 17 апрѣля 1863 года состоялся указъ сенату, которымъ отмѣнены плети, шпицрутены, кошки и клейменіе человѣческаго лица. Женщины совершенно освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Наказаніе розгами *по суду* для лицъ гражданскаго вѣдомства замѣнено заключеніемъ въ тюрьмѣ или кратковременнымъ арестомъ. Другія уголовныя наказанія также смягчены. Сроки работъ, установленныя въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, сокращены втрое. Даже крестьяне освобождены отъ розогъ, когда занимаютъ общественныя должности, хотя по Положенію 19 февраля 1861 года ихъ собственнымъ волостнымъ судамъ и предостав-

лено право тѣлесныхъ наказаній. Военное вѣдомство не отстало отъ гражданскаго: въ немъ розги оставлены только для солдатъ штрафованныхъ, а попасть въ этотъ разрядъ можно только по суду.

На сколько дѣйствительность соотвѣтствуетъ постановленіямъ 1863 года, мы уже имѣли случай упоминать и приводить примѣры въ другихъ главахъ этого сочиненія, а почему это такъ, — мы увидимъ въ главахъ о реакціи.

Земское и городское самоуправленіе.

Было время, далекое, но все же памятное, когда на Руси были „народоправства“, т. е. республики: на сѣверѣ Псковъ, Новгородъ, Вятка, на югѣ—Запорожская Сѣчь. Вѣчевой колоколъ или литавры звуками своими сзывали людей на площади, и самодержавный народъ постановлялъ тогда свои рѣшенія, какъ постановляютъ ихъ теперь свободные граждане швейцарскихъ кантоновъ или американскихъ штатовъ. Земское самоуправленіе, хотя и нѣсколько безпорядочное, являлось тутъ на высшей ступени развитія и даже иногда переходило въ политическую обособленность данной части русской земли. Малороссія со временъ Хмѣльницкаго до уничтоженія гетманства и земли козаковъ донскихъ и уральскихъ въ XVII-мъ вѣкѣ представляли другой типъ мѣстнаго самоуправленія, также хорошо еще памятный. Но мало-по-малу централизація, сначала московская, а потомъ петербургская,

стерла самые слѣды этого самоуправленія. Екатерина II попытала замѣнить его другимъ: она дала выборныя учрежденія городамъ и дворянству; но отвычка вести общественныя дѣла на свой страхъ стала такъ сильна въ русскомъ народѣ, что эти учрежденія являлись какою-то ненужною роскошью, и все въ Россіи дѣлалось по волѣ чиновничества, ставленнаго отъ императора. Къ началу XIX столѣтія изъ элементовъ земскаго самоуправленія фактически сохранился лишь одинъ, правда, самый важный, община; но и онъ былъ терпимъ лишь потому, что представлялъ выгоды для центральнаго правительства, не составляя ему никакой оппозиціи.

По мѣрѣ разширенія государства неудобства этой централизаціи становились все больше и больше. Ихъ живо чувствовали напр. люди двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, декабристы; но конечно не отъ Аракчеева и не отъ Николая можно было ждать, чтобы они вняли голосу умовъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ. Централизація при Николаѣ, напротивъ, достигла до высшей степени: незабвенный императоръ хотѣлъ, напр. чтобы всѣ дома въ городахъ строились не иначе, какъ по утвержденнымъ имъ фасадамъ, а ужь о проявленіи какихъ нибудь признаковъ общественной, муниципальной, земской самостоятельности нечего было и думать.

Невыгоды такого порядка вещей почувствовало само правительство, какъ скоро оно, пробужденное крымскимъ разгромомъ, увидѣло, что для него есть много труда внѣ мелочныхъ заботъ о домашнихъ дѣлахъ частныхъ людей и общинъ, городовъ и провинцій. Отсюда желаніе передать эти дѣла въ вѣдѣніе такихъ учрежденій, въ которыхъ бы участвовали сами непосредственно-заинтересованныя въ дѣлахъ лица или ихъ представители. Конечно, при этомъ невольно возникала мысль, что рано или поздно такіе органы самоуправленія потребуютъ серьезной самостоятельности, станутъ, пожалуй, противорѣчить видамъ центральнаго правительства. Но съ одной стороны противъ этого можно было принять мѣры какъ законодательныя, такъ и административныя, если верховная власть ничѣмъ не намѣрена была поступиться изъ своихъ абсолютныхъ правъ въ пользу націи, а съ другой у императора Александра II въ первые годы его царствованія было столько либерализма и гуманности, что, возникновеніе провинціальнаго самоуправленія могло ему даже нравиться именно какъ подготовительный шагъ къ высшимъ формамъ государственнаго устройства. Что же до петербургской бюрократіи, то она легко мирилась съ либеральными замыслами новаго императора, зная, что пока существуетъ абсолютная монархія, дѣйствитель-

ная власть изъ рукъ чиновниковъ не уйдетъ. Существованіе, въ теченіе семидесяти слишкомъ лѣтъ, екатерининскихъ законовъ о городскомъ самоуправленіи и о дворянскихъ выборахъ, законовъ, которые примѣнялись къ дѣлу, но нисколько не стѣсняли бюрократію,— служило залогомъ, что и впредь будетъ такъ. А если въ комъ нибудь изъ чиновниковъ и возникало сомнѣніе, то ему стоило обратиться на западъ. Французскіе департаментскіе совѣты являли живой, современный примѣръ такъ называемаго самоуправленія о-бокъ съ полнымъ абсолютизмомъ. И вотъ правительство императора Александра II, во многомъ вообще подражавшее Наполеону III, подарило Россію „Положеніемъ о Земскихъ Учрежденіяхъ“ 1 января 1864 года и „Городовымъ Положеніемъ“ 16 іюня 1870 года.

Говоря такимъ образомъ, мы нисколько не думаемъ уменьшать значительную важность этихъ Положеній для развитія государственной и общественной жизни Россіи. Напротивъ, ихъ слѣдуетъ считать въ числѣ очень дорогихъ пріобрѣтеній русскаго народа, сдѣланныхъ между крымскою войною и берлинскимъ миромъ. Поэтому то очерку ихъ мы и даемъ мѣсто въ обзорѣ прогресса, а не реакціи, хотя и имѣли уже случай познакомиться съ тѣмъ какъ правительство относилось напр. къ земскимъ учрежденіямъ. Болѣе или менѣе об-

стоятельное изложеніе двухъ названныхъ законовъ, съ краткимъ анализомъ ихъ, представляется необходимостью, чтобы читатель самъ могъ составить о нихъ окончательное понятіе.

Вотъ во 1-хъ сущность закона 1 января 1864 года, который не смотря на то, что принадлежитъ къ органическимъ, былъ обнародованъ не при манифестѣ, а при простомъ указѣ сенату.

Для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ нуждамъ и пользамъ каждой губерніи и уѣзда, образуются губернскія и уѣздныя земскія учрежденія. На эти учрежденія возлагается: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; устройство и содержаніе земскихъ зданій и путей сообщенія; обезпеченіе народнаго продовольствія; завѣдываніе земскими благотворительными учрежденіями; попеченіе о построеніи церквей; управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ; попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности; участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здоровьѣ и о тюрьмахъ; исполненіе извѣстныхъ потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности;

раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніи и уѣздамъ возлагается на земство особыми законами; раскладка, взиманіе и расходованіе собственно земскихъ сборовъ; представленіе правительству, черезъ губернское начальство, свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерній; производство выборовъ въ члены управъ и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій; дѣла, которыя будутъ ввѣрены земству на основаніи особыхъ уставовъ и положеній. Въ числѣ послѣднихъ самымъ важнымъ было, конечно, предоставленіе, уставомъ 20 ноября 1864 года, выбора мировыхъ судей уѣзднымъ земскимъ собраніямъ.

Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограниченъ предѣлами губерній или уѣздовъ, въ которыхъ каждое изъ нихъ находится. Такимъ образомъ хотя бы какое-нибудь обстоятельство требовало одновременнаго и сходнаго образа дѣйствій земствъ разныхъ губерній, они не могутъ совѣщаться ни письменно, ни тѣмъ болѣе словесно, на общемъ съѣздѣ, о единствѣ такихъ дѣйствій. Органа для выраженія *общихъ* земскихъ нуждъ не организовано и, напротивъ, законъ прямо дѣлаетъ невозможнымъ образованіе такого органа, т. е. хотя бы только совѣщательной общей земской думы.

Земскія учрежденія имѣютъ право, именемъ земства, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтать и отчуждать движимыя и недвижимыя имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинять иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства.

Земскія учрежденія въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ дѣйствуютъ *самостоятельно*; но начальникъ губерніи имѣетъ право остановить исполненіе всякаго ихъ постановленія, противнаго законамъ или общимъ, государственнымъ пользамъ. — Эта послѣдняя оговорка, да еще со ссылкою не на одни законы, а и на общія государственныя нужды, которыя каждый губернаторъ можетъ понимать по своему, а иногда и вовсе не понимать, одна достаточна, чтобы показать, какъ правительство не довѣряло народу, когда, по собственнымъ его словамъ, „признавало за благо призвать его къ участію въ дѣлахъ“. Мало того, губернаторамъ предоставлено принимать, за счетъ земства, мѣры къ исполненію такихъ повинностей, которыя оно само не приняло, но которыя для него сдѣланы обязательными извнѣ. Такимъ образомъ самостоятельность земскихъ учрежденій есть фикція и всякая борьба между земствомъ и администраціей очевидно должна въ большей части случаевъ кончаться побѣдою послѣдней; ибо хотя земству и предоставлено

на губернаторовъ и даже на министра внут. дѣлъ жаловаться сенату; но само собою разумѣется, что ему мало вѣроятности одолѣть министра (хотя, впрочемъ, бывали и такіе случаи).

Земскія учрежденія—собранія и управы—слагаются изъ гласныхъ, т. е. изъ выборныхъ представителей населенія и притомъ *всѣхъ* сословій: обстоятельство важное. Хотя они не имѣютъ никакого политическаго значенія, однако составляются далеко не на основаніи начала всеобщаго голосованія. Напротивъ, выборъ гласныхъ производится лишь по группамъ: помѣщиками, городскими обывателями и сельскими обществами, притомъ въ размѣрахъ вовсе несоотвѣтственныхъ людности послѣднихъ. Такимъ образомъ въ какомъ-нибудь звенигородскомъ уѣздѣ московской губерніи уѣздныхъ гласныхъ полагается отъ помѣщиковъ 13, отъ городовъ 2, а отъ крестьянъ всего 11, въ тамбовскомъ отъ городовъ 10, отъ помѣщиковъ 40, а отъ крестьянъ не болѣе 37-ми, такъ что ясно, что послѣдніе, т. е. люди бѣдные, никогда не могутъ отстоять своихъ интересовъ противу домогательствъ дворянъ и купцовъ, не смотря на то, что большею частію находятся въ необходимости къ тому.

Въ избирательныхъ съѣздахъ самихъ помѣщиковъ для участія въ выборахъ установленъ

ценсъ. Такъ одноличное право голоса имѣетъ лишь тотъ, кто владѣетъ въ уѣздѣ недвижимымъ имуществомъ не менѣе извѣстнаго размѣра или цѣнностью не менѣе 15.000 руб.; мелкіе же землевладѣльцы должны посылать уполномоченныхъ, по одному отъ нѣсколькихъ лицъ. Въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ лично могутъ участвовать только купцы, фабриканты и хозяева другихъ промышленныхъ заведеній, торговый оборотъ которыхъ не менѣе 6.000 руб., да владѣльцы недвижимости на городской землѣ цѣною не ниже извѣстной нормы; всѣ же прочіе горожане участвуютъ въ выборахъ гласныхъ лишь черезъ уполномоченныхъ. Что касается до селъ, то съѣзды ихъ для выбора земскихъ гласныхъ образуются изъ однихъ выборщиковъ, назначенныхъ волостными сходами, при чемъ число этихъ выборщиковъ полагается не свыше трети общаго числа лицъ, имѣющихъ по закону право участвовать въ волостномъ сходѣ..... Словомъ въ дѣлѣ выбора гласныхъ строго проведено аристократическое начало. И если за всѣмъ тѣмъ земскія собранія иногда принимали чисто демократическія рѣшенія, напр. необходимость введенія вмѣсто подушныхъ или подворныхъ податей имущественнаго налога; то виною этому конечно не законодатель, а духъ времени, очевидно съ нимъ несогласный.

Гласные избираются на три года, въ сроки

назначенные министомъ вн. дѣлъ по особому расписанію губерній, которое составлено такъ, чтобы выборы дѣлались неодновременно во всемъ государствѣ или большей его части. Гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвоено и содержанія не полагается: послѣднее опять для того, чтобы въ собраніяхъ участвовали только люди богатые или хоть зажиточные. Голосъ бѣднаго не долженъ быть слышенъ нигдѣ, хотя на немъ то лежитъ большею частію трудъ осуществленія постановленій богатыхъ.

Для законнаго состава засѣданій земскаго *собранія* требуется присутствіе не менѣе третьей части всего числа гласныхъ, собраніе составляющихъ, и во всякомъ случаѣ не менѣе десяти. При малочисленности гласныхъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (напр. въ верхнеуральскомъ ихъ всего десять) это нерѣдко составляетъ причину того, что собранія признаются несостоявшимися за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, что, разумѣется, очень невыгодно для хода дѣлъ. Въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства, въ губернскомъ — губернскій, если впрочемъ государь не пожелаетъ назначить въ послѣднее особаго предсѣдателя, что и бывало, когда губернскій предводитель принадлежалъ къ умственнымъ ничтожествамъ или же отличался свободомысліемъ.

Эти предсѣдатели имѣютъ столь значительную власть въ дѣлѣ направленія преній, что ихъ можно скорѣе назвать начальниками, чѣмъ первоприсутствующими. Кромѣ того въ губернскомъ земскомъ собраніи присутствуютъ на правахъ гласныхъ мѣстные управляющіе удѣлами и государственными имуществами.

Земскія *управы*, имѣющія цѣлью приводить въ исполненіе постановленія собраній, составляются изъ предсѣдателей и членовъ, числомъ отъ 3 до 6, назначаемыхъ по выборамъ на три года. Предсѣдатели уѣздныхъ управъ утверждаются губернаторомъ, а губернскихъ —министромъ внут. дѣлъ, такъ что въ сущности собранія земскихъ гласныхъ имѣютъ въ столь важномъ для нихъ дѣлѣ, какъ выборъ главнаго исполнителя ихъ распоряженій, лишь совѣщательный голосъ. Управамъ предоставляется, съ разрѣшенія собраній, приглашать какъ для постоянныхъ занятій по дѣламъ текущимъ, такъ и для исполненія временныхъ порученій посторонникъ лицъ за плату. Такимъ образомъ могутъ быть полезны земству тѣ его члены, которые не подходятъ подъ цензъ для гласныхъ или просто не выбраны въ послѣдніе.

Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются ежегодно по одному разу: уѣздныя не позже сентября, а губернскія не позже ноября. Для засѣданій уѣздныхъ земскихъ

собраній полагается десятидневный срокъ, а для губернскихъ двадцатидневный; впрочемъ эти сроки могутъ быть продолжены: въ уѣздахъ—губернаторомъ, а въ губерніяхъ министромъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть открываемы собранія чрезвычайныя.

Опредѣленія земскихъ собраній постановляются простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства ихъ числа, перевѣсъ принадлежитъ голосу предсѣдателя: законъ слишкомъ чиновничій, особенно въ виду правила о назначеніи предсѣдателей.

Слѣдующія постановленія земскихъ собраній подлежатъ утвержденію губернатора прежде, чѣмъ будутъ исполнены: о приведеніи въ дѣйствіе земскихъ раскладокъ и смѣтъ; о раздѣленіи земскихъ путей сообщенія на губернскіе и уѣздные; объ измѣненіи направленія земскихъ дорогъ; объ учрежденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній; о временномъ устраненіи отъ должностей членовъ земскихъ управъ. Постановленія же: о займахъ, превышающихъ двухгодовую сумму земскаго сбора, объ отнесеніи губернскихъ дорогъ въ число проселочныхъ, о сборахъ за проѣздъ по земскимъ путямъ сообщенія, объ открытіи ярмарокъ срокомъ болѣе четырнадцати дней, о перенесеніи пристаней, о раздѣленіи имуществъ общественнаго призрѣнія нуждаются въ утвержденіи министра внутреннихъ дѣлъ. И это въ странѣ,

гдѣ есть болѣе 70 губерній и 600 уѣздовъ, такъ что очевидно министръ предполагается всевѣдущимъ и непогрѣшимымъ, какъ богъ!

Земскимъ собраніямъ, при утвержденіи сметъ, предоставляется назначать самый способъ исполненія той или другой хозяйственной операціи: наемъ, подрядъ, поставку съ публичныхъ торговъ, отдачу на коммиссію или осуществленіе операціи хозяйственными распоряженіями управъ; но если такого постановленія не сдѣлано, то выборъ способа предоставляется управѣ. Это постановленіе, при всей его кажущейся незначительности, въ дѣйствительности имѣетъ большое значеніе. Такъ-какъ въ собраніяхъ преобладаютъ помѣщики, а управы состоятъ почти исключительно изъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ среднерусскихъ губерніяхъ; то земское хозяйство почти сполна находится въ рукахъ дворянъ, членовъ управъ; а какъ при этомъ идутъ дѣла, мы уже отчасти видѣли изъ очерка земскаго хозяйства, помѣщеннаго во II томѣ этого сочиненія. Правда, управы обязаны по закону представлять собраніямъ ежегодные отчеты по денежнымъ и другимъ дѣламъ; эти отчеты печатаются, подлежатъ разсмотрѣнію и утвержденію собраній; за обнаруженныя злоупотребленія можно попасть подъ судъ; но только открываются-то злоупотребленія рѣдко, потому что „свой своему по-неволѣ братъ“, а до

суда доходятъ еще рѣже, потому что „кто богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?“ и „зачѣмъ видѣть спицу въ глазѣ ближняго, когда онъ, пожалуй, укажетъ бревно въ моемъ“?

Мы не можемъ здѣсь продолжать выдержекъ изъ Положенія 1 января 1864 года и тѣмъ болѣе дѣлать подробный его анализъ: для этого потребовалось бы много мѣста. Но какъ съ главными чертами закона 1864 года мы уже познакомились, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ; обстоятельный же разборъ всего, что относится до земскихъ учрежденій, сдѣланъ уже Головачевымъ въ его сочиненіи „Десять лѣтъ реформъ“, то и приведемъ здѣсь выводы этого почтеннаго писателя, въ которыхъ онъ излагаетъ „общій итогъ условій, необходимыхъ для болѣе удовлетворительнаго положенія земскаго дѣла“. Выводы эти, раздѣляемые нынѣ почти всѣми мыслящими людьми, суть слѣдующіе:

1. Избирательные съѣзды для выбора гласныхъ въ земскія собранія не должны имѣть сословнаго или имущественнаго отличія, а только территоріальное; безъ этого общіе интересы населенія приносятся въ жертву частныхъ.

2. Для того, чтобы земское дѣло могло возбуждать къ себѣ интересъ цѣлаго общества, кругъ его дѣятельности не долженъ быть ограниченъ слишкомъ тѣсною рамкою или интересами одного класса общества. Теперь издержки обязательныя и на содержаніе управъ поглощаютъ такъ много изъ зем-

скихъ доходовъ, что затѣмъ очень мало средствъ остается на удовлетвореніе другихъ народныхъ потребностей, и результатомъ является общее равнодушіе къ земскому дѣлу.

3. Чтобы земскія учрежденія могли принести дѣйствительно пользу, они должны дѣйствовать самостоятельно, а не подъ надзоромъ администраціи. Отвѣтственность предъ судомъ и общественнымъ мнѣніемъ должна замѣнить этотъ административный контроль, а чтобы общество знало, что дѣлается земскими учрежденіями, нужно дать ихъ дѣятельности возможно широкую гласность.

4. Число гласныхъ должно быть необходимо увеличено для того, чтобы не передавать интересовъ цѣлаго уѣзда въ руки нѣсколькихъ лицъ, среди которыхъ быстро развивается кумовство.

5. Въ настоящемъ своемъ положеніи земскія учрежденія не могутъ считаться органами *самоуправленія*, какъ по личному ихъ составу, такъ и по кругу дѣйствій.

Этими послѣдними словами, очевидно, сказано все, что можно вообще сказать о неудовлетворительности земской реформы въ теперешнемъ ея видѣ. Справедливость ихъ доказывается не только тѣмъ, что слышалось въ обществѣ при самомъ обнародованіи закона 1864 года и потомъ во все время существованія земскихъ учрежденій, но и такимъ крупнымъ фактомъ, какъ недавнее ходатайство жителей донской области о закрытіи у нихъ земскихъ учрежденій, какъ вполнѣ безполезныхъ и дорого стоющихъ. Тѣмъ неменѣе

мы не можемъ не признать, что съ введеніемъ земской реформы Россіею сдѣланъ прогрессивный шагъ, со связанными ногами, слѣдовательно, небольшой, но все же шагъ, и впередъ, а не назадъ. Особенно важно то, что земскія учрежденія всесословны: это служитъ отличнымъ способомъ спаять различные классы общества въ одно прочное цѣлое, которое рано или поздно должно одолѣть двухъ главныхъ внутреннихъ враговъ народа русскаго: абсолютную верховную власть и ея орудіе, бюрократію.

Въ заключеніе замѣтимъ, что земскія учрежденія, какъ и новые суды, вводились въ губерніяхъ постепенно, т. е. невездѣ вдругъ. Первыя засѣданія губернскихъ собраній состоялись: въ Самарѣ 28 февраля 1865 года, въ Костромѣ 9 марта того же года, въ Пензѣ 10-го и т. д. до Вятки и Петрозаводска, гдѣ они произошли не ранѣе половины 1867 г. А губерніи западныя, остъ-зейскія, польскія, кавказскія и сибирскія и донынѣ остаются безъ органовъ даже такого самоуправленія, которое дано провинціямъ средне-русскимъ. Впрочемъ, въ прибалтійскомъ краѣ самоуправленіе на русскій ладъ не пользуется ни малѣйшимъ сочувствіемъ, потому что тамошніе дворянскіе ландтаги стоятъ гораздо независимѣе русскихъ губернскихъ собраній, и мѣстная шляхта, столь вліятельная въ Петербургѣ,

употребляетъ всѣ усилія, чтобы земская реформа не коснулась Эст,—Лив—и Курляндій, которыя теперь представляютъ такое родственное съ Мекленбургомъ убѣжище средневѣковыхъ общественныхъ порядковъ и образуютъ такой отличный авангардъ для нѣмцевъ въ ихъ вѣковомъ Drang nach Osten.

Переходя теперь къ Городовому Положенію 1870 г., замѣтимъ, что, собственно говоря, городское самоуправленіе у насъ существовало со временъ Екатерины, такъ что законъ 1870 года какъ будто не давалъ городамъ никакого новаго права, а только разширялъ и видоизмѣнялъ прежнее. На бумагѣ оно почти-что такъ, но въ дѣйствительности разница есть не малая. Во-первыхъ законъ Екатерины ввѣрялъ хозяйственное управленіе городовъ однимъ купцамъ и мѣщанамъ, особенно первымъ, другіе же обитатели городовъ, напр. дворяне, не имѣли доступа въ составъ мѣстной администраціи, (кромѣ Петербурга, гдѣ дума формировалась по особому положенію, изданному при Николаѣ). Во-вторыхъ прежнее городское самоуправленіе и по закону, и по обычаю, было до такой степени въ зависимости отъ губернской администраціи и даже городской полиціи, что на названіе его самоуправленіемъ почти не имѣло права. Голова, являющійся въ праздникъ къ городничему постоять у притолки, поднести подарокъ и получить, въ

видѣ отвѣтной любезности, рюмку водки съ кусочкомъ икры и хлѣба, имъ же, можетъ быть, принесенныхъ до того въ даръ,—вотъ комическая, но вѣрная дѣйствительности картина прежнихъ отношеній городскаго самоуправленія къ бюрократіи. И когда какой-нибудь московскій городской голова, Шатовъ, пробовалъ выходить изъ этихъ подданическихъ рамокъ и „считаться правами“ съ полиціею и даже съ генералъ-губернаторомъ, опираясь на законъ; то это считалось чѣмъ-то феноменальнымъ, дерзкимъ и вполнѣ исключительнымъ. Какъ появленіе купца на дворянской вечеринкѣ или женитьба дворянина на купеческой дочери считались скандаломъ для дворянства; такъ и уваженіе городскихъ выборныхъ властей бюрократіею было скандаломъ для послѣдней. Чтобы возвыситься до чести дѣлить дворянскія и чиновничьи бесѣды, купецъ долженъ былъ стать виннымъ откупщикомъ, и тогда, разумѣется, чиновники охотно принимали его у себя, но и то лишь преимущественно около 1 числа каждаго мѣсяца, когда откупщикъ входилъ съ приношеніемъ.

Этимъ патріархальнымъ, чтобъ не сказать турецкимъ, отношеніямъ между городскими хозяйственною и полицейскою властями долженъ былъ положить предѣлъ новый законъ о городскомъ самоуправленіи, задуманный еще въ 1862 году, но до 1870 г. все „обработы-

вавшійся“ въ министерскихъ канцеляріяхъ и бюрократическихъ коммиссіяхъ. Разумѣется, жаль было Сквозникамъ-Дмухановскимъ, Тяпкинымъ-Ляпкинымъ и ихъ потомкамъ разстроивать тотъ злачный для нихъ бытъ, который изображенъ Гоголемъ въ „Ревизорѣ“; но такъ или иначе пришлось уступить потребностямъ вѣка и высочайшей волѣ. Результатомъ этого и вышло Положеніе 1870 г.

Первая статья этого положенія гласитъ: „Попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству предоставляются городскому общественному управленію, а надзоръ за законнымъ сего исполненіемъ—губернатору“. Этимъ, собственно, сказано все, чтобы оцѣнить свойство новаго самоуправленія; и если § 5 Положенія говоритъ, что городское общественное управленіе въ предѣлахъ предоставленной ему власти дѣйствуетъ *самостоятельно*; то въ этомъ столько же правды, какъ и въ законной самостоятельности земскихъ учрежденій, даже менѣе. Городское управленіе не можетъ напр. само открыто воспротивиться „наложенію на городъ незаконныхъ податей, тягостей или службъ со стороны лицъ правительственныхъ или учрежденій сословныхъ и земскихъ“, а должно обращаться къ губернатору для принятія зависящихъ *отъ него* мѣръ къ возстановленію законнаго порядка. Если самому губернатору вздумается „усмотрѣть“ не-

законность въ какомъ-нибудь, хотя бы никѣмъ необжалованномъ, опредѣленіи городского общественнаго управленія, то онъ можетъ остановить его исполненіе и передать на пересмотръ и перерѣшеніе въ особое подъяческое „присутствіе по городскимъ дѣламъ“, составленное изъ вицъ-губернатора, предсѣдателя казенной палаты, прокурора и проч., гдѣ представителемъ городскихъ интересовъ является одинъ городской голова губернскаго города... По части самостоятельности, стало быть, новое городское самоуправленіе не далеко ушло отъ стараго, и потому для пріобрѣтенія ея многіе города спѣшили избрать себѣ въ головы людей знатныхъ: Москва наприм. князей Черкасскаго или Щербатова, Одесса —князя Воронцова или тайн. сов. Новосельскаго, Кіевъ—Демидова, и т. п. Но эти люди держались не долго: бюрократія ихъ оттѣсняла, и скоро даже уважающіе себя купцы стали бросать мѣсто головы, какъ было напримѣръ въ Москвѣ, гдѣ Ляминъ не пожелалъ быть третируемымъ en canaille губернаторомъ Дурново. Въ Петербургѣ бюрократія просто не допускала до избранія въ головы сколько-нибудь самостоятельной личности и держала прежнее ничтожество, надворнаго совѣтника изъ купцовъ, Погребова, чѣмъ дала норму того, что правительство желаетъ отъ представителей новаго городскаго „самоуправле-

нія“. Для вящаго же вразумленія жителей столицы, что ихъ дума не парижскій муниципальный совѣтъ, градоначальникъ Треповъ безъ церемоніи испросилъ, минуя думу, высочайшее повелѣніе о постройкѣ Литейнаго моста и тѣмъ обязалъ городъ сдѣлать издержку слишкомъ въ три милліона рублей, которыхъ у него вовсе не было. Жаловаться губернатору на основаніи вышеприведеннаго закона тутъ, разумѣется, было нельзя.

Для производства выборовъ въ городскія думы, т. е. представительныя собранія, установленъ ценсъ на столько высокій, что напр. въ Петербургѣ, на 700 тыс. жителей, людей имѣющихъ право на голосъ насчитывается всего 20 т. Но это еще не все, что можно сказать объ аристократизмѣ выборной системы. Далеко не всѣ имѣющіе право голоса могутъ съ одинаковою вѣроятностью попасть въ гласные, т. е. въ члены думы, и вотъ по какой причинѣ. Избраніе гласныхъ производится тремя группами выборщиковъ. Первая изъ нихъ слагается изъ самаго ограниченнаго числа богачей, которыхъ все достоинство заключается въ томъ, что они стоятъ во главѣ списка обывателей, расположеннаго по количеству уплатъ въ пользу города. Отсчитавъ сверху такое число этихъ лицъ, чтобы составилась треть суммы всѣхъ уплатъ, получимъ эту группу. Слѣдующая затѣмъ, вторая, будетъ,

по тому же правилу, состоять изъ лицъ, которые въ суммѣ вносятъ вторую треть городскаго дохода, а всѣ остальные жители составятъ третій разрядъ. Разумѣется, этотъ третій разрядъ есть самый многочисленный; въ Петербургѣ напр. онъ составляется изъ 17.500 лицъ; но эта многочисленная группа избираетъ въ думу столько же гласныхъ, какъ и нѣсколько десятковъ богачей перваго разряда. Справедливо замѣтилъ по этому поводу Головачевъ, что такимъ закономъ въ русскую общественную жизнь введено начало совершенно неизвѣстное въ русской исторіи и могущее повести къ образованію самой худшей изъ всѣхъ аристократій—денежной, которую ничто не обязываетъ къ честному веденію дѣлъ, ни благородство, какъ у дворянъ, ни желаніе сохранить свое положеніе, какъ у чиновниковъ. Но это-то, быть можетъ, и нужно было законодателямъ, съ начала реакціи выплывшимъ на поверхность русскаго общественнаго моря. „Ты умѣлъ нажиться, стало быть тебѣ и власть, и почетъ: ты—*нашего* поля ягода!“

Намъ нѣтъ надобности разбирать другихъ поробностей Городоваго Положенія, потому что онѣ во многомъ напоминаютъ законы о земскихъ учрежденіяхъ. Дума — это земское собраніе, городская управа—это управа уѣздная, городской голова — предсѣдатель послѣдней. Но вотъ что любопытно въ Положеніи 1870

года: не смотря на то, что оно издано черезъ 6 лѣтъ послѣ обнародованія реформы земской, отношенія городовъ къ земствамъ въ немъ не опредѣлены. Отсюда возникло множество пререканій между городскими и земскими учрежденіями, главнымъ образомъ изъ-за неплатежа городами земскихъ сборовъ. Въ Рязани напр. дума задолжала земству 40.000 р. и трудно сказать, какъ послѣднее можетъ добиться полученія ихъ. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы тутъ что-нибудь могло сдѣлать само непогрѣшимое и единое, власть имѣющее, правительство.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Городовое Положеніе, если и произвело реформу въ городскомъ самоуправленіи, то мало удачную. Въ чемъ же, спрашивается послѣ этого, состоитъ прогрессъ новаго порядка вещей надъ старымъ?—А въ томъ, во-первыхъ, что новый законъ уничтожилъ сословность, господствовавшую въ прежнихъ городскихъ управленіяхъ; купцы перестали быть хозяевами городовъ, что очень важно, потому что нѣтъ ничего ограниченнѣе, недальновиднѣе и своекорыстнѣе, какъ разрядъ людей безъ образованія и съ однимъ нравственнымъ завѣтомъ: наживаться всѣми возможными средствами. Во-вторыхъ, Положеніе 1870 г. сдѣлало личный составъ думъ гораздо многочисленнѣе прежняго, черезъ что участіе общества въ его дѣлахъ стало гораздо существеннѣе. Тайна,

которою любили облекать свою дѣятельность прежнія думы, чтобы подъ покровомъ ея обдѣлывать личныя дѣлишки, сдѣлалась теперь почти невозможною. Всякій вопросъ, интересующій городское населеніе, теперь долженъ обсуждаться большимъ числомъ представителей этого населенія, при чемъ прежнее кумовство почти невозможно. Въ-третьихъ, обсужденіе это дѣлается публично, и слѣдовательно каждый горожанинъ можетъ слѣдить за тѣмъ, какъ идутъ дѣла его города. У него не отнята возможность подать добрый совѣтъ или указать на замѣченное упущеніе какъ черезъ знакомыхъ гласныхъ, такъ и посредствомъ печати. Далѣе, при большомъ числѣ представителей, гласно работающихъ, горожане получаютъ возможность сознательно намѣчать кандидатовъ на общественныя должности, чего прежде почти нельзя было достигнуть даже при многолѣтнемъ пребываніи въ городѣ, особливо большомъ. Наконецъ дума новаго устройства составляетъ хорошую контрольную инстанцію надъ городскою управою, соотвѣтствующею прежней, безконтрольной думѣ. Все это —немаловажныя выгоды, и онѣ то были причиною, что города приняли новое Положеніе не безъ удовольствія и даже добивались скорѣе войдти въ очередь, которую правительство установило для приложенія къ нимъ закона 1870 года.

Въ заключеніе, любопытно замѣтить, что это былъ чуть ли не единственный органическій *русскій* законъ, который правительство рѣшилось приложить къ остъ-зейскому краю, города котораго многіе вѣка управлялись на основаніи средневѣковыхъ обычаевъ и старинныхъ хартій. Это-то же не малый прогрессъ, и не только общественный, а и политическій, такъ какъ природные русскіе получили наконецъ голосъ въ дѣлахъ Риги, Ревеля и пр., гдѣ они занимали доселѣ положеніе иностранцевъ.

Другія преобразованія и начинанія.

Въ четырехъ предыдущихъ очеркахъ мы познакомились съ важнѣйшими изъ реформъ, совершившихся съ 1855 г. и имѣвшихъ прогрессивный характеръ. Если присоединить къ нимъ Положеніе 1874 г. о всесословной воинской повинности, то получится рядъ такихъ капитальныхъ преобразованій, которыя въ каждой странѣ имѣли бы первостепенное историческое значеніе, а для Россіи, долгое время остававшейся въ застоѣ, были особенно важны. Что реформы эти были не рѣдко полумѣрами, неохотными со стороны бюрократіи и плантаторовъ уступками духу времени,—читатель конечно уже замѣтилъ. Мы въ послѣдствіи увидимъ, что реакція довели часть и этихъ полумѣръ почти до полнаго ничтожества. Но все таки замѣтимъ, что преобразовательная дѣятельность правительства ими не исчерпывается, такъ что нельзя пройдти молчаніемъ

цѣлаго ряда другихъ законодательныхъ и административныхъ начинаній, которыя были такъ или иначе направлены къ улучшенію русской государственной жизни. По незначительности нѣкоторыхъ изъ нихъ мы не будемъ, конечно, перечислять ихъ всѣ; но чтобы характеризовать поступательное движеніе 1855—1878 годовъ, самыми замѣтными его чертами, напомнимъ здѣсь вкратцѣ о слѣдующихъ четырнадцати начинаніяхъ правительства, частію доведенныхъ имъ до конца, а частію оставшихся доселѣ безъ всякаго ощутительнаго послѣдствія: 1) учрежденіи совѣта министровъ, 2) преобразованіи контроля, 3) уничтоженіи винныхъ откуповъ и 4) другихъ промышленныхъ монополій, напр. чайной, рыбной и т. п., 5) о податной реформѣ, 6) реформѣ полиціи, 7) преобразованіи духовныхъ судовъ, 8) устройствѣ государственныхъ крестьянъ, 9) освобожденіи башкиръ, 10) разширеніи области земледѣлія помощью осушки болотъ, 11) представленіи евреямъ разныхъ гражданскихъ правъ, 12) льготахъ раскольникамъ, 13) введеніи земскаго страхованія и 14) объ устройствѣ эмеритуръ.

Законъ объ учрежденіи совѣта министровъ, независимо отъ существовавшаго уже ихъ комитета, вышелъ въ ноябрѣ 1861 года. Онъ гласилъ, что во вновь возникающее учрежденіе должны вноситься на *предварительное*

обсужденіе, въ присутствіи самого государя, многія изъ тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ позднѣйшему рѣшенію обыкновеннымъ законодательнымъ или административнымъ порядкомъ, какъ-то: виды и предположенія къ устройству и усовершенствованію разныхъ частей управленія, свѣдѣнія о ходѣ работъ по устройству и усовершенствованію этихъ частей и предположенія объ устраненіи встрѣченныхъ затрудненій, первоначальныя предположенія о перемѣнѣ тѣхъ или другихъ законовъ, мѣры, требующія общаго дѣйствія разныхъ вѣдомствъ, свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства, заключенія особыхъ коммиссій для разсмотрѣнія отчетовъ министерствъ, и т. п. Вноситься въ совѣтъ эти дѣла должны по прямому приказанію государя, и, по обсужденіи, могутъ разрѣшаться его резолюціями, такъ что неизвѣстно, что же затѣмъ оставалось бы дѣлать государственному совѣту или комитету министровъ. Когда законъ вышелъ, то многіе недоумѣвали, что онъ значилъ, и наконецъ остановились на мысли, что совѣтъ утвержденъ для приданія единства въ дѣйствіяхъ министрамъ, которые, какъ извѣстно, набираются у насъ безъ всякаго вниманія къ ихъ взглядамъ и убѣжденіямъ, лишь бы состояли въ числѣ „преданныхъ слугъ“. Такъ, кажется, оно и было; но новое учрежденіе оказалось

мертворожденнымъ, и *предварительное* обсужденіе, а иногда и рѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ нынѣ, какъ и прежде, дѣлается въ разныхъ „комитетахъ“ и „совѣщаніяхъ“, которыхъ участники назначаются просто по произволу государя. Въ публику, искавшую разрѣшенія загадки объ учрежденіи совѣта и думавшую даже, что оно служитъ началомъ введенія конституціонныхъ порядковъ, скоро проникъ слухъ, что все дѣло было гораздо проще. Въ Вяткѣ открывалась вакансія губернатора; Муравьевъ-вѣшатель хотѣлъ посадить на это мѣсто своего сына и потому, при докладѣ о текущихъ дѣлахъ своего вѣдомства государю, просилъ его о томъ, чтобы впредь министръ внутреннихъ дѣлъ не назначалъ губернаторовъ въ вятскую губернію безъ совѣщанія съ нимъ, такъ-какъ въ этой провинціи много казенныхъ лѣсовъ и другихъ государственныхъ имуществъ. Императоръ согласился, и тогда наглый министръ тутъ же попросилъ его о назначеніи сына. Согласіе было дано, но, недовольный нахальствомъ Муравьева, самодержецъ жаловался на него Блудову и просилъ его указанія, какъ поступать, чтобы подобныхъ случаевъ не было въ будущемъ? Блудовъ посовѣтывалъ обязать министровъ по важнѣйшимъ вопросамъ управленія дѣлать предварительные *совокупные* доклады, при чемъ, разумѣется, съинтриговать

нелегко. Отсюда мысль и законъ о совѣтѣ; но насколько этотъ разсказъ вѣренъ истинѣ, —пусть рѣшитъ будущее. Во всякомъ случаѣ предполагавшееся единство никогда недостигалось, и такіе министры, какъ Шуваловъ и Милютинъ, Бобринскій и Рейтернъ и т. д., хотя и входили въ составъ одного и того же „кабинета“, но были прямыми политическими противниками.

Другое важное и притомъ уже не фиктивное, а дѣйствительное преобразованіе въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія состояло въ переустройствѣ государственнаго контроля, которому, съ основаніемъ въ 1865 году контрольныхъ палатъ, придано было серьезное значеніе. Мы уже упоминали объ этой мѣрѣ, говоря о финансахъ Россіи, во II томѣ. Тамъ же упомянуто, какъ серьезны были въ этомъ случаѣ заслуги Татаринова и какъ со смертію его полезное нововведеніе сохранилось только по формѣ, утративъ почти всякое дѣйствительное значеніе. Повторять сказаннаго здѣсь незачѣмъ.

Болѣе полезныхъ практическихъ послѣдствій принесло другое финансовое нововведеніе правительства — уничтоженіе винныхъ откуповъ и нѣкоторыхъ другихъ монополій. Откупная система была такимъ великимъ зломъ, что уничтоженіе ея можно считать одною изъ важныхъ заслугъ правительства. Откупщики,

до конца 1862 года, выжимали изъ народа такіе огромные барыши, они такъ многихъ невинныхъ людей доводили до тюрьмы и ссылки, они такъ портили, системою подкупа, всю администрацію, что избавить народъ сразу отъ столькихъ золъ значило оказать ему историческую услугу. Разумѣется, финансовые старовѣры были очень противъ этого нововведенія; но оно было радостно привѣтствовано всѣми людьми просвѣщенными. Очень важно также было то, что правительство, приводя въ исполненіе законъ объ акцизѣ на вино, замѣнившій положеніе объ откупахъ, смѣло устранило большую часть прежней водочной администраціи, всѣхъ этихъ совѣтниковъ питейныхъ отдѣленій, винныхъ приставовъ и проч. Новые акцизные надзиратели были, въ первое время, набраны изъ людей болѣе или менѣе честныхъ и притомъ вознаграждены за службу такъ, что имъ не было прямой надобности дѣлать злоупотребленія, чтобы жить съ удобствами. Министръ финансовъ, Рейтернъ, усердно занялся подготовленіемъ этихъ новобранцевъ къ основательному исполненію ихъ обязанностей. Особыми лекціями профессора Китарры они были посвящены въ техническія подробности винокуренія, а на совѣщаніяхъ въ министерствѣ ознакомились съ практическими вопросами своихъ служебныхъ обязанностей, совершенно такъ, какъ это потомъ было

съ крестьянскими коммиссарами въ Польшѣ, которыхъ въ теченіе слишкомъ мѣсяца собиралъ къ себѣ Милютинъ для изученія законовъ 19 февраля 1864 года.

Рядомъ съ уничтоженіемъ откупной монополіи на вино можно поставить прекращеніе нѣсколькихъ другихъ монопольныхъ промысловъ, напр. чайной торговли въ Кяхтѣ, рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ и т. п. Чтобы оцѣнить значеніе первой изъ этихъ мѣръ, нужно вспомнить, что до 1861 г. весь чай, который употреблялся въ Россіи, былъ провозимъ черезъ кяхтинскую таможню, гдѣ съ него собиралось болѣе 5 милліоновъ руб. пошлины. Какъ эта пошлина, такъ и огромная стоимость сухопутняго провоза черезъ Китай, Монголію и Сибирь тяжело ложились на потребителей, которые еще притомъ должны были приплачивать неопредѣленный и притомъ очень высокій процентъ въ пользу 25-30 купцовъ, торговавшихъ на Кяхтѣ и не церемонившихся вознаграждать себя такъ щедро, что шампанское у нихъ лилось при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, иногда въ 9 часовъ утра, если подвертывался гость, котораго можно было попотчивать. Указъ 30 марта 1861 г., дозволившій провозъ чая моремъ и черезъ сухопутную европейскую границу, положилъ конецъ этому убыточному для націи порядку и сдѣлалъ чай доступнымъ

гораздо большему числу потребителей, чѣмъ прежде. А какъ этотъ, богатый азотистыми веществами, напитокъ до нѣкоторой степени исключаетъ употребленіе напитковъ спиртуозныхъ; то очевидно, что русскій народъ выигралъ отъ закона 1861 г. вдвойнѣ: и экономически, и физіологически, при чемъ послѣдняя выгода не могла не отразиться на самой нравственности людей.—Что касается до монополіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ на Каспіѣ, то она, сверхъ вреда для потребителей рыбы и тюленьихъ жира и шкуръ, имѣла крайне невыгодное вліяніе на рабочихъ на рыболовныхъ промыслахъ, которые нерѣдко жертвовали въ пользу какихъ-нибудь купцовъ Сапожниковыхъ, Мясниковыхъ, Миръ-Багировыхъ и пр. не только здоровьемъ, но самою жизнью, не говоря уже про то, что находились въ постоянной экономической кабалѣ у монополистовъ. Положеніе 25 мая 1865 года сдѣлало ловъ рыбы и бой тюленя на водахъ Каспія промыслами свободными, т. е. открытыми предпріимчивости каждаго, кто внесъ небольшой билетный сборъ съ лодки, при чемъ, разумѣется, конкуренція содѣйствовала уменьшенію цѣнъ на рыбу, родъ пищи очень обыкновеннный въ Россіи, какъ странѣ, справляющей много постовъ.

Къ экономически прогрессивнымъ мѣрамъ по уничтоженію монополій примыкаетъ еще

болѣе широко-либеральное намѣреніе правительства переустроить всю систему податей, которая издавна грѣшила крайнею неравномѣрностью налоговъ и часто стѣснительностью ихъ для всего населенія государства, безъ существенной пользы для казны. Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что эта попытка въ цѣломъ ея объемѣ не удалась; но то, что изъ нея сдѣлано, напр. замѣна подушныхъ податей съ мѣщанъ налогомъ на недвижимыя имущества въ городахъ, составляетъ прогрессъ, и не только въ смыслѣ замѣны личной подати имущественною, а и въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія податныхъ тягостей между горожанами. Правилами 26 ноября 1863 года опредѣлено, что въ городахъ и мѣстечкахъ облагаются новымъ налогомъ жилые дома съ пристройками и дворами, фабрики, заводы, бани, складочныя мѣста, огороды, сады, оранжереи и проч., принадлежащія какъ частнымъ лицамъ, такъ и разнымъ учрежденіямъ, если, въ послѣднемъ случаѣ, они приносятъ самимъ учрежденіямъ доходъ отъ найма ихъ кѣмъ-нибудь.

Раскладка всей суммы налога между городами дѣлается министерствомъ финансовъ по соображенію съ богатствомъ городовъ, а раскладка по имуществамъ, между плательщиками, предоставляется выборной раскладочной коммиссіи, составленной изъ обитателей самаго города или мѣстечка. Это—почти идеальный

налогъ, какъ по правильности его распредѣленія, такъ и по дешевизнѣ его взиманія, ибо онъ прямо вносится плательщиками въ казначейство. Особенно важно то, что законъ 1865 года устранилъ круговую отвѣтственность членовъ городскихъ обществъ, т. е. постановилъ правиломъ, что всякій отвѣчаетъ только за себя. Этимъ законодатель доказалъ, что онъ находитъ возможность обходиться безъ круговой поруки, которая однако же упорно удерживается въ деревняхъ, чтобы доставлять предлогъ къ оправданію паспортной системы, столь дорогой сердцу полиціи, но столь вредной и ненавистной народу.

Упоминаніе полиціи приводитъ насъ къ вопросу о преобразованіи ея, вопросу не разъ возникавшему въ правительственной средѣ и въ обществѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что полицейская реформа въ такомъ Polizei-Staat, какъ Россія, должна считаться дѣломъ первостепенной важности, потому что отъ полицейскихъ агентовъ и ихъ поведенія вполнѣ зависитъ нравственное и матеріальное спокойствіе гражданъ тамъ, гдѣ они не имѣютъ политическихъ правъ и гдѣ сама судебная власть преклоняется передъ абсолютизмомъ. Полиція — это-то и есть правительство въ Россіи, какъ было во Франціи при Наполеонѣ III да отчасти и при всѣхъ правительствахъ, даже республиканскихъ. Какова была полиція при

Николаѣ, нечего и говорить: взятки, воровство, даже открытый грабежъ и убійства были постоянною профессіею полицейскихъ агентовъ всѣхъ ранговъ, отъ высшихъ до низшихъ. „Государь, оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ беретъ большія взятки; ему неприлично оставаться на этомъ мѣстѣ въ Петербургѣ“, говорилъ министръ Перовскій. — „Знаю, что онъ воръ, отвѣчалъ Николай; но за то подъ его охраной я сплю спокойно“... Это была высочайшая санкція полицейскаго воровства; что же касается до полицейскихъ самоуправства и жестокости, то они чуть ли не всему русскому обществу, лѣтъ тридцать назадъ, казались совершенно нормальными явленіями. Первый, кто не убоялся гласно напомнить полиціи объ уваженіи человѣческой личности въ „обывателяхъ“, былъ нижегородскій губернаторъ А. Муравьевъ, тотъ самый, что доставилъ первый адресъ объ освобожденіи крестьянъ. Давая наставленія исправникамъ, городничимъ, становымъ и пр. на счетъ ихъ отношеній къ обществу, онъ написалъ въ своемъ циркулярѣ, что среди нихъ господствуетъ привычка всякое дѣло рѣшать „палками да розгами, розгами да палками“, но что онъ этой привычки не потерпитъ, и затѣмъ сталъ безъ церемоніи смѣнять выбранныхъ дворянствомъ исправниковъ-драчуновъ и замѣнять ихъ временно, до новыхъ

выборовъ, коронными чиновниками изъ лицъ болѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ. Императоръ Александръ въ началѣ своего царствованія тоже относился къ полиціи если не съ презрѣніемъ, то съ недовѣріемъ. Онъ иногда удалялъ изъ службы полицейскихъ чиновниковъ, о жестокостяхъ или хищничествахъ которыхъ до него доходили слухи; [1]) но общихъ мѣръ для исправленія полиціи долго не принималъ, такъ что даже въ Петербургѣ и въ Москвѣ оставались оберъполиціймеистерами два извѣстные негодяя, Галаховъ и Берингъ, изъ которыхъ послѣдній засѣкъ на смерть солдата и все-таки остался на мѣстѣ, вѣроятно потому, что получилъ прежде отъ этого солдата оплеуху и что, слѣдовательно, являлась необходимость „поддержать уваженіе къ власти“. [2]) Наконецъ императорское стремленіе улучшать коснулось и до полиціи; но на первый разъ неудачно. Посаженный въ Петербургъ на мѣ-

[1]) Такъ было напр. по дѣлу студента Гапусевича, потерпѣвшаго отъ московскихъ частнаго пристава Цвиленева и квартальныхъ Морозова и Семенова. Всѣхъ трехъ полицейскихъ чиновниковъ императоръ велѣлъ отдать подъ военный судъ, а Гапусевича освободилъ отъ суда и взысканія, «принявъ во вниманіе, что онъ былъ въ необходимости учинить нарушеніе закона.»

[2]) Мы говоримъ это безъ малѣйшей шутки. Въ 1872 году иркутскій ген.-губ. Синельниковъ уже былъ предназначенъ къ смѣнѣ, но получилъ пощечину и былъ *поэтому* оставленъ на мѣстѣ почти еще на годъ.

сто Галахова графъ Шуваловъ, теперешній посолъ въ Лондонѣ, считающій себя самымъ европейскимъ государственнымъ человѣкомъ въ современной Россіи, вздумалъ исправить полицейскій вертепъ не какими-нибудь государственными мѣрами, а простымъ призывомъ въ него нѣсколькихъ офицеровъ изъ гвардіи. Богатый щеголь, воспитанный при дворѣ, онъ полагалъ такимъ образомъ *облагородить* полицію, но разумѣется ошибся: поступила всякая дрянь, и облагороженія никакого не произошло, если не считать перехода самого Шувалова изъ явной полиціи въ тайную, на мѣсто управляющаго III отдѣленіемъ. Вакансію сіятельнаго полиціймейстера-аристократа занялъ потомокъ „благороднаго“ Паткуля, адъютантъ и личный другъ императора; но онъ оказался хапуномъ не хуже любаго квартальнаго, а дрался даже лучше многихъ изъ нихъ, потому что предписывалъ наприм. „такому-то дворнику дать, въ присутствіи всѣхъ остальныхъ, 500 розогъ *горячихъ*“. Московскій полицейскій реформаторъ, Потаповъ, тоже не ушелъ далеко отъ пресловутыхъ своихъ предмѣстниковъ, Лужина и Цинскаго. Онъ особенно налегалъ, чтобы палачи крѣпче сѣкли плетьми арестантовъ, такъ что мѣстный прокуроръ, Ровинскій, имѣлъ съ нимъ по этому поводу столкновеніе. Когда опыты частныхъ, чисто личныхъ улучшеній полицейскаго пер-

сонала не привели ни къ чему, тогда volens-nolens стали доискиваться общей причины зла и, разумѣется, прежде всего, по-чиновничьи, замѣтили, что у полиціи жалованье слишкомъ скудно, а искушеніе и возможность брать взятки слишкомъ велики; это повело къ увеличенію окладовъ; но какъ казна была послѣ крымской войны небогата, то рѣшились нѣсколько сократить полицейскій персоналъ и вмѣстѣ возвысить нравственныя требованія отъ лицъ, искавшихъ полицейской службы. Тогда-то (1862) состоялось слитіе уѣздной полиціи съ городскою, при чемъ городничіе изъ незнакомыхъ съ законами отставныхъ офицеровъ были уничтожены въ большей части городовъ, а во главѣ соединенной уѣздной полиціи поставлены исправники, назначаемые непосредственно губернаторами изъ лицъ имъ извѣстныхъ, безъ вниманія къ ихъ чинамъ и проч. Такъ какъ еще прежде того (1860) обязанность производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ снята была съ полиціи и возложена на особыхъ чиновниковъ, судебныхъ слѣдователей; то вообще служба въ полиціи если не „облагородилась“, такъ стала соразмѣрнѣе съ человѣческими силами, а вознагражденіе соразмѣрнѣе съ трудомъ. Явились, хотя очень рѣдкіе, случаи исправниковъ и полиціймейстеровъ небравшихъ взятокъ; явились и люди, которые не дрались, по крайней мѣрѣ собственно-

ручно. Указъ 17 апрѣля 1863 года отнялъ у полиціи розги, палки и пр. и ей, волей-неволею, пришлось ограничиваться кулаками, котовые она и расточаетъ доселѣ, обыкновенно приговаривая, когда даетъ ударъ въ грудь: „честью прошу подвинуться назадъ, а *вы* все не хотите“.

На реформѣ 1862 г. „улучшеніе“ полиціи и остановилось, по крайней мѣрѣ общее улучшеніе. Но усовершенствованіе полицейской выправки, наружности, продолжалось по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ. Особенно въ этомъ отношеніи подвинулась съ конца 1860-хъ годовъ петербургская полиція. Ея начальникъ, Треповъ, умѣлъ выхлопотать ей прекрасное содержаніе, на счетъ города и казны, и затѣмъ съ непреклонной строгостью сталъ слѣдить за „нравами“ своихъ подчиненныхъ... разумѣется лишь за наружными, потому что внутри полицейскіе остались по прежнему негодяями. У одного изъ нихъ, околодочнаго надзирателя, честная молодая жена сожгла болѣе 6.000 руб. наворованныхъ денегъ и на слѣдствіи такъ прямо и объявила, что это были взятки. А что до самаго насадителя добрыхъ нравовъ, Трепова, то имя его и дѣятельность сполна принадлежатъ исторіи реакціи и онъ уже со стороны самаго правительства признанъ хищникомъ. Въ другихъ городахъ, т. е. внѣ Петербурга, усовершенство-

ванія полиціи, можно сказать, не было. Такъ изъ напечатаннаго въ 1879 году заявленія бывшаго одесскаго полиціймейстера Антонова видно, что бывшіе его подчиненные, даже изъ чиновниковъ, еще въ 1870-хъ годахъ, занимались не только взяточничествомъ, вымогательствами и другими плутнями, но и открытыми грабежами. Въ Харьковѣ частный приставъ Шмелевъ обливалъ на гуляньѣ публику изъ пожарныхъ трубъ; въ Москвѣ полиція устроила рѣзню на площади у Охотнаго ряда, и, что всего замѣчательнѣе, не подверглась не только достойной карѣ, но и суду, даже слѣдствію.

То же не привело доселѣ ни къ чему лучшему „благое намѣреніе“ правительства усовершенствовать правосудіе въ средѣ духовенства, которое, послѣ введенія новыхъ судовъ въ гражданскомъ и даже военномъ вѣдомствѣ, осталось при старой, консисторской юстиціи. Всякаго рода либеральныя идеи, хотя бы самыя скромныя, которыя правительство пыталось приложить къ организаціи духовныхъ судовъ, встрѣчали упорное противодѣйствіе со стороны архіереевъ, которые не хотятъ поступиться безусловною властью надъ попами, дьяконами и пр. Мы, собственно говоря, могли бы и не упоминать объ этомъ вопросѣ, касающемся больше всего людей, про которыхъ можно сказать, что чѣмъ имъ будетъ хуже, тѣмъ обществу лучше; но къ сожалѣнію,

консисторіи доселѣ вѣдаютъ дѣла о бракахъ, рожденіи и пр.; слѣдовательно ихъ дѣятельность отражается не на одномъ жреческомъ сословіи; вывести же эти дѣла изъ подъ ихъ вѣдѣнія доселѣ не удалось, и хотя была объ этомъ рѣчь въ самой правительственной средѣ, но въ послѣднее время совершенно замолкла.

Такимъ образомъ изъ доселѣ исчисленныхъ нами, второстепенныхъ реформъ однѣ ограничились простыми намѣреніями, наконецъ остановленными, другіе не реформировали ничего, одна создала учрежденіе мертворожденное и только двѣ-три принесли пользу государству и обществу. Тоже можно сказать, и про остальныя намѣченныя нами „преобразованія“: онѣ либо вовсе не осуществлены, либо составляютъ полумѣры и самыя слабыя начинанія въ смыслѣ прогресса. Таково напр. переустройство государственныхъ крестьянъ въ 1866 году. Фактически въ немъ прогрессивнаго только то, что надъ крестьянами перестали стоять съ палкою особые грабители, называвшіеся окружными начальниками и палатами государственныхъ имуществъ, да то, что правительство предоставило лицамъ безземельнымъ, но жившимъ среди крестьянъ, приписываться къ ихъ сельскимъ обществамъ, если впрочемъ у послѣднихъ было достаточно земли для надѣленія новыхъ членовъ. Затѣмъ слѣдующія положенія закона 1866 года:

1. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, не отграничены отъ земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, пространство крестьянскаго надѣла опредѣляется *несвыше* 8 десятинъ на душу въ уѣздахъ малоземельныхъ и 15 десятинъ — въ многоземельныхъ;

4. а). По согласію двухъ третей членовъ общества оно можетъ раздѣлить принадлежащія ему земли на подворные участки; б) выдѣлъ такихъ подворныхъ участковъ изъ общинной земли допускается также для отдѣльныхъ домохозяевъ, когда двѣ-трети сельскаго схода на то согласны; г) въ теченіе трехъ лѣтъ со времени полученія владѣнныхъ записей при общинномъ землевладѣніи—общества, а при подворномъ—домохозяева не могутъ отсуждать своихъ земель лицамъ, непринадлежащимъ къ тому же обществу;

6. Владѣнныя записи составляются чиновниками министерства государственныхъ имуществъ, т. е. прежними грабителями;

10. Въ 27 губерніяхъ существующіе оброки увеличиваются особымъ добавочнымъ сборомъ;

12. Размѣръ оброковъ опредѣляется только на 20 лѣтъ, по истеченіи которыхъ можетъ быть измѣненъ (т. е. увеличенъ);

13. Обществамъ и подворнымъ владѣльцамъ предоставляется выкупать (искони безспорно имъ принадлежавшія) земли изъ казны въ частную собственность посредствомъ взноса въ казначейство такого капитала государственными процентными бумагами, чтобы проценты съ него равнялись суммѣ оброчной подати (безъ оговорки, что эта подать не будетъ замѣнена иною),—

эти и имъ подобныя положенія идутъ прямо въ разрѣзъ съ выгодами народа или, по крайней мѣрѣ его большинства. Въ нихъ видно только желаніе реакціонеровъ разрушить ненавистную имъ общину, и желаніе правительства—увеличить налоги и другіе денежные сборы съ сельскаго населенія, давъ ему какъ можно меньше земли. Должно прибавить, что составленіе владѣнныхъ записей сопровождалось многочисленными злоупотребленіями чиновниковъ, землемѣровъ и волостныхъ писарей, такъ что законъ, претендовавшій на облагодѣтельствованіе крестьянъ, въ сущности положилъ зачатокъ множеству невзгодъ въ будущемъ.

Сходные результаты, т. е. путаница въ настоящемъ и зачатки еще большей путаницы въ будущемъ, достигнуты по отношенію къ одной значительной группѣ населенія восточной Россіи, къ башкирамъ. Это злополучное племя было систематически обезземеливаемо русскими со второй половины XVIII вѣка; потомъ оно подпало другой невзгодѣ: почислено въ казаки и отдано на жертву произволу военныхъ властей, подъ начальствомъ которыхъ однако же несло не военную, а транспортную службу, совершенно раззорившую бѣдный народъ. Военное министерство, не видя въ башкирахъ прямой боевой пользы и встрѣчая много хлопотъ по управленію ими,

рѣшилось „возвратить ихъ въ гражданское вѣдомство,“ точно какую-нибудь оброчную статью. Въ 1863 году объ этомъ издано многословное „Положеніе,“ при чемъ однако, къ удивленію, башкиры-крестьяне оставлены въ вѣдѣніи особаго управленія, которое подчинено, черезъ оренбургскаго генералъ-губернатора, военному министерству! Правила объ этомъ управленіи составляютъ въ своемъ родѣ chef-d'œuvre бюрократической изобрѣтательности. Такъ вся земля башкировъ была раздѣлена на 11 кантоновъ, управляемыхъ кантонными начальниками съ помощниками и канцеляріями; затѣмъ было общее управленіе, состоявшее изъ завѣдующаго башкирами (нѣчто въ родѣ губернатора) помощника его, совѣтниковъ, землемѣра, лѣсничаго, архитектора съ кондукторами, старшаго и младшихъ докторовъ, съ фельдшерами и повивальными бабками, чиновниковъ особыхъ порученій, стряпчихъ. ветеринаровъ, и цѣлаго сонма другихъ чиновниковъ, которыхъ бы въ Индіи, у англичанъ, достало на область съ населеніемъ въ 15-20 милліоновъ душъ. Все это было совершенно во вкусѣ военнаго бюрократа, Д. Милютина; но какъ черезъ два года правительство отдумало держать башкиръ-крестьянъ въ военномъ вѣдомствѣ: то они наконецъ освободились отъ господства милитаризма и подпали подъ обыкновенное мирное иго чиновниковъ

министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Глава послѣдняго, Валуевъ, при этомъ пожелалъ было заняться возстановленіемъ нарушенныхъ поземельныхъ правъ башкировъ, т. е. думалъ провести мѣру, предъ которою законы Лициніи и Гракха были бы ничѣмъ; но тутъ нашлись между бюрократами люди практичнѣе его. Они увѣрили правительство, что у башкиръ нетолько нѣтъ недостатка въ земляхъ, а есть избытокъ, который и поспѣшили раздарить разнымъ чиновникамъ, въ родѣ туркестанскихъ Кауфмана (6.000 дес.), Троцкаго и др., а еще болѣе оренбургскихъ, подчиненныхъ Крыжановскаго, и нѣсколькихъ петербургскихъ, нужныхъ послѣднему. Для башкиръ же весь вопросъ свелся къ перечисленію ихъ въ крестьяне съ номинальными, неотграниченными надѣлами по 40 десятинъ на душу, что очень немного для людей, вынуждаемыхъ природою заниматься болѣе скотоводствомъ чѣмъ земледѣліемъ, лишившихся уже большей части луговъ и лучшихъ пастбищъ и безсильныхъ противиться дальнѣйшимъ захватамъ со стороны новыхъ своихъ сосѣдей-сановниковъ.

Удачнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ возстановленія старыхъ поземельныхъ владѣній башкиръ, дѣйствовалъ Валуевъ по вопросу объ осушеніи болотъ ва Полѣсьѣ. Вопросъ этотъ, имѣвшій цѣлью вырвать обширныя земли не у хищ-

ныхъ людей, а у природы, нынѣ быстро приближается къ удачному рѣшенію, благодаря искусству геодезиста Жилинскаго и настойчивости самаго Валуева. По послѣднимъ извѣстіямъ вся восточная часть Полѣсья, на пространствѣ полутора милліона десятинъ,— что равно половинѣ Голландіи, — осушена и сдѣлана годною для земледѣлія. При этомъ многіе изъ вновь прорытыхъ каналовъ даютъ возможность сплавлять лѣсъ, который прежде гнилъ среди болотъ. Неизвѣстно только, какое именно употребленіе сдѣлаетъ правительство изъ осушенной земли. Если, какъ можно опасаться, эта земля попадетъ въ руки эксплуататоровъ евреевъ, то пользы отъ нея народу русскому будетъ очень немного.

Удачнѣе же, чѣмъ устроеніе быта башкиръ, произошла перемѣна въ бытѣ именно евреевъ, которые при Николаѣ подвергались не малымъ стѣсненіямъ. Особаго, общаго закона объ ихъ эмансипаціи не было издано; но цѣлый рядъ постановленій, относящихся преимущественно къ 1858—65 годамъ, сдѣлалъ ихъ de jure почти полноправными гражданами Россіи, а de facto во многихъ случаяхъ ея господами. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ этихъ законовъ, чтобы можно было судить о характерѣ прежнихъ ограниченій гражданскихъ правъ евреевъ и видѣть послѣдовательность, съ которою они отмѣнялись.

Въ 1856 г. евреи уравнены съ прочими подданными по отношенію къ рекрутской повинности.

Въ 1858 г. тѣмъ изъ нихъ, которые жили въ пограничныхъ мѣстностяхъ западныхъ губерній, дозволено водвориться тамъ на постоянную осѣдлость, тогда какъ прежнее ихъ пребываніе въ 50 верстной приграничной полосѣ не давало имъ правъ мѣстныхъ гражданъ.

Въ 1859 г. евреямъ купцамъ первой гильдіи позволено селиться повсюду, въ городахъ имперіи, и даже, проживъ на одномъ мѣстѣ 10 лѣтъ, оставаться тамъ навсегда, хотя бы съ выходомъ изъ первой гильдіи.

Въ 1861 г. евреямъ, имѣющимъ докторскіе дипломы, дозволено селиться по всюду, и нетолько для занятій науками или леченіемъ больныхъ, но и для промышленныхъ цѣлей; только для послугъ они могутъ имѣть при себѣ не болѣе двухъ единовѣрцевъ.

Въ 1862 г. дозволено евреямъ покупать земли и угодья отъ помѣщиковъ, которые съ своими крестьянами совершенно покончили временно-обязанныя отношенія.

Въ 1865 г. евреямъ-врачамъ дозволено поступать въ военно-медицинскую службу вездѣ, а на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ—кромѣ Москвы и Петербурга. Въ томъ

же году евреямъ-земледѣльцамъ дозволено перечисляться въ другія сословія.

И такъ далѣе, до 1878 года, когда послѣдовало производство одного молодого еврея въ военные офицеры, что прежде было достижимо не иначе, какъ для перекрестовъ.

Замѣтимъ, что евреи на это разширеніе своихъ правъ отвѣчали, какъ и вездѣ въ Европѣ, болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ русскимъ народомъ: у нихъ въ синагогахъ стали говориться проповѣди по-русски, стали основываться спеціально-еврейскіе журналы на русскомъ языкѣ, множество евреевъ стало адвокатами, врачами, прикащиками и пр., не говоря уже про наполненіе ими рядовъ купечества. Само собою также разумѣется, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, они воспользовались отмѣною существовавшихъ прежде стѣсненій, чтобы эксплуатировать русскій народъ, о чемъ мы и имѣли уже случай упоминать. Наконецъ, стоитъ замѣтить, что въ то время, какъ по всѣмъ почти вопросамъ внутренней политики правительство съ 1866 года открыто слѣдовало реакціоннымъ началамъ, вопросъ еврейскій разрѣшался постоянно въ прогрессивномъ смыслѣ, т. е. къ выгодѣ евреевъ. Теряя все больше и больше популярность въ своемъ народѣ, правительство какъ бы заискивало у жидовъ, не смотря даже на то, что во время польскаго возстанія мно-

гіе изъ нихъ называли себя „поляками моисеева закона“ и поступали соотвѣтственно этому названію... Едва ли нужно говорить, что постоянная потребность въ деньгахъ разныхъ вліятельныхъ лицъ и умѣнье евреевъ удовлетворять ей были главною причиною такой неуклонности прогресса въ еврейскомъ вопросѣ.

Далеко не такъ податливо было правительство по отношенію къ другому, издавна гонимому, разряду людей, къ раскольникамъ. Эти люди то же зажиточны, трезвы, трудолюбивы и гораздо болѣе честны, чѣмъ жиды; но они — русскіе, и этого достаточно, чтобы съ ними не церемониться. Ни одного законодательнаго акта, которымъ бы они безусловно приравнивались къ прочимъ жителямъ государства, не было издано; но нѣкоторыя „административныя снисхожденія“ въ ихъ пользу были допущены. Перестали раззорять ихъ молитвенные дома, допустили гласныя богословскія пренія между ихъ уставщиками и православными попами, даже оставили въ покоѣ появившихся у нихъ, изъ Бѣлой Криницы, собственныхъ архиереевъ; но все это — полугласно, изъ снисходительности администраціи, а не по закону. Послѣдній доселѣ еще не допускаетъ раскольниковъ быть волостными головами и вообще занимать общественныя должности. Само собою разумѣется, что полиція по

прежнему хватаетъ, по указанію поповъ, раскольничьи книги; [1]) суды судятъ, сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь распространителей раскола, и пр. Но все же „старовѣрамъ“ стало полегче. Мы можемъ поэтому хоть отчасти занести въ „дебетъ“ правительства его поведеніе съ раскольниками, отнеся то, что въ этомъ поведеніи было постыднаго, въ „кредитъ,“ съ которымъ познакомимся при обзорѣ реакціи. Не упустимъ случая при этомъ замѣтить, что, благодаря настойчивости одного матроса-раскольника, не хотѣвшаго, по поступленіи на службу, брить бороды, правительство рѣшилось вообще всѣмъ военно-служащимъ дозволить не бриться, что въ такомъ полицейско-казарменномъ государствѣ, какъ русская имперія, составляетъ двойной прогрессъ: съ одной стороны—облегченіе офицеровъ и солдатъ отъ очень непріятной обязанности, съ другой—удовлетвореніе деспотизмомъ голоса общественнаго мнѣнія, да еще по поводу, въ которомъ бюрократія легко могла видѣть неповиновеніе властямъ, бунтъ и т. п. [2])

[1]) Какъ было въ Москвѣ, въ Саратовѣ и пр.; въ Москвѣ же была отыскана «преступная» раскольничья типографія, печатавшая «священныя» книги...

[2]) Впрочемъ, кажется, что вопросъ о ношеніи бородъ рѣшенъ въ пользу ихъ не изъ уваженія къ раскольникамъ и даже цѣлому народу, а изъ подражанія англійской арміи,

Замѣтимъ также, по поводу раскольниковъ, что правительство охотно поощряло и даже вызывало ихъ переселеніе на окраины государства, и тамъ уже оставляло ихъ болѣе или менѣе въ покоѣ. Такимъ образомъ въ Закавказьѣ развились довольно многочисленныя колоніи духоборцовъ и молоканъ, при чемъ сами кавказскія власти на столько остались довольны ихъ водвореніемъ, что теперь, по завоеваніи карсскаго пашалыка, вызываютъ туда новыхъ пришельцевъ-сектаторовъ. Ихъ отличныя колонизаторскія способности признаны и на Амурѣ, гдѣ группа раскольничьихъ селеній возникла на востокѣ отъ Благовѣщенска. И въ Литвѣ бывшій ея правитель, Муравьевъ, покровительствовалъ водворенію раскольниковъ съ прямо-высказанною политическою цѣлью усилить тамъ значеніе русскаго элемента. Въ виду этого остается только удивляться, почему правительство не сдѣлало ничего серьезнаго въ пользу раскольниковъ внутри государства; развѣ если оно имѣло въ виду именно этимъ способомъ вызывать ихъ на переселенія вдаль...

Устраивая на новыхъ основаніяхъ бытъ сельскаго населенія и вводя земскія учреж-

которая очень понравилась императору Александру въ бытность его въ Лондонѣ и въ которой бороду дозволено носить каждому... Матросъ-раскольникъ далъ только послѣдній поводъ явить «высочайшую милость» къ военно-служащимъ.

денія, правительство вспомнило, что въ Россіи ежегодно отъ 1/20 до 1/30 сельскихъ построекъ дѣлается жертвою пламени, что наноситъ огромный ущербъ всей странѣ. Сдѣлать, во избѣжаніе этого зла, единственно вѣрный прогрессивный шагъ введеніемъ обязательности каменныхъ построекъ, оно не рѣшилось, да и едва ли могло, по причинѣ бѣдности народа и рѣдкости въ большей части Россіи камня; но чтобы умалить печальное вліяніе пожаровъ, оно постановило ввести взаимное земское страхованіе. Положеніе о немъ издано 7 апрѣля 1864 года и составлено довольно раціонально. Постановлено: всѣ постройки въ чертѣ селеній подвергнуть обязательному страхованію, а тѣ, которые отдалены отъ нихъ — добровольному. И то, и другое совершается въ земскихъ учрежденіяхъ, которыя съ этою цѣлью устанавливаютъ со всего населенія страховой сборъ, при обязательномъ страхованіи одинаковый для всѣхъ въ уѣздѣ или губерніи строеній извѣстнаго рода, а при добровольномъ — по условію, основанному на оцѣнкѣ. Требовать оцѣнки строеній могутъ и тѣ лица, которыхъ постройки подлежатъ страхованію обязательному. Каждый можетъ страховать свои зданія и внѣ земства, въ особыхъ страховыхъ обществахъ. Общественныя постройки страхуются насчетъ тѣхъ селъ, волостей или городовъ, которымъ онѣ принадлежатъ. Въ каж-

дой волости мѣстное волостное правленіе изготовляетъ ежегодно, къ октябрю, списокъ строеніямъ подлежащимъ обязательному страхованію, при чемъ отъ владѣльца отбирается показаніе: хочетъ ли онъ особой оцѣнки или довольствуется нормальною? Въ случаѣ пожара владѣлецъ погорѣвшаго зданія обязанъ, въ теченіи трехъ сутокъ, заявить о томъ волостному правленію или земской управѣ, которые, въ теченіи сутокъ послѣ этого заявленія, распоряжаются объ осмотрѣ сгорѣвшаго и составленіи акта, который служитъ основою для опредѣленія страховаго вознагражденія. Если земскаго страховаго капитала данной губерніи не достаетъ на покрытіе пожарныхъ убытковъ, то губернское земство въ правѣ обращаться за пособіемъ въ казну.

Все это, какъ видимъ, разумно и правильно; но справедливость требуетъ замѣтить, что на дѣлѣ земское страхованіе не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Причинъ этому много; одна изъ главныхъ состоитъ въ неимѣніи первоначальныхъ капиталовъ у земства для уплаты пожарныхъ убытковъ. Бывшіе земскіе капиталы, какъ извѣстно, были забраны правительствомъ въ казну. Отъ того сразу пришлось установить высокій страховой сборъ и скудное вознагражденіе за убытки. Другой важный недостатокъ земскаго страхованія—легкая возможность злоупотребленій

по опредѣленію стоимости страхуемаго имущества. Неоднократный опытъ убѣдилъ, что страхователи входятъ въ сдѣлки съ членами земскихъ управъ, на которыхъ собственно лежитъ страховое дѣло, получаютъ высокую оцѣнку для своихъ зданій и потомъ ихъ жгутъ для полученія большихъ премій.

Отъ вопроса о страхованіи имуществъ не труденъ переходъ къ вопросу о страхованіи доходовъ. Въ этомъ отношеніи въ Россіи съ 1855 сдѣланъ довольно важный шагъ и опять по почину правительства. Разумѣемъ введеніе эмеритуръ для служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ. Что большинство лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не только у насъ, но и въ большей части европейскихъ государствъ получаетъ содержаніе столь скромное, что изъ него откладывать „на старость“ нельзя, это извѣстно каждому. Въ этомъ причина почти повсемѣстнаго учрежденія государственныхъ пенсій чиновникамъ и офицерамъ, отслужившимъ болѣе или менѣе долгій срокъ и лишеннымъ возможности начинать какую-нибудь новую, болѣе производительную дѣятельность. Но государственныя пенсіи давно уже стали въ рукахъ бюрократіи могущественнѣйшимъ средствомъ униженія честныхъ слугъ государства: угрозою лишить ихъ начальствующія лица доводятъ до полнаго нравственнаго ничтожества массы своихъ подчи-

ненныхъ и обращаютъ ихъ въ стадо послушнаго рабочаго скота. Вотъ этому-то горю могутъ помочь эмеритуры, составленныя изъ взносовъ самихъ служащихъ и независимыя отъ произвола властей. Недовольный своимъ положеніемъ, чиновникъ можетъ тогда оставлять службу, не дожидаясь государственной пенсіи, и имѣть свой кусокъ хлѣба. У насъ эмеритуры начали возникать только съ 1858 года, когда устроена эмеритальная касса морскаго вѣдомства. За нею слѣдовала военная, а затѣмъ по-немногу и нѣкоторыя другія. Только правительство, хорошо понимавшее значеніе эмеритальныхъ пенсій въ смыслѣ доставленія служащимъ нравственной независимости, не допустило такого порядка вещей. Оно сдѣлало эмеритальные оклады просто добавочными къ казеннымъ, и даже назначаемыми лишь тѣмъ, кто „удостоился“ пенсіи государственной. Будущимъ поколѣніямъ, слѣдовательно, предстоитъ поставить на настоящую почву дѣло въ всякомъ случаѣ полезное. Служащіе на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, кажется, и подаютъ этому примѣръ. Страхованіе доходовъ въ частныхъ обществахъ также по-немногу распространяется, хотя далеко не достигло той степени, какъ въ Англіи, Голландіи, Швейцаріи и пр.

Вотъ мы и у конца нашего небольшаго очерка прогрессивныхъ реформъ въ русской государственной и, отчасти, общественной жизни. По принятому обычаю, мы могли бы здѣсь формулировать нѣсколько заключеній относительно общаго характера и практическаго значенія изложенныхъ фактовъ. Но чтобы эти заключенія были нагляднѣе и убѣдительнѣе, припомнимъ здѣсь еще разъ не только тѣ нововведенія, которымъ посвященъ настоящій томъ „Ист. Оч. Рос.“, но и важнѣйшія изъ тѣхъ, которыя были разсмотрѣны въ предыдущихъ томахъ. Вотъ онѣ:

Освобожденіе крѣпостныхъ—величайшее по идеѣ событіе русской исторіи нашего времени, которое однако же по исполненію составляетъ только полумѣру, неудовлетворившую интересовъ ни помѣщиковъ, ни крестьянъ и раззорившую тѣхъ и другихъ.

Надѣленіе крестьянъ землями и новое общественное ихъ устройство въ Польшѣ — реформа гораздо болѣе основательная и, по исполненію, быть можетъ, лучшая изъ произведенныхъ въ Россіи съ 1855 года.

Судебная реформа—очень хорошее въ своемъ первоначальномъ видѣ, нововведеніе, глубоко повліявшее на жизнь русскаго общества, но, какъ мы уже отчасти видѣли и какъ увидимъ еще въ послѣдствіи, испорченное разными реакціонными ограниченіями.

Введеніе всесословной воинской повинности —мѣра очень разумная въ принципѣ и оказавшаяся очень полезною на практикѣ, но оставляющая еще желать многаго, наприм. по вопросу объ ополченіи, о воинской повинности инородцевъ и т. д.

Устройство земскаго и городскаго самоуправленія—полумѣра, да еще испорченная введеніемъ множества ретроградныхъ поправокъ.

Уничтоженіе винныхъ откуповъ и другихъ монополій — дѣйствительное благодѣяніе для страны.

Переустройство системы налоговъ — одно изъ тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ; впрочемъ, нѣкоторыя мѣры, употребленныя для осуществленія этого намѣренія, напр. замѣна налога личнаго имущественнымъ въ городахъ, упрощеніе системы гербоваго сбора и т. п. вполнѣ разумны.

Правила составленія государственной смѣты и переустройство государственнаго контроля—очень полезныя нововведенія, утратившія однако большую часть своего значенія отъ позднѣйшихъ поправокъ въ духѣ потворства бюрократіи.

Совѣтъ министровъ для установленія единства въ началахъ и пріемахъ управленія — мертворожденное дитя самодержавія, которое по этому примѣру могло бы догадаться, что ему никогда не выйдти изъ подъ ига бюрократіи.

Преобразованіе полиціи — опять одно изъ тѣхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ, и притомъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, перешедшее въ самую свирѣпую реакцію.

Новое управленіе степями — мѣропріятіе разумное, но введенное отчасти насиліемъ.

Переустройство башкиръ — доброе намѣреніе, осуществленное очень плохо, благодаря продѣлкамъ бюрократіи.

Эмансипація евреевъ — прогрессъ, иногда впрочемъ очень невыгодный для народа русскаго.

Льготы раскольникамъ—полумѣра или даже четверть-мѣра, доказывающая неискренность самодержавнаго либерализма, своекорыстіе бюрократіи и стремленіе ихъ обоихъ угождать главному представителю косности, духовенству, которое, въ благодарность учитъ народъ, „что нѣсть власти, аще не отъ бога“ и что „ему же урокъ—урокъ, ему же дань—дань“.

Переустройство духовныхъ судовъ — либеральная волна, опять разбившаяся о сопротивленіе невѣжественныхъ, властолюбивыхъ и корыстныхъ „пастырей душъ“.

Переустройство училищъ и системы образованія — либеральныя попытки и полумѣры, перешедшія въ ожесточенную реакцію.

Уничтоженіе цензуры—гнусное лицемѣріе деспотизма и бюрократіи.

Переустройство государственныхъ крестъ-

янъ — мѣра блѣдно-прогрессивная и имѣвшая больше всего цѣлью увеличеніе налоговъ.

Введеніе земскаго страхованія — разумная мѣра, которой значеніе однако испорчено тѣмъ, что правительство отняло у земства его капиталы.

Учрежденіе эмеритуръ — дѣло недурное, но съ ретроградною цѣлью незаконченное.

Ограниченіе тѣлесныхъ наказаній — шагъ впередъ очень важный, но далеко неполный и доказывающій, что совершенно отказаться отъ палки деспотизмъ не въ состояніи.

Теперь, кажется, не будутъ подлежать спору и слѣдующіе немногіе общіе выводы:

1. Время съ 1855 по 1878 годъ богато важными преобразованіями въ государственной и общественной жизни народа русскаго. За исключеніемъ эпохи Петра Великаго и, отчасти, Екатерины II, нельзя, во всей русской исторіи, найдти періода столь же обильнаго коренными реформами въ прогрессивномъ духѣ.

2. Реформы эти возникли, какъ и неизбѣжно въ неограниченной монархіи, по почину правительства и нерѣдко самого императора Александра II, который такимъ образомъ пріобрѣлъ серьезное право на благодарность современниковъ и потомства. Особенно достопамятнымъ слѣдуетъ считать его участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

3. Но очень многія изъ этихъ преобразованій были полумѣрами, какъ по идеѣ, такъ особен-

но по исполненію, зависѣвшему большею частію отъ бюрократіи; многія задуманныя реформы остались вовсе неосуществленными, опять-таки по нерасположенію къ нимъ главнымъ образомъ чиновниковъ и отчасти духовенства и аристократіи.

4. Такъ какъ вредное могущество бюрократіи и союзныхъ ей ретроградныхъ сословій зависитъ отъ того, что она опирается на абсолютную, безконтрольную власть, то *корень зла*, т. е. недостаточности политическаго и общественнаго прогресса русскаго народа, очевидно *лежитъ въ этой безконтрольной верховной власти*, даже когда она доброжелательна.

Это послѣднее заключеніе найдетъ еще болѣе широкое оправданіе въ очеркахъ реакціи, къ которымъ мы теперь, съ глубокимъ сожалѣніемъ, и должны перейдти. Поставивъ въ началѣ настоящаго выпуска слова Гизо, что „время возвеличиваетъ то, чего не убиваетъ“, мы не найдемъ болѣе подходящаго эпиграфа къ слѣдующимъ главамъ, какъ слова историка, еще болѣе знаменитаго, Тацита, который, по поводу тираніи римскихъ правителей, устами одного британскаго вождя-патріота, сказалъ, что они *auferre, trucidare, rapere falsis nominibus imperium; atque ubi solitudinem faciunt pacem appelant.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Манифестъ 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крѣпостныхъ.

Божіимъ провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій всероссійскій престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ государства, мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, недостигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случахъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней, правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но, при умень-

шеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные предшественники наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положенія крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особыхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ императоръ Александръ I издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а въ бозѣ почившій родитель нашъ, Николай I, постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для насъ завѣщаніе предшественниковъ нашихъ, и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный намъ рукою провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ нашего довѣрія къ россійскому дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу отечества. Самому дворянству предоставили мы, по собственному вы-

зову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, причемъ дворянамъ предложено ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего дворянскаго общества каждой губерніи, дворянство добровольно отказалось ото права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ главномъ по сему дѣлу комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ.

Призвавъ бога въ помощь, мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ

состоянiи, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласiя помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственнось полевыя земли и другiя угодiя, отведенныя имъ въ постоянное пользованiе. Съ таковымъ пріобрѣтенiемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состоянiе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положенiемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состоянiе, приспособленное къ ихъ занятiямъ и потребностямъ; по истеченiи двухлѣтняго срока отъ дня изданiя сего положенiя, они получатъ полное освобожденiе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положенiями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленiя и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемые на нихъ обязанности въ отношенiи къ правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сiи положенiя, общiя, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣнiй мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности, приспособлены къ мѣстнымъ хазяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенiя и заключать условiя о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюде-

ніемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно, не менѣе двухъ лѣтъ; то, въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ мировыхъ посредниковъ и образовать изъ нихъ уѣздные мировые съѣзды.

3) Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія; для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіи двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое провидѣніе божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ насъ и отъ всего отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства, и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ

дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ нашего народа.

Когда мысль правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII, I), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ, страхъ, дань, честь*, (7), что законно пріоб-

рѣтенные помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди при открывающейся для нихъ новой будущности поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное благороднымъ дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самыми собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается на иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью, и вообще честною въ страхѣ божіемъ жизнью.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

2. Указъ сенату 1 января 1864 года о земскихъ учрежденіяхъ.

Признавъ *за благо* призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, возложили мы на министра внутреннихъ дѣлъ составить, на указанныхъ нами началахъ, проэкты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій.

Составленныя на этомъ основаніи и разсмотрѣнныя въ государственномъ совѣтѣ проэкты: Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и Временныхъ для нихъ правилъ по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи, найдя соотвѣтствующими нашимъ намѣреніямъ и вслѣдствіе того утвердивъ ихъ, препровождаемъ въ правительствующій сенатъ, повелѣвая:

1) Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и временныя правила для сихъ учрежденій ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ: Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской.

2) Министру внутреннихъ дѣлъ, составя немедленно правила, необходимыя для открытія, на семъ основаніи, въ поименованныхъ губерніяхъ, земскихъ учрежденій и для первоначальныхъ ихъ дѣйствій, внести сіи правила на высочайшее утвержденіе чрезъ государственный совѣтъ.

3. Указъ сенату отъ 24 ноября 1864 года о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

По вступленіи на прародительскій престолъ, однимъ изъ первыхъ нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19 марта 1856 года, было: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“.

Съ того времени среди другихъ преобразованій, вызванныхъ потребностями народной жизни, мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли посредствомъ лучшаго устройства судебной части и, послѣ многосторонніхъ предварительныхъ работъ во второмъ отдѣленіи собственной нашей канцеляріи, 29 сентября 1863 года утвердили и тогда же повелѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе основныя положенія преобразованія этой части.

Составленные, въ развитіе сихъ основныхъ положеній, особо учрежденною нами комисіею, проэкты уставовъ нынѣ подробно обсуждены и исправлены государственнымъ совѣтомъ.

Разсмотрѣвъ сіи проэкты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему—водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ; возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть по-

стоянным руководителем дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

Вслѣдствіе того, признавъ за благо утвердить составленные и разсмотрѣнные въ такомъ порядкѣ: 1) Учрежденіе судебныхъ установленій; 2) Уставъ уголовнаго судопроизводства; 3) Уставъ гражданскаго судопроизводства и 4) Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и, препровождая всѣ означенныя законоположенія въ правительствующій сенатъ, повелѣваемъ ему сдѣлать надлежащее распоряженіе для ихъ обнародованія. Порядокъ приведенія ихъ въ дѣйствіе будетъ неотложно за симъ указанъ.

Призывая благословеніе всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ по волѣ нашей на новыхъ основаніяхъ образуемаго.

4. Нѣсколько статистическихъ данныхъ о законодательствѣ съ 19 февраля 1855 по 1 января 1877 года.

Хотя такъ-называемое „Полное собраніе законовъ Россійской имперіи“ въ дѣйствительности не содержитъ *всѣхъ* общеобязательныхъ для обитателей Россіи постановленій правительства, ибо многія изъ этихъ постановленій, и нерѣдко очень важныя, издаются въ видѣ министерскихъ циркуляровъ; но такъ какъ это Собраніе есть единственный источникъ, состоящій въ распоряженіи общества, то извлекаемъ изъ него, во-первыхъ, слѣдующую таблицу числа законовъ, изданныхъ въ Россіи съ 19 февраля 1855 г. по конецъ 1873-го.

Годъ.	Законовъ.	Годъ.	Законовъ.	Годъ.	Законовъ.
1855	970	1862	1390	1869	1251
1856	1336	1863	1340	1870	1236
1857	128	1864	1185	1871	1285
1858	1376	1865	1219	1872	1341
1859	1298	1866	1217	1873	1258
1860	1187	1867	1278		
1861	1337	1868	1254	За 19 л.	23.839

Присоединивъ сюда, на основаніи издаваемаго въ видѣ еженедѣльной газеты, „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“, данныя за 1874—76 года, во время которыхъ было издано 4.565 постановленій, получилъ общую сумму русскихъ законовъ за 22 года 28.404, при чемъ замѣтимъ, что „Собраніе узаконеній“ почти не содержитъ законовъ относящихся до военнаго вѣдомства и весьма въ Россіи многочисленныхъ.

Для практическаго употребленія русскіе законы сведены въ два большія изданія, расположенныя въ системѣ, именно Сводъ Законовъ и Сводъ Военныхъ Постановленій. Послѣднее изданіе перваго было въ 1857 году и состояло изъ 15 томовъ; съ вышедшими къ нему Продолженіями оно составляло въ 1878 г. болѣе 40 томовъ, изъ которыхъ многіе не имѣли практическаго значенія, какъ напр. рекрутскій уставъ 1864 года. О Св. Воен. Постан. должно разумѣть то же самое, а придавъ сюда разные сенатскіе указы, министерскіе циркуляры, распоряженія синода и т. п., получимъ необъятную массу законовъ, подъ которыми, къ удовольствію чиновниковъ, изнываетъ населеніе всей Россіи. Къ этому общему ярму съ 1876 года присоединилось еще немалое число частныхъ, въ силу новаго закона, который предоставилъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, напр. губернаторамъ и градоначальникамъ, издавать „мѣстныя“ правила, которыя въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ могутъ совершенно обезсаконить страну, такъ что никто не будетъ знать, что законно и что нѣтъ. Примѣры этихъ постановленій мы видимъ напр. въ приказахъ генерала Гурко по управленію Петербургомъ, въ многорѣчныхъ обязательныхъ инструкціяхъ уѣзднымъ начальникамъ бывшаго оренбургскаго губернатора Гейнса, и пр.

Любопытно видѣть, какую долю въ общемъ законодательствѣ составляетъ военное. Въ 1855 году издано было 351 военныхъ законовъ, что составляетъ 36% общаго числа постановленій того года, вошедшихъ въ П. С. З.; въ 1856 г. 481=36%, въ 1860—360=30%, въ 1872—387=29%, т. е., вообще говоря, цѣлая треть законодательной дѣятельности правительства поглощается регламентаціею разныхъ подробностей управленія арміею. Поэтому то и мы сдѣлали нашъ очеркъ военныхъ силъ пропорціонально обширнѣе прочихъ. До чего эта регламентація простирается, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. 20 марта 1873 г. изданъ *законъ* о фуражкахъ съ козырьками для фельдфебелей, 24 марта того же года: *законъ* о формѣ ношенія офицерами гвардейскихъ гусарскихъ полковъ шапокъ при городской формѣ внѣ службы; 31 октября: объ учрежденіи при хабаровской постовой командѣ, въ замѣнъ лазарета, полугоспиталя, 24 ноября: о головномъ уборѣ для генераловъ при генеральскомъ артиллерійскомъ вицъ-мундирѣ, и т. п.—Спрашивается: есть ли возможность носителю верховной власти заниматься серьезными дѣлами, когда онъ долженъ посвящать значительную часть времени на подобный вздоръ?—А вѣдь императоръ, самодержавный и неограниченный, иначе и не можетъ дѣйствовать, пока онъ единственный законодатель своей страны и главный вождь ея арміи.

СОДЕРЖАНІЕ I-го ВЫПУСКА IV ТОМА.

Общій взглядъ на преобразованія Александра II. . 3
Освобожденіе крестьянъ 8
Крестьянская и другія реформы въ Польшѣ. . . 89
Перемѣны въ области правосудія 105
Земское и городское самоуправленіе. 135
Другія преобразованія и начинанія 160
Приложенія 196